

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам докладов научной конференции с международным участием «Актуальные проблемы современной лингвистики», посвященной 90-летию Марка Алексеевича Михайлова (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 18 сентября 2020 г.). Статьи по славистике, морфемике и словообразованию, грамматике русского языка, неологии, диалектологии, когнитивным аспектам лингвистики, включенные в сборник, написаны коллегами и учениками выдающегося ученого и отражают круг разнообразных научных интересов М.А. Михайлова.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Сборник статей
к 90-летию М.А. Михайлова

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Сборник статей
к 90-летию М.А. Михайлова

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского государственного университета
2020

УДК 81(081.2)

ББК Ш1я44

А 43

Рецензенты:

Маркова Елена Михайловна, доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка как иностранного
Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина
Лагузова Евгения Николаевна, доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка Ярославского государственного
педагогического университета им. К.Д. Ушинского
Петрова Наталия Евгеньевна, доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка и культуры речи
Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина

Редакционная коллегия:

Л.В. Рацибурская (отв. редактор), С.Г. Бусарева, В.А. Куликова

А 43 **АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ:**
сборник статей. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
2020. — 162 с.

ISBN 978-5-91326-605-7

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам докладов научной конференции с международным участием «Актуальные проблемы современной лингвистики», посвященной 90-летию Марка Алексеевича Михайлова (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт филологии и журналистики, 18 сентября 2020 г.). Статьи по славистике, морфемике и словообразованию, грамматике русского языка, неологии, диалектологии, когнитивным аспектам лингвистики, включенные в сборник, написаны коллегами и учениками выдающегося ученого и отражают круг разнообразных научных интересов М.А. Михайлова.

Для ученых, преподавателей вузов, аспирантов, магистрантов и студентов филологических специальностей, учителей русского языка и литературы, журналистов, а также всех интересующихся лингвистикой.

ISBN 978-5-91326-605-7

УДК 81(081.2)

ББК Ш1я44

© Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского, 2020

Марк Алексеевич Михайлов
1930–1993

Содержание

<i>Рацибурская Л.В.</i> Марку Алексеевичу Михайлову – 90!.....	7
Из воспоминаний Юлии Сергеевны Языковой, супруги М.А. Михайлова	9
<i>Рылов С.А.</i> Вклад Марка Алексеевича Михайлова в славистику	11
<i>Арискина О.Л.</i> Языковая личность тренера личностного роста: особенности вербального и лингвокогнитивного уровней	17
<i>Бакланова И.И.</i> Способы выражения критических замечаний в статьях по лингвистике (1920–1930-е гг.).....	25
<i>Беглова Е.И.</i> Способы употребления иноязычной лексики в текстах печатных СМИ 2010-х годов	35
<i>Бугаева И.В.</i> Активные языковые процессы в рекламном дискурсе	42
<i>Виноградов С.Н.</i> Местоименность как когнитивный механизм в грамматической системе языка.....	50
<i>Жданова Е.А.</i> Проблема разграничения словообразовательных и семантических неологизмов (на материале словарей новых слов)	58
<i>Жучкова Н.В.</i> «Новый Горький явился...» (к вопросу о духовном и бездуховном в произведениях Захара Прилепина)	65
<i>Климкова Л.А.</i> Деривационный потенциал имен собственных в русском языке	70
<i>Крамкова О.В.</i> Понятие лексических аналогов в функциони- ровании цветообозначений	81
<i>Куликова В.А.</i> Словообразовательная игра в заголовках электронных СМИ: коммуникативные риски	90
<i>Минеева З.И.</i> Норма vs аномалия?	98
<i>Никифорова О.В.</i> Лексические единицы, репрезентирующие ритуал одаривания на свадьбе в нижегородских говорах	106
<i>Палоши И.</i> Анализ семантической категории комитативности в русском языке: комитативность действий	114
<i>Рацибурская Л.В.</i> Проблемы морфемики и словообразования и современные деривационные процессы в научном наследии М.А. Михайлова	120
<i>Рылов С.А.</i> Чешская грамматическая терминология в сопоставлении с русской	127

Самыличева Н.А. Заменительная деривация vs. деривация по конкретному образцу в современном российском медийном словотворчестве	137
Федосеева Л.Н., Алексеева Т.Е. Интегративная функция словообразования в современном русском языке (на примере локативов)	144
Ясаи Л. О трактовке лингвистических проблем с учетом прикладного аспекта (на примере глагольного вида)	153
Список научных работ М.А. Михайлова	161

Марку Алексеевичу Михайлову – 90!

В январе исполнилось 90 лет нашему коллеге и учителю, выдающемуся отечественному лингвисту Марку Алексеевичу Михайлову. М.А. Михайлов работал на кафедре современного русского языка и общего языкознания почти 30 лет, с 1964 по 1993 гг. Круг его научных интересов чрезвычайно широк. Свой научный путь М.А. Михайлов начинал как славист-сорабист: кандидатская диссертация, которую он защитил после окончания аспирантуры в МГУ в 1959 году, посвящена суффиксам имен действующего лица в серболужицком языке.

В научном наследии М.А. Михайлова сорабистика сочетается с русистикой и вниманием к общелингвистическим проблемам, а также с диалектологией. В период преподавательской деятельности в Дальневосточном государственном университете М.А. Михайлов провел исследование количественных форм существительных на материале говора брянских переселенцев Приморского края. В начале 70-х годов XX в. ученый работал во Вроцлавском университете в Польше, где читал лекции и вел практические занятия по русскому языку. Результаты плодотворной зарубежной научной деятельности нашли отражение в книге «Вопросы морфологического анализа (проявление выделяемости морфем в деривационных процессах)». М.А. Михайлов принимал активное участие в работе Международного комитета славистов. В 1973 году М.А. Михайлов участвовал в работе VII Международного съезда славистов в Варшаве.

Вопросы морфемики и словообразования стали главным предметом научных исследований М.А. Михайлова в период его горьковской научной деятельности. М.А. Михайлова всегда отличал нетрадиционный, оригинальный подход к решению данных вопросов.

В период работы на кафедре современного русского языка и общего языкознания М.А. Михайлов подготовил несколько учебных пособий и монографий. Монография 1989 года «Речевая номинация и выделяемость морфем» легла в основу его докторской диссертации, которую он не смог защитить из-за серьезной болезни.

Работы М.А. Михайлова, посвященные изучению речевых деривационных процессов, органично вливаются в такое актуальное, перспективное направление словообразовательной науки, как исследование современной разговорной речи.

В некрологе, опубликованном в журнале «Славяноведение» (1995, № 2), Н.И. Толстой писал о трудах М.А. Михайлова: «я верю, будет пора, когда многие из них получат вторую жизнь, приобретут известность, как приобретают известность забытые или не дошедшие до нас в свое время труды Н.С. Трубецкого, Д.К. Зеленина, И.А. Бодуэна де Куртене».

Научные идеи М.А. Михайлова находят отражение в исследованиях его учеников и последователей.

Л.В. Рацибурская

Из воспоминаний Юлии Сергеевны Язиковой, супруги М.А. Михайлова

С Марком Алексеевичем Михайловым судьба свела нас в 1956 году во Владивостоке. В этом году был открыт университет. И в помощь новому вузу из столичных университетов были направлены выпускники аспирантур. Так в Дальневосточном государственном университете оказались ленинградка Ю.С. Язикова и москвич М.А. Михайлов.

Уже с первых минут Марк Алексеевич проявил себя незаурядным исследователем и организатором, он приступил к изучению переселенческих русских говоров – работе, которой не занимались на Дальнем Востоке с 20-х годов. Тогда, до расформирования университета, они были предметом научного внимания проф. Георгиевского. В 50-е годы в новом Университете со спецификой диалектологической работы были знакомы только мы двое. Уже летом 1957 г. мы возглавили две группы студентов, из которых впоследствии выросли активные и успешные диалектологи. Именно они стали основными кадрами дальневосточной диалектологии.

Владивосток был единственным в регионе городом с гуманитарным вузом. Ближе всего к ДВГУ располагался Уссурийский пединститут. А связь с научными центрами, где мы учились и где происходило наше становление, при расстоянии почти в 10 тысяч километров и при тогдашнем состоянии техники, была в основном по телефону и почтовая. Так, кстати, мы невольно становились более самостоятельными, чем наши соученики, хотя, конечно, тесных контактов с *alma mater*, которые были у них, мы оказались лишены. И тут проявились талант исследователя-организатора и эрудированность Марка Алексеевича: богемист по образованию, он еще во время учебы активно занимался русистикой, в том числе диалектологией, что очень помогло нам в ДВГУ. Свое внимание обратил на то, что население Приморского края было для него пришлым, и поэтому стал изучать местные говоры в соотношении с исходными для переселенцев. Присущая ученому «легкость на подъем» побудила Марка Алексеевича отправиться в области России, откуда приехали дальневосточники и там на месте изучать «исходные» говоры.

Талант привлекать людей к работе привел к тому, что вокруг М.А. Михайлова сформировалась группа молодых помощников, которым он замещал скудость знаний...

В дальнейшей своей научной и преподавательской деятельности Марк Алексеевич Михайлов всегда помогал студентам и молодым преподавателям и пользовался их заслуженной любовью и уважением.

ВКЛАД МАРКА АЛЕКСЕЕВИЧА МИХАЙЛОВА В СЛАВИСТИКУ

© С.А. Рылов

Описывается становление М.А. Михайлова как талантливого ученого-сорабиста. Цель работы – проанализировать вклад М.А. Михайлова в славистику. В качестве источников используются труды ученого по серболужицким языкам, не опубликованные в печати воспоминания выпускницы филфака МГУ Н.С. Араповой, собственные впечатления автора. В славистику М.А. Михайлов внес весомый вклад своими глубокими исследованиями в области языка лужицких сербов. В работах ученого по-новому освещаются до конца не решенные в 50–70-е гг. XX века общетеоретические вопросы славистики: своеобразие и отличия серболужицкого литературного языка от других западнославянских языков, проблема выделения двух серболужицких языков. Обстоятельный научный анализ получает конкретный фактический материал верхнелужицкого и нижнелужицкого языков. Им впервые описана специфическая модель композит верхнелужицкого языка. Исследования М.А. Михайлова способствовали утверждению в славистике положения о существовании двух самостоятельных серболужицких языков, ставшего общепринятым в начале XXI века.

Ключевые слова: славистика, сорабистика, верхнелужицкий язык, нижнелужицкий язык, Марк Алексеевич Михайлов, проблема выделения двух серболужицких языков, существительные со значением действующего лица, специфическая модель композит верхнелужицкого языка, серболужицкие глагольные формы.

М.А. Михайлов в течение почти 30 лет (с сентября 1964 по март 1993) работал на кафедре русского языка и общего языкознания ГГУ им. Н.И. Лобачевского. Все мы знаем и помним Марка Алексеевича как талантливого, оригинального исследователя в области русистики: морфемики, словообразования, морфологии. Однако это был человек широкой эрудиции, и в душе, в своей научной и педагогической деятельности он всегда оставался славистом.

В студенческие годы М.А. Михайлов получил блестящую славистическую подготовку. Он обучался в МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «Чешский язык и литература» у главного богемиста в нашей стране – проф. А.Г. Широковой. По воспоминаниям Н.С. Араповой, М.А. Михайлов «чешским языком владел блестяще и как практик-переводчик, и как специалист-языковед (что всегда подчеркивала А.Г. Широкова). Два базовых языка – чешский и русский, хорошее знакомство с польским и словацким языками, а также весьма основатель-

ные знания в области русской диалектологии, полученные в полевых условиях, дали молодому ученому возможность быстро овладеть и новым для него языком – языком сербов-лужичан, обитающих на территории Германии» (из неопубликованных воспоминаний Н.С. Араповой). На старших курсах Марк Алексеевич увлеченно слушал лекции С.Б. Бернштейна по сравнительной грамматике славянских языков. Поэтому далеко не случайно, что сразу после окончания филфака МГУ М.А. Михайлов поступает в аспирантуру по редкой специальности «Серболужицкое языкознание», где его научным руководителем становится выдающийся отечественный славист С.Б. Бернштейн. Проблема, явившаяся предметом исследования М.А. Михайлова, связана с системой словообразования существительных со значением действующего лица в языке сербов-лужичан. Ей посвящена кандидатская диссертация «Суффиксы имен действующего лица в серболужицком языке», которая была успешно защищена в 1962 году в Институте славяноведения АН СССР.

В научном наследии М.А. Михайлова 10 работ, посвященных изучению серболужицких языков и опубликованных как в центральных отечественных журналах, так и за рубежом. В современную славистику М.А. Михайлов внес весомый вклад прежде всего своими пионерскими глубокими исследованиями в области языка лужицких сербов.

Чтобы объективно оценить этот вклад, необходимо представить всю сложность ситуации, сложившейся в советском языкознании в середине XX века. Это были годы «возрождения» славистики после её разгрома в 30–40-е годы. Что касается самого предмета научного исследования М.А. Михайлова, то в русском славяноведении количество работ по языку сербов-лужичан не так велико, как по другим славянским языкам и их диалектам, хотя интерес к языку лужицких сербов проявляли некоторые ученые ещё в XIX и первой половине XX вв.: О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, А.Ф. Гильфердинг, А.А. Кочубинский, Л.В. Щерба, А.М. Селищев. Эту эстафету в 50–60-е годы XX века подхватил молодой ученый М.А. Михайлов и стал в 60–70-е годы одним из немногих в стране специалистов, исследовавших язык сербов-лужичан, обитающих на небольшой территории Германии.

Необходимо иметь в виду, что отношение к языку сербов-лужичан в науке в середине XX века не было однозначным. Во-первых, исследования его проводились в основном на диалектном уровне, как, например, в работе Л.В. Щербы «Востоchnолужицкое наречие». Во-вторых, наиболее распространенным было мнение о существовании единого языка у лу-

жицких сербов. Так, в 60-е годы XX в. известный немецкий исследователь Р. Лёч (R. Löttsch), опираясь на общетеоретические положения о взаимоотношении языка и диалекта применительно к донациональному периоду развития, доказывал, что язык, на котором говорят лужичане, представляет собой единый серболужицкий язык [Михайлов 1967: 119], а мнение о «противопоставлении верхнелужицкого и нижнелужицкого как самостоятельных языков <...> ошибочно» [Михайлов 1967: 120]. В рецензии на работу Р. Лёча «Einheit und Gliederung des Sorbischen» (Berlin, 1965) М.А. Михайлов, признавая положения Р. Лёча обоснованными, в то же время не соглашается с ним, так как в вопросе о правомерности выделения двух серболужицких языков необходимо, по мнению М.А. Михайлова, строго дифференцировать термины «язык» и «диалект» именно применительно к современным языкам и детально исследовать переходные лужицкие говоры не только в фонетическом плане, но и с точки зрения морфологической [Михайлов 1967: 120–121].

Свое диссертационное исследование М.А. Михайлов начинает именно с рассмотрения статуса языка лужицких сербов, анализируя этот язык в широком контексте: «с одной стороны, во взаимоотношениях серболужицкого языка с немецким, с другой — во взаимоотношениях верхнелужицкого и нижнелужицкого литературных языков с разговорными диалектами» [Михайлов 1959: 128]. Ученый приходит к выводу, что понятие «народный язык» применительно к серболужицкому языку всегда специфично, а «литературный серболужицкий язык отличается слабой нормативностью» [Михайлов 1959: 129], но в то же время имеет много черт, характерных для серболужицких диалектов. Кроме того, в результате действия разных факторов нижнелужицкий язык приобрел ряд особенностей в сравнении с верхнелужицким [Михайлов 1959: 130].

Сильное диалектное членение обоих серболужицких языков, сравнительно позднее возникновение литературного языка у сербов-лужичан, интенсивное влияние немецкого языка плюс то, что ни один из серболужицких языков не имел статуса государственного языка, – всё это создавало большие трудности при анализе и квалификации серболужицкого языкового материала. Однако это не помешало молодому исследователю глубоко проанализировать языковой материал, которым он располагал. Кстати, М.А. Михайлов широко использовал данные словарей, тексты художественной литературы и публицистики на серболужицких языках, являвшиеся большой редкостью (и надо было их ещё разыскать); привлекал данные других западнославянских языков — чешского, польского, а также показания диалектов. Поражает, насколько глубоко,

разносторонне и обоснованно подошел М.А. Михайлов к сложной проблеме выделения двух серболужицких языков, хотя и не имел возможности знакомиться с языком лужицких сербов, с их диалектами, в их естественной среде.

Обоснованному решению данной проблемы во многом способствовал разносторонний анализ конкретного фактического материала серболужицких языков. Так, в кандидатской диссертации М.А. Михайлов дает картину существительных со значением действующего лица в отдельных славянских языках (чешском, польском) и на этом фоне рассматривает почти все собственно лужицкие суффиксы для образования имен действующего лица, выделяя словообразовательные группы в порядке продуктивности суффиксов как с наиболее частотным суффиксом *-ar*: *blidar* и н-луж. *blidaŕ* ‘столяр’; *hapykar* и н-луж. *aptejkaŕ* ‘аптекарь’; *rybar* и н-луж. *rybaŕ* ‘рыбак’ и др. [Михайлов 1959: 134], так и с наименее распространенными суффиксами *-ak*, *-ćel*, *-c*, *-č*, *-čk*.

М.А. Михайлов обращается к подробному анализу сложных слов верхнелужицкого языка в специальной работе «О форме винительного падежа имен существительных как составной части верхнелужицких сложных слов», опубликованной в «Серболужицком лингвистическом сборнике», изданном Институтом славяноведения АН СССР [Михайлов 1963: 107–137]. Винительный падеж существительного в качестве первой части композит – крайне редкое явление в славянских языках, но именно в верхнелужицком языке эта модель получила активное развитие. Эта работа вносит значительный вклад в славистику, так как данный тип словообразования, весьма специфичный и своеобразный, вообще не был ранее освещен в сорабистике, в том числе и в наиболее исчерпывающем исследовании верхнелужицкого словообразования – работе М. Кречмара «*Tworjenje słowow w hornjoserbšćinje*».

В ряде других более поздних статей М.А. Михайлов приходит к анализу глагольных форм: серболужицких глагольных приставок, выражающих отмену результата предшествующего действия (1989) и верхнелужицких отглагольных форм на *-at*-у в глагольных конструкциях (1970).

Все работы М.А. Михайлова по серболужицким языкам носят конкретный характер: без всяких вступлений и предварительных рассуждений автор сразу переходит к интересующему его предмету исследования. Исследовательская «лаборатория» М.А. Михайлова такова: основываться на конкретных фактах серболужицких языков, глубоко вникать в их семантику, осмысливать серболужицкий материал в сопоставлении с другими славянскими языками. Примечательно удивительное умение

ученого сочетать анализ конкретного речевого материала с широким *общеславянским* контекстом и увидеть в частности общие для славянских языков закономерности исторического развития.

Итак, можно заключить, что своими глубокими оригинальными исследованиями М.А. Михайлов внес весомый вклад в сорабистику, многие его наблюдения и выводы были новыми и доказательными. Интересно, что именно в недрах сорабистики явно прослеживается всё большее внимание к проблематике морфемики и словообразования.

Исследования М.А. Михайлова в области языка лужицких сербов, выявление им конкретных особенностей серболужицких языков и диалектов заняли достойное место и в славистике, во многом способствовали утверждению положения о существовании и развитии двух самостоятельных западнославянских микроязыков: верхнелужицкого и нижнелужицкого, что стало общепринятым в современной славистике. Углубленное изучение славянских микроязыков в социально-функциональном плане сохраняет свою актуальность и в настоящее время [Рылов 2018: 115, 119].

Активная научная и учебно-методическая деятельность М.А. Михайлова стала заметной вехой в развитии славянской филологии в Нижегородском (Горьковском) университете [Рылов 2016: 149]: он стоял у истоков изучения и преподавания в ГГУ западнославянских языков. Свободно владея чешским, польским и немецким языками, имея глубокие знания в области серболужицких языков, М.А. Михайлов в течение нескольких лет вел в ГГУ практические занятия по чешскому языку. Как талантливый слависта, его хорошо знали в стране и за рубежом. В течение 3 лет он был на преподавательской работе во Вроцлавском университете (Польша). В 1973 году М.А. Михайлов участвовал в работе VII Международного съезда славистов в Варшаве.

Список литературы

1. Михайлов М.А. Суффиксы имен действующего лица в серболужицком языке // Уч. зап. Института славяноведения АН СССР. Том XVII. М., 1959. С. 128–207.
2. Михайлов М.А. Рецензия на работу: R. Löttsch. Einheit und Gliederung des Sorbischen. Berlin, 1965... // Советское славяноведение / АН СССР. М., 1967. № 4. С. 119–121.
3. Михайлов М.А. О форме винительного падежа имен существительных как составной части верхнелужицких сложных слов // Серболужицкий лингвистический сборник / Институт славяноведения АН СССР. М., 1963. С. 107–137.

4. Рылов С.А. Проблема типологии современных славянских языков: социально-функциональный аспект // Лингвистические традиции и современность: Сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения проф. В.Н. Немченко / Отв. ред. Л.В. Рацибурская. Н. Новгород: ННГУ им. Лобачевского, 2018. С. 113–120.

5. Рылов С.А. Славянская филология в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского // Slavica Litteraria. Ročník 19, číslo 2. Brno, 2016. S. 145–154.

MARK ALEXEYEVITCH MIKHAILOV'S CONTRIBUTION INTO SLAVONIC STUDIES

© S.A. Rylov

The article describes formation of M.A. Mikhailov as a talented Sorbian studies scholar. The purpose of this work is to analyze Mikhailov's contribution into Slavonic studies. The works of the scientist on the Sorbian languages, unpublished memoirs of the MSU Faculty of Philology graduate, N.S. Arapova, and the author's own impressions are used as sources. M.A. Mikhailov made a significant contribution into Slavonic studies with his deep research in the field of the language of the Sorbs of Lusatia. The scientist shed new light on the theoretical issues of Slavonic studies not completely solved in the 50-70s of the XX century: originality and differences of the Sorbian literary language from other West Slavonic languages, the problem of separation of two Sorbian languages. Due to detailed scientific analysis concrete factual material of the Upper and Lower Sorbian languages was obtained. He was the first to describe a specific model of the Upper Sorbian language composite. Research made by M.A. Mikhailov contributed to the promotion of the statement in Slavonic studies that there exist two independent Sorbian languages, which became generally accepted at the beginning of the XXI century.

Keywords: Slavonic studies, Sorbian studies, the Upper Sorbian language, the Lower Sorbian language, Mark Alexeyevitch Mikhailov, the problem of separating of two Sorbian languages, nouns with 'Nomina Agentis' meaning, a specific model of Upper Sorbian language composite, Sorbian verbal forms.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ТРЕНЕРА ЛИЧНОСТНОГО РОСТА: ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОГО И ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО УРОВНЕЙ

© *О.Л. Арискина*

Целью данной статьи является анализ языковой личности коучей (менторов, наставников, тренеров), т.е. представителей наиболее популярной в XXI в. профессии, людей, которые влияют на миллионы слушателей и читателей, меняя их шкалу ценностей и картину мира. Поэтому представляется актуальным описать общие характеристики языковой личности тренеров, чтобы увидеть вектор в изменении картины мира современного человека. В качестве методологии при исследовании языковой личности использованы приемы из когнитивной метафорологии Дж. Лакоффа, анализ структуры языковой личности согласно теории Ю.Н. Караулова, концепция социокода философа и историка науки М.К. Петрова. В результате исследования охарактеризован вербально-семантический уровень языковой личности тренера и описаны ключевые концепты и метафоры, их реализующие на лингвокогнитивном уровне языковой личности трех – наиболее ярких – коучей наших дней: И. Хакамады, Р. Гандапаса и Т. Джумма.

Ключевые слова: языковая личность, тренер личностного роста, коуч, вербально-семантический уровень, лингвокогнитивный уровень, концепт, метафора, ценность, картина мира.

Современная языковая картина мира «пестрит» новыми терминами «коуч», «ментор», «фасилитатор», «тьютор», «тренер личностного роста». Анализ дефиниций данных понятий представлен в работе Е.И. Соколовой [Соколова 2013]. В нашей статье мы объединим эти термины одним понятием – тренер личностного роста. Именно это и станет объектом нашего исследования – дискурс людей, которые занимаются тренингом личностного роста, которые ставят задачу изменить мировосприятие многих и мотивировать их на свершения, ведущие к достижению цели. Статистика говорит, что данная профессия сейчас является одной из самых востребованных. При этом представители этого направления в качестве профессионального инструментария имеют слово, ибо они активно выступают на публике, ведут блоги, создают собственный бренд в соцсетях, дают интервью, основывают клубы успешных личностей, пишут книги. Таким образом, интерес вызывает языковая личность представителей этой профессии.

Антропоцентризм – главный вектор в современной науке. Языкознание не стало исключением: развитие когнитивной лингвистики [Богданович, Тарасюк 2018; Попова, Стернин 2007; Болдырев 2014], дискурс-анализа [Карасик 2001; Макаров 2003; Чернявская 2006], учения о языковой личности (ЯЛ) [Караулов 1987; Богин 1998; Карасик 2001; Арискина, Дрянгина 2011] подтверждают это.

Данное исследование тоже укладывается в рамки антропоцентрической парадигмы и является логическим продолжением изучения ЯЛ представителей различных социальных групп. Более десяти лет научное объединение молодых ученых филологического факультета Мордовского государственного университета «Антрополингвистика» при содействии ученых из других вузов (российских и зарубежных (например, Масариков Университет в Брно)) занимается изучением ЯЛ филологов прошлого, пытаюсь заполнить лакуну в истории филологического образования [Арискина, Дрянгина 2013; Ariskina, Pulov 2020], также изучаются ЯЛ философов [Сивцова, Арискина 2013; Ariskina, Yurina 2020], педагогов прошлого и современных учителей-словесников [Ariskina, Dryangina 2020], политиков, представителей священства [Арискина 2020]. Актуальность проведенной работы заключается в том, что современное филологическое образование является результатом исторического развития, поэтому важно понимать, кем, как и когда были заложены основы науки о языке и как на формулирование теорий повлияли личностные особенности ученых, т.е. как ЯЛ создателей научного дискурса отразилась в тексте. Кроме того, представляется перспективным создание ценностных ориентиров современного образования на концептосфере дореволюционных грамматик и культивирование важных особенностей ЯЛ современного педагога под влиянием ЯЛ филологов и методистов прошлых веков [Ariskina 2015]. Анализ ЯЛ современного тренера личностного роста также пополнит нашу исследовательскую «копилку» и позволит понять, как трансформировались ценности за последние столетия.

Цель данной статьи – анализ ЯЛ тренера личностного роста: характеристика вербального уровня и выявление ключевых концептов. В рамках публикации мы ограничимся тремя представителями этой профессии, рассмотрев дискурс Р. Гандапаса, И. Хакамады и Т. Джумма.

Анализ материала будет основываться на методологии когнитивной метафорологии [Лакофф 2004], теории ЯЛ [Караулов 1987], концепции социокода [Петров 2004].

Вслед за Ю.Н. Карауловым мы будем описывать ЯЛ коуча как трехуровневую иерархию: 1) вербально-семантический уровень, отражаю-

ший степень владения языком; 2) лингвокогнитивный уровень (или тезаурусный), отражающий картину мира языковой индивидуальности; 3) прагматический уровень (или мотивационный), включающий цели, мотивы, интересы, установки [Караулов 1987: 3]. Наше внимание в рамках данной публикации будет сконцентрировано на первых двух уровнях. Ведущим элементом лингвокогнитивного уровня и генератором трансляции и трансмутации научного знания мы считаем метафору [Лаккофф 2004]. Используя перечисленные технологии, мы попытаемся описать совокупную языковую личность современного тренера личностного роста.

Как было замечено выше, у каждого из этих публичных лиц есть и собственные блоги, школы, изданные книги, но для нашего материала мы будем использовать тексты из электронной рассылки. Следует понимать, что у данных тренеров личностного роста уже есть свои команды, которые и занимаются подобными рассылками, сотрудники пишут тексты, выбирают соответствующее фото, придумывают лиды – в целом, формируют бренд определенной публичной личности. Поэтому мы можем сказать, что нами предпринята попытка проанализировать особенности проявления «брендированной» ЯЛ, что во многом составляет новизну нашей работы.

Особенностью вербально-семантического уровня можно считать доминирование глагольных лексем: *менять, выходить, контролировать, действовать, учиться, применять, перепрограммировать, идти, находить, бороться, мотивировать, совершать, делать, мечтать/ исполнить мечту/попробовать исполнить мечту, тормозить (себя), открыть, организовать, управлять, спасти, помочь, разбудить, развиваться, прокачать, прокачивать, импровизировать, практиковаться, разгрузить, успеть, приобретать, эксплуатировать, подготовиться, стартовать, монетизировать, перестроить, завоевывать, блистать, побеждать*. Этот глагольный ряд регулярно дополняется словами с частицей «не»: *не дожидаться, не останавливаться, не свихнуться, не усложнять, не накручивать, не бояться*.

Как антонимы к этим рядам используются единицы *останавливаться, довольствоваться, потерять, задумываться, находиться в энергосбережении, плыть по течению, не сражаться, не охотиться, иссякнуть, устать*.

Важная вербальная характеристика коучей – использование глаголов в повелительном наклонении: *регистрируйтесь, запишись, научись, найди, развивай, успеи* и т.п.

Как видим, кроме нейтральной лексики используются термины (*импровизировать, эксплуатировать, перепрограммировать* и др.), а также слова с разговорной и просторечной окраской (*тормозить, накручивать, свихнуться* и др.). Заметим, что в устной речи тренеры личностного роста не чуждаются использования даже вульгаризмов и нецензурной лексики.

Привлекают читательское внимание и экспрессивные прилагательные: *чумовой, взрывной, бомбический, ядерный, мощнейший (марафон/курс/вебинар), вкусные (подарки/предложения)*.

Рассмотрим наиболее частотные существительные, используемые в тренерском дискурсе. В первую очередь, выделяется группа имен, необходимых для «самоназвания»: *личность, лидер, коуч, тренер, ментор, эксперт*.

Во-вторых, активно употребляются существительные, обозначающие инструменты / формы обучения: *генерация, стиль, инсайт, опыт, сценарий, управление, активация, школа, курс, вебинар, семинар, игра, клуб, общение, выступление, секрет, лайфхак, коммуникация, техники, инструмент, стратегии, чек-лист, бонус*.

В-третьих, слова, обозначающие область, требующую развития: *привычки, мозг, интеллект, реакция, ресурсы, силы, энергия, ответственность, механика мышления, уверенность, эмоции, сознание, подсознание, самовыражение, творчество, харизма, эмоциональный интеллект, отношения, карьера* и др.

В-четвертых, следует выделить группу лексем, характеризующих негативные проявления / состояния человека: *рутина, конфликт, стагнация, прокрастинация, хаос, беспорядок, бедность, долги, безработица, надвигающаяся волна вируса, кризис, неудача*.

Пятую группу составляют слова, связанные с успехом: *кайф, драйв, секс, реактор, счастье, доход, возможности, результат, продажи, доходы, финансы, капитал, цель, миллионер, труд, смелость, совершенство, вызов, карьера, успех, поступок, время, движение, развитие, воплощение, решение, деньги* и др. Как видим, используемые лексемы, как правило, обозначают именно материальное выражение успеха.

Таким образом, лексемы из групп № 4 и № 5, вступая в противопоставление, как и антонимические ряды глаголов, способны даже на вербально-семантическом уровне представить некую картину миру, шкалу ценностей современного коуча, за которым в наши дни идут сотни тысяч (а иногда и миллионы) людей.

Кроме того, тренеры личностного роста используют такие термины, как *гештальт* (чаще в выражении «закрыть гештальт»), *паттерн*, что во многом позволяет повысить экспертность их речи.

Приведенные выше группы характерны для дискурса каждого из рассматриваемых нами коучей. Однако есть и индивидуальные особенности ЯЛ, отразившиеся на вербально-семантическом уровне.

Словами, связанными с японской культурой, очень часто пользуется И. Хакамада: *Самурай сдержан, наносит точный удар* (Хакамада, видео «Как работать с эмоциями») / *Дао-жизни – великий принцип, который позволяет спешить не спеша, бежать не бегая, достигать всего, не пытаясь ничего достичь* (Хакамада, анонс studio1_agen).

Также для Ирины Хакамады характерно использование таких лексем, как *кайф* и *драйв*: *Кайф, драйв и карьера* (Хакамада, анонс лекции 20.11.2019 в Нижнем Новгороде).

В дискурсе Р. Гандапаса есть отсылка к «корням», к малой родине, к Одессе, например, он часто ссылается на «одесский колорит». Очень часто предметом его размышления / обучения является эмоциональный интеллект: *EQ – главный инструмент преуспевающего человека* (Школа Р. Гандапаса, рассылка от 3 сентября 2020).

У всех трех рассматриваемых нами коучей редкие, запоминающиеся фамилии, поэтому часто они тоже становятся центром вербально-семантического уровня, а потом трансформируются в концепты на лингвокогнитивном, а далее в рамках языковой игры переходят на уровень воздействия и мотивации – прагматический. Так, И. Хакамада назвала продаваемые ей курсы собственной фамилией-брендом: «Хакамадон», «Хакамагеддон», «Хакамадец», «Хакалайф». Аналогичным образом поступает и Т. Джумма, создав риторическую игру «Джумманджи».

На следующем этапе исследования были рассмотрены ключевые концепты и метафоры, их реализующие. Ключевых концепта два – «Деньги» и «Успех», причем концепт «Успех» часто включает в себя концепт «Деньги»: *Денег нет. Как удержаться? Прокачиваем финансовую сферу Колеса жизненного баланса / Как лидерское мышление помогает зарабатывать? / Финансовый вопрос сейчас один из самых популярных / Искусство зарабатывать деньги / ... люди считают наличие капитала успехом и стремятся к нему, как к первичной цели. Но к деньгам нужна инструкция... / Получаем правильные ответы и увеличиваем доходы* (Школа Р. Гандапаса, рассылки от 27.05.2020, 17.07.2020, 20.07.2020, 31.08.2020); *Верно, что рано или поздно каждый эксперт задается вопросом: как я могу монетизировать свой опыт? / Как стать высокооплачиваемым экспертом онлайн-школы?* (Джумма, рассылка от 20.07.2020); *Успех приходит только к тем, кто регулярно над ним работает / Гениальные идеи талант и деньги не рождаются из*

воздуха / Умение быстро отвечать на внезапные вопросы – залог успеха в карьере и личной жизни / Опыт позволяет добиваться успеха (Хакаматон, рассылки от 03.05.2020, 25.06.2020, 26.06.2020, 27.08.2020).

Однако в период эпидемии 2020 г. появляется некоторое сомнение в абсолюте концепта «Деньги»: *Пандемия показала миру, что финансовая подушка не гарантия здоровья. Поговорка, что здоровье за деньги не купишь, оказалась правдой?* (Школа Р. Гандапаса, рассылка от 30.05.2020). Мы видим, что коуч использует устойчивую метафору *финансовая подушка*, апеллирует к прецедентному тексту (поговорке) и формулирует все в виде риторического вопроса. Так как далее будет все же аргументироваться важная роль денег в сохранении и восстановлении здоровья, то в данном высказывании ощущается и некоторая ирония.

По мнению Р. Гандапаса, деньги и успех невозможны без лидерских качеств, без мышления лидера: *Можно быть миллионером без миллиона и наоборот. В основе успеха стоит мышление, которое покажет: что тебе нужно, когда это получить, и как этого достичь* (Школа Р. Гандапаса, рассылка от 17.07.2020). Здесь высказывание построено на основе оксюморона, имеющего цель активизировать мыслительную деятельность слушателя или читателя.

О ведущей роли мозга на пути к успеху часто говорит и И. Хакамада: *Перепрограммируй свой мозг / Хакамагеддон поможет перепрограммировать мозг, включить воображение и научиться думать по-новому* (Хакаматон, рассылки от 26.06.2020 и 29.08.2020). Как видим, И. Хакамада часто использует механистические метафоры, создающие образ человека-машины, человека-компьютера.

Интерес представляет и то, как «самопрезентуют» себя тренеры: *Ведущий тренер по формированию личного бренда и коммуникации, мастер влияния* (Т. Джумма); *... самый титулованный тренер России, известный специалист по лидерству, тьютор и ученик автора концепции EQ, самый высокооплачиваемый тренер России* (Р. Гандапас); *Бизнес-тренер, писатель, кандидат в Президенты России 2004* (И. Хакамада).

Подобные номинации сами являются олицетворением концепта «Успех» и позволяют тренерам личностного роста собирать огромную аудиторию и влиять на людей, формировать их систему ценностей, трансформировать картину мира.

Список литературы

1. Аriskина О.Л. Концепт «Смирение» в письмах игумена Никона Воробьева // Русский язык в поликультурном мире: Сб. науч. статей IV Международно-

го симпозиума (9–11 июня 2020 г.). В 2 т.: Том 1. Симферополь, 2020. С. 397–403.

2. Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Роль языковой личности грамматистов XVI–XVIII вв. в развитии русской лингвистической науки. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. 84 с.

3. Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2011. № 25 (240). С. 15–18.

4. Богданович Г.Ю., Тарасюк Д.В. Картина мира сквозь призму языкового сознания крымской молодёжи (на примере русского, украинского, польского языков) // Межкультурные коммуникации: Русский язык в современном измерении. Симферополь, 2018. С. 15–17.

5. Богин Г.И. Языковая личность школьника как формат для определения успешности его филологической подготовки. Тверь: Просвещение, 1998. 164 с.

6. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. 236 с.

7. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С. 3–16.

8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

9. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

10. Петров М.К. Язык, знак, культура. М.: Едиториал УРСС, 2004. 328 с.

11. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСИ, 2007. 314 с.

12. Сивцова Н.В., Арискина О.Л. Языковые средства выражения знания в лекционной речи М.М. Бахтина // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 91. С. 137–144.

13. Соколова Е.И. Анализ терминологического ряда «коуч», «ментор», «тьютор», «фасилитатор», «эдвайзер» в контексте непрерывного образования // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Вып. 4. С. 124–135.

14. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.

15. Ariskina O. Formation of value orientations in modern education on the axiological basis of XVI-XVIII centuries grammars // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. T. 214. P. 825–832.

16. Ariskina O.L., Dryangina E.A. Expressiveness in the structure of the teacher's linguistic personality (a case study of K.D. Ushinsky). Volumen 7, Número Especial, Julio – Septiembre 2020, pp. 153–165.

17. Ariskina O.L., Pulov E.V. Terminological metaphors in V. A. Bogoroditsky's scientific discourse // REVISTA INCLUSIONES. Chile-WoS – Volumen 7, Número Especial, Julio – Septiembre 2020, pp. 52–62.

18. Ariskina O.L., Yurina N.G. Features of the linguistic personality of V.S. Solovyov-publicist (on material of his speech «Three forces») // UTOPIA Y PRAXIS LATINOAMERICANA. AÑO: 25, n° EXTRA 5, 2020, pp. 39–50.

LINGUISTIC PERSONA OF A LIFE COACH: THE SPECIFICITIES OF VERBAL AND LINGUO-COGNITIVE LEVELS

© *O.L. Ariskina*

The purpose of the article is to analyze the linguistic persona of a coach (mentor, tutor, trainer), who represents the most popular profession of the XXI century. These people influence millions of listeners and readers changing their values and worldview.

Thus, the description of general characteristics of a coach's linguistic persona is important today. The goal of this description is to see the vector in the change of the modern human's worldview. The techniques of G. Lakoff conceptual metaphor theory, the analysis of linguistic persona structure on Yu. Karaulov's theory, the philosopher and science historian M. Petrov's sociocode concept are used as a methodology in the research of linguistic persona. As a result of the study, the verbal-semantic level of a coach's linguistic persona is characterized. The key concepts and metaphors realizing them on the linguo-cognitive level of linguistic persona are described. This is carried out through the example of the three most prominent coaches of our time: I. Khakamada, R. Gandapas, T. Jumma.

Keywords: linguistic persona, life coach, coach, verbal-semantic level, linguo-cognitive level, concept, metaphor, value, worldview.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КРИТИЧЕСКИХ ЗАМЕЧАНИЙ В СТАТЬЯХ ПО ЛИНГВИСТИКЕ (1920–1930-е гг.)

© И.И. Бакланова

Статья посвящена рассмотрению способов выражения критических замечаний в научных лингвистических текстах в 20–30-е гг. XX в. В ней сопоставляются критические замечания, отвечавшие нормам научного стиля, с критическими замечаниями, появившимися в советскую эпоху. Советская критика названного времени отличалась безапелляционностью формы, отсутствием логически корректной аргументации, а также широким использованием экспрессивно-оценочной лексики. Сравнение двух типов научной критики показывает, что их одновременное существование было результатом вторжения идеологии в сферу научной коммуникации: адресатами критических замечаний были ученые, а в действительности тексты с критикой адресовались власти. Главным для критиков было не установление научной истины, а демонстрация лояльности режиму.

Ключевые слова: научный текст, критические замечания, тактичность, категоричность, корректность аргументации, экспрессивно-оценочная лексика.

Очевидно, что научный дискурс служит не только для передачи научной информации, но и для поиска научной истины. А истина, как известно, рождается в споре. Следовательно, научный этикет должен обладать нормами ведения спора, позволяющими оппоненту не соглашаться с докладчиком, серьезно критиковать его достижения и в то же время не оскорблять его.

Сказанное определяет цель данной статьи – рассмотрение способов выражения критических замечаний в лингвистических текстах 20–30-х гг. XX в. Материалом рассмотрения послужили тексты из сборника [Нерознак, Базылев 2001].

С.И. Поварнин считал идеальной формой спора спор «ради проверки истины». «Этот тип спора, – писал С. И. Поварнин, – встречается редко, только между очень интеллигентными и спокойными людьми. Если сойдутся два таких человека, и для обоих их данная мысль не кажется уже совершенно готовой и припечатанной истиной, и оба они смотрят на спор как на средство проверки, то спор иногда получает особый характер какой-то красоты. Он доставляет, кроме несомненной пользы, истинное наслаждение и удовлетворение; является поистине “умственным пиром”. Тут и сознание расширения кругозора на данный предмет,

и сознание, что выяснение истины подвинулось вперед, и тонкое, спокойное возбуждение умственной борьбы, и какое-то особое, эстетическое, интеллектуальное наслаждение. После такого спора чувствуешь себя настроенным выше и лучше, чем до него. <...> Такой спор есть, по существу, совместное расследование истины. Это высшая форма спора, самая благородная и самая прекрасная» [Поварнин 1994: 27].

К сказанному можно добавить доводы, которыми необходимость соблюдения норм научного этикета аргументировал М.Ю. Федосюк: «Толерантная форма выражения критических замечаний является нормой современной научной коммуникации, и отступления от нее, как правило, не увеличивают доказательную силу рассуждений ученого, а напротив, ставят справедливость этих рассуждений под сомнение» [Федосюк 2003: 241]. И далее: «Очевидно, что, будучи диалектическим по своему содержанию, научный спор должен быть толерантным по форме. Среди причин такого положения следует назвать, во-первых, осознание любым добросовестным ученым того, что всякая научная истина относительна и с течением времени может быть уточнена или даже опровергнута <...>, во-вторых, ориентацию на совместный с другими исследователями (в том числе и с оппонентами) поиск этой истины и, наконец, в-третьих, органически присущую научной речи установку на объективность изложения и соответственно стремление избегать категоричных утверждений и оценок. Все это дает основания рассматривать научную полемику если как не эталон, то, во всяком случае, как наиболее полное воплощение принципов толерантного речевого общения» [Федосюк 2003: 242].

Однако революция 1917 года внесла изменения в стиль научной полемики: на фоне существования традиционной тактичной научной критики некоторые ученые, являвшиеся сторонниками марксистской идеологии, позволяли себе критику, унижающую достоинство человека, грубую, логически некорректную, с уклоном в идеологию. Приемы такой критики, возникнув в работах сторонников Н.Я. Марра, впоследствии проявлялись на протяжении всего советского периода [Бакланова 2017].

Часть ученых в 20–30-е гг. XX в. не отказалась от общепринятых норм ведения научных споров и соблюдала традиционные нормы научного этикета. Например: *Одною из коренных ошибок индо-европейской школы придется признать мнимый ее историзм, заключающийся в стабильном по существу подходе к языку изучаемого периода и в сравнении его с письменно зафиксированным строем речи других периодов, равным образом изучаемым стабильно. Поэтому, с одной стороны, исследование не идет глубже письменных источников, игнорируя к*

тому же несомненное сосуществование им бесписьменной речи, находившейся во взаимоотношении с письменной, и в то же время не приводится исторического различия в самом носителе речи, в общественной среде, каковая будет отличаться даже для литературного языка, феодального и буржуазного. В связи с этим язык рассматривается как единое целое во всем своем развитии каждого конкретно взятого языка, различаемое лишь календарною хронологическою периодизацией (Мещанинов, 307) (далее в круглых скобках будут даны ссылки на источник примера с указанием фамилии автора статьи и страниц в [Нерознак, Базылев 2001]).

Как видно, автор критикует индоевропейскую школу, однако тактично. Во-первых, он аргументирует свое мнение, объясняя, почему считает историзм индоевропейской школы мнимым и каким образом эта мнимость влияет на исследования. Во-вторых, автор смягчает свои оценки: утверждая, что индоевропейская школа имеет коренные ошибки, автор рассматривает лишь *одну из них*; автор не прямолинейно критикует индоевропейскую школу, а как бы сокрушается, что эти ее ошибки *нельзя не признать*, что объясняется ‘признанием по необходимости’.

Однако в то же время многие оппоненты в 20–30-е гг. прошлого века, высказывая критические замечания в адрес своих коллег, нарушали корректность ведения спора, чтобы продемонстрировать свою лояльность власти и проводимому ею идеологическому режиму [Романенко 2000].

Рассмотрим наиболее распространенные элементы узуса научной речи в 20–30-е гг. XX в.

1. Наиболее распространенным элементом критики была некорректная аргументация в виде так называемых «произвольных доводов». «Произвольными доводами» С. И. Поварнин называл «не очевидные и не доказательные утверждения и отрицания», которые со своей стороны сами нуждаются в доказательствах [Поварнин 1994: 105]. Рассмотрим несколько примеров.

1.1. *Индоевропейская лингвистика – метафизическое учение, ибо она устанавливает принципиальную необходимость изолированного изучения отдельных групп языков, отрицает единство процесса языкового развития* (Ломтев, 79).

Аргументы по поводу того, что индоевропейская лингвистика – это метафизическое учение, являются произвольными доводами, поскольку отсутствуют объяснения причин, по которым *индоевропейская лингвистика устанавливает необходимость изолированного изучения отдельных групп языков* и по которым эта необходимость является *принципи-*

альной. Кроме того, автор критических замечаний не объясняет, почему и каким образом индоевропейская лингвистика отрицает единство процесса языкового развития.

1.2. Данилов **совершенно не понимает**, например, что нельзя “неологизм вообще” приписать языку и стилю (“запах новизны”!) пролетариата как нечто именно ему присущее; нельзя в неологизме вообще видеть одну из “наиболее типичных и характерных черт речевого стиля рабочего класса” (Якубинский, 141).

Аргументы критики в адрес Г.К. Данилова произвольны, т.к. не объясняют тех оснований, которые позволяют утверждать, что языковед Г.К. Данилов **совершенно не понимает** вопроса своего исследования.

1.3. *Хочется в заключение привести еще одну цитату бахвальства:*

“Сейчас, через 40 с лишним лет после появления «Основ» эсперанто, мы уже имеем богатейший язык, не идущий ни в какое сравнение ни с одним из существующих культурных [!] языков”. Да ну! (Горбаченко, Синельникова, Шуб, 167).

Данный пример демонстрирует, что приведенные оппонентами аргументы в такой степени произвольны, что практически отсутствуют. Оппоненты настолько не согласны с высокой оценкой эсперанто, что позволяют себе только воскликнуть «Да ну!» и оставить свое мнение без объяснения. К тому же предложенный ими «аргумент» является довольно грубым просторечным междометием, которое не принято использовать в научном стиле.

1.4. **Особо нелепа и беспомощна критика теории акад. Н.Я. Марра**, где автор обнаруживает полное непонимание, **недопустимо ее вульгаризирует, извращает ее основные положения** (голословные обвинения Н.Я. Марра в национальной ограниченности, в создании теории “доисторических”, “некультурных” народов, в сведении языкознания к науке о “доистории”, в отрыве от современности и т.д. и т.д. (Горбаченко, Синельникова, Шуб, 160).

Как и в предыдущем примере, выдвинутые в адрес автора критические замечания произвольны и не объясняют, в чем заключается особая нелепость и беспомощность критики теории Н.Я. Марра; в чем проявляется полное непонимание этой теории; в чем заключается ее вульгаризация и извращенность.

2. В 20–30-е гг. прошлого столетия широко использовалась в качестве научной критики «игра злостными кличками». Механизм игры злостными кличками С.И. Поварнин объясняет следующим образом: сначала появляется такая кличка, а «затем идут красноречивые рассуж-

дения <...> и чем красноречивее, тем лучше: красноречие отвлечет внимание от проверки, действительно ли заявление революционно или контрреволюционно. Читая само заявление, мы обыкновенно не вникаем в него с должным вниманием, поэтому “злостная кличка” проходит “сама собою”, без критики, особенно если она дана в “нашей газете”, которой мы доверяем. <...> Иногда злостная кличка обращается в страшное орудие демагогии. Стоит крикнуть в иной момент толпе: “это провокатор”, “отравитель”, “революционер”, “контрреволюционер” и т.д. и участь человека будет решена» [Поварнин 1994: 109]. Игра злостными кличками в 20–30-е гг. прошлого века была весьма распространена, хотя являлась банальным обзыванием критикуемых авторов и результатов их работы. Следует заметить, что данные клички можно отнести к произвольным доводам, поскольку клички выражают довольно сильные оценки ученого или его деятельности, однако не объясняют, на каких основаниях эти оценки возникают. Рассмотрим примеры.

2.1. Год тому назад **языковедные мракобесы** организовались в особое “Лингвистическое общество” во главе с Л.В. Щербой (Лоя, 67).

2.2. Разберемся в этой **чепухе**, которую Данилов выдает за выводы, основанные на “методологии” Маркса, Ленина (Якубинский, 152).

2.3. Хотя Е. Спиридович и выступает на словах против богдановской теории ассимиляции в международном языке, однако это выступление остается пустой фразой, так как нет принципиальной разницы между теорией А. Богданова, предлагавшего в качестве международного языка английский, и “теорией” эсперанто, предлагающей **окрошку из европейских языков** (Горбаченко, Синельникова, Шуб, 161).

Как видно, клички по существу произвольны и требуют объяснения, на каком основании они выдвинуты в адрес известных лингвистов.

К игре «злостными кличками» может быть отнесено закавычивание содержащих критику слов, т.к. кавычки изменяют значение слова: иногда переименовывают значение, иногда придают ему иронию.

2.4. Мы задаем вопрос: может ли быть допущен в эпоху диктатуры пролетариата такой формализм, прикрываемый революционной фразой об эсперанто, как языке пролетариата? Вывод определяется сам собой, когда мы рассмотрим концепцию второго из наших “**авторов-мудрецов**” – Е. Спиридовича (Горбаченко, Синельникова, Шуб, 160).

Кавычки изменяют значение слова *мудрец*: вместо прямого значения ‘человек, обладающий высшим знанием, или мыслитель’ оно приобретает значение ‘тот, кто путает, умничает, мудрит’. Вследствие этого

Е. Спиридович наделяется чертами недалекого человека, который пытается умно рассуждать.

2.5. В вышеупомянутой *“диссертации”*, приводя слова: революция, ясли и др., Данилов делает *“вывод”*: *“Подавляющее большинство приведенных выше слов бытовало до революции в узком кругу революционных рабочих и интеллигенции, преимущественно партийной”* (Филин, 131).

Как видно, оппонент, закавычивая слова, стремится сказать, что диссертация и вывод таковыми не являются. Однако при этом он не объясняет, почему так думает.

Помимо сказанного, «зlostные клички» нередко образовывались от фамилий ученых и обобщенно-оценочно называли сферу научных интересов данного ученого. Эти оценочные слова, или как в то время они трактовались – термины, образовывались от фамилий с помощью суффикса *-щин-*. «Существительные с суф. *-щин(а) <...>* имеют значение ‘признак, названный мотивирующим прилагательным, как бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение’, обычно с оттенком неодобрения» [Русская грамматика 1980: 180]. Например:

2.6. Термин *“даниловищина”* впервые был употреблен в печати, насколько мне известно, в отчете о докладе т. Л. Авербаха на 2-м пленуме ВОАПП (Якубинский, 134).

2.7. *Деборинщина* в философии, *рубинщина* в политической экономике, *переверзевищина* в литературоведении и др. с достаточной ясностью показывают нам, что классовая борьба в науке не “утихает”, наоборот, в связи с решительным наступлением на остатки капиталистических элементов в стране она обостряется (Филин, 115).

Как видно, клички употреблены в адрес языковеда и африканиста Г. К. Данилова, философа А.М. Деборина, экономиста И.И. Рубина и литературоведа В.Ф. Переверзева.

Кроме того, «зlostными кличками» становились фамилии, которые употреблялись во множественном числе и к которым добавлялись неопределенное местоимение. Такое видоизменение фамилии лишало индивидуальности его автора и переводило его в класс незначительных отрицательных персонажей. Например:

2.8. Все это в свое время было сделано *каким-нибудь Каменским* и вошло в обиход так прочно потому, что дурные примеры заразительны (Терентьев, 23).

2.9. Все рычаги в деле распространения языковой культуры и грамотности находятся на “ученом” поводе у представителей псевдо-науки – *Петерсонов, Ушаковых* и проч. (Ломтев, 78).

Как видно, критикующий оппонент в двух предыдущих примерах таким способом оскорбил поэта В.В. Каменского и лингвистов М.Н. Петерсона и Д.Н. Ушакова.

К сказанному следует добавить, что «злостными кличками» становились наименования, к которым добавлялись слова *так называемый*, которые придавали слову значение мнимости: называется явление или предмет одним образом, а по сути является другим [Шмелева 2006]. Например:

2.10. *За этими установками скрывается методология так наз. социологической школы Фердинанда де Соссюра, “социология” которого никакого отношения к социологии не имеет* (Горбаченко, Синельникова, Шуб, 157).

Как видно, сочетание *так называемой социологической школы Фердинанда де Соссюра* заставляет думать, что эта школа является мнимой. Кстати, в рассматриваемом тексте слово *социология* взято в кавычки, что также заставляет получателя текста думать, что и социология Фердинанда де Соссюра мнима.

3. Широко были распространены в 20–30-е гг. прошлого века аргументы, которые С.И. Поварнин характеризует как «палочные доводы», которые являются более резкой и категоричной разновидностью произвольных доводов и, как утверждает С.И. Поварнин, довольно некрасивой уловкой, состоящей в том, «что приводят такой довод, который противник, по соображению софиста, *должен принять из боязни чего-нибудь неприятного, часто опасного, или на который он не может правильно ответить по той же причине* и должен или молчать, или придумывать какие-нибудь “обходные пути”. – Это, в сущности, разбой в споре» [Поварнин 1994: 69]. Рассмотрим такие примеры.

3.1. *Можно было бы показать еще большее количество таких грубейших политических извращений в “работах” и “высказываниях” Данилова, но приведенного достаточно для уяснения лица этого контрабандиста буржуазной идеологии, прикрывшегося партийным билетом* (Филин, 131).

Обвинение в том, что Г.К. Данилов является *контрабандистом буржуазной идеологии, прикрывшимся партийным билетом*, является палочным доводом, т.к. ставит Г.К. Данилова в положение человека, сознательно противоречащего основной идеологической линии государства и заставляет принимать критику из страха.

3.2. *Данилов совершенно не понимает, что нельзя осваивать специфичность пролетарского речевого стиля такими абстрактными фра-*

зами, как “решительность, категоричность тона у многих передовиков, которая сказывается в соответствующем подборе слов”.

Сейчас же возникает вопрос: *разве не свойственна “категоричность тона” фашистам, буржуазной и помещичьей военнице, Муссолини, Пуанкаре, Пилсудскому и т. д.? Разве не является сплошь и рядом “категоричность тона” прикрытием далеко не “категоричного” мышления и не “решительной” практики у идеологов и политиков мелкой буржуазии?* (Якубинский, 141).

Отождествление критиком словосочетания *категоричность тона* с элементами речи врагов государства является палочным доводом, т.к. ставит автора в один ряд с *фашистами, буржуазной и помещичьей военницей, Муссолини, Пуанкаре, Пилсудским* и тем самым заставляет принимать критику из страха быть наказанным властью.

3.3. Может ли эсперанто выполнить хоть одно из поставленных Лениным условий? Нет. Эсперанто не может этого сделать, так как оно не может служить средством познания, а тем более воздействием (Горбаченко, Синельникова, Шуб, 160).

Утверждение, что *эсперанто не может выполнить ни одного из поставленных Лениным условий*, является палочным доводом, т.к. критика в несоответствии эсперанто задачам, поставленным идеологическим лидером, в условиях тоталитарного режима должна быть принята из боязни.

3.4. Неясное представление о разнице между переходным периодом и социализмом, о котором т. Сталин говорит, что “социализм есть переход от общества с диктатурой пролетариата к обществу безгосударственному”, сочетается у Е. Спиридовича с механической аналогией развития языка с развитием общества (Горбаченко, Синельникова, Шуб, 162).

Как видно, критика *неясного представления о разнице между переходным периодом и социализмом* у автора заключается не в том, что автор ошибочно представляет себе эту разницу, а в том, что авторское представление не совпадает с формулировкой т. Сталина. Поэтому критика должна быть принята автором не из соображений здравого смысла, а из страха, что его мнение не совпало с мнением главы государства.

Интересно отметить, что своеобразным палочным доводом являлось закавычивание слов, поскольку слова, взятые в кавычки, приобретают переносное или ироническое значение, иногда даже диаметрально противоположное прямому.

Помимо сказанного, также широко использовались «скрытые произвольные доводы», суть которых, по С.И. Поварнину, состоит в том, что

приведены «не все мысли, нужные для того, чтобы сделать тот или иной вывод. Некоторые из них “выпускаются” и должны подразумеваться сами собою» [Поварнин 1994: 107]. Речь идет об аргументах, высказанных имплицитно. Например:

3.5. *И автор верен своей установке: на протяжении всей книги он выступает как воинствующий формалист. И все это проделывается со ссылками на Маркса, который (к сведению Спиридовича) учил рассматривать форму и содержание в диалектическом единстве* (Горбаченко, Синельникова, Шуб, 161).

Замечание в скобках подразумевает, что Е. Спиридович не знает, что К. Маркс учил *рассматривать форму и содержание в диалектическом единстве*. Заметим, что ссылка на идеолога коммунизма переводит скрытые произвольные доводы в ранг палочных доводов.

3.6. *“Мы не будем говорить об общей истории, происхождении и эволюции языка, – **вещает** автор, – иначе нам пришлось бы затронуть здесь и проблемы криков животных, языков примитивных народов, языков людей с ненормальным мышлением, языков различных классов общества, различных профессий и даже отдельных лиц.”*

Так **выдают** свои методологические установки в вопросах понимания языка, его истории и роли Дрезен и Спиридович, следующие заветам д-ра Заменгофа (Горбаченко, Синельникова, Шуб, 157).

Если автор не *говорит*, а *вещает*, т.е. ‘говорит торжественным, непререкаемым, поучающим тоном’, следовательно, он говорит не на равных, а ставит себя выше аудитории, является «не своим». Если авторы *выдают свои методологические установки*, т.е. ‘делают их известным, а они были ими скрываемы’, следовательно, Э. Дрезен и Е. Спиридович обвиняются в сокрытии своих *методологических установок*.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать следующее.

1. Научная критика в 20-е–30-е гг. XX века отражала идеологические настроения.
2. Политизированность научного стиля определяла характеристику критических замечаний: адресатом критических текстов предполагалось не научное сообщество, а власть; целью критикующего было не установление научной истины, а демонстрация лояльности режиму; критика была направлена не на установление научной истины, а на унижение, оскорбление и деморализацию ученого.

Список литературы

1. Бакланова И.И. Публичные выступления советского периода: образ автора и образ адресата (на материале обсуждений романа В. Гроссмана «За правое дело») // Политическая лингвистика. 2017. № 2(62). С. 10–18.
2. Нерознак В.П., Базылев В.Н. Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология / Под общей ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. 576 с.
3. Поварнин С.И. Спор. О теории и практике спора. Псков, 1994. 131 с.
4. Романенко А.П. Советская словесная культура: образ риторы / Под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. 210 с.
5. Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980.
6. Федосюк М.Ю. Научная полемика как эталон толерантного речевого общения // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003. С. 23–246.
7. Шмелева Т.В. «Так сказать» и «как говорится» // Текст как объект грамматического анализа. Красноярск, 2006. С. 19–24.

WAYS TO EXPRESS CRITICAL COMMENTS IN ARTICLES ON LINGUISTICS (1920s–1930s)

© *I.I. Baklanova*

The article is devoted to the ways of expressing critical remarks in scientific linguistic texts in the 20s-30s of the XX century. It compares critical comments that met the standards of scientific style with critical comments that appeared in the Soviet era. Soviet criticism of this time was distinguished by its peremptory form, lack of logically correct argumentation, and extensive use of expressive and evaluative vocabulary. A comparison of the two types of scientific criticism shows that their simultaneous existence was the result of the invasion of ideology in the sphere of scientific communication: the recipients of critical comments were scientists, but in reality the texts with criticism were addressed to the authorities. The main thing for critics was not to establish scientific truth, but to demonstrate loyalty to the regime.

Keywords: scientific text, critical remarks, tactfulness, peremptoriness, correctness of argumentation, expressive and evaluative vocabulary.

СПОСОБЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ТЕКСТАХ ПЕЧАТНЫХ СМИ 2010-х ГОДОВ

© *Е.И. Беглова*

В статье выявляются способы употребления и толкования иноязычных слов, их функции в газетных и журнальных текстах второго десятилетия XXI века. Целью статьи явилось определение особенностей употребления непонятных адресату иноязычных лексем, называющих новые реалии российской действительности разных сфер деятельности человека. В ходе лексического анализа иноязычной лексики выявлено, что основными способами объяснения являются традиционные лексикографические: описательный, дефинитивный, синонимичный. Установлено, что чаще заимствованное слово объясняется в лиде и внутри статьи, в последнем случае слово является смысловым текстообразующим элементом. Тексты СМИ разных жанров способствуют актуализации иноязычных слов в русской речи и их ассимиляции в русском языке.

Ключевые слова: иноязычные слова, газетный и журнальный текст, способы объяснения значения слова, оценка иноязычной лексики.

Иноязычная лексика активно изучается на протяжении длительного времени в диахронии как внешний источник пополнения русского литературного лексикона. Большое количество научных работ посвящено исследованию семантики заимствованной лексики, особенностям её употребления в разных стилях речи, выявлению и описанию функций в текстах разных стилей и жанров и др. Не менее важно исследовать иноязычную лексику синхронно изменениям в обществе и языке, поскольку увеличение количества иноязычных слов в русской речи часто связано именно с общественными изменениями, когда требуется арсенал лексических единиц для именования новых явлений окружающей действительности. Это касается и научной терминологии, которая составляет международный терминологический фонд, так как большая часть терминов является заимствованиями из греческого и латинского языков, а современная терминология пополняется лексикой главным образом из английского языка.

Следует отметить тот факт, что новая иноязычная лексика, входя в русский язык, оценивается лингвистами по-разному: с одной стороны, она играет положительную роль: выполняет номинативную функцию, именуя новые реалии, которых не было в российской действительности,

то есть приходит в русскую речь вместе с обозначаемыми понятиями, выполняет функцию замещения синонимичных словосочетаний описательного характера, пополняя синонимические парадигмы и являясь средством речевой компрессии; с другой – заимствуется без необходимости: на правах нового слова часто занимает главное место в употреблении слов-синонимов, уже существующих в русском языке, выступая речевым излишеством. Напомним о том, что законом о русском языке как государственном языке РФ в письменной и устной публичной речи, официально-деловой речи запрещено использовать иноязычные слова (кроме терминов научных направлений), если в русском языке уже есть их аналоги [О государственном языке Российской Федерации 2005].

В данной статье предметом изучения являются способы использования заимствованной лексики в газетных текстах второго десятилетия XXI века, семантика, этимология и функции некоторых новых иноязычных лексем.

Прежде всего, следует обратить внимание на то, что в современных печатных СМИ иногда отражается прямая оценка иноязычных слов адресантом текста с точки зрения их необходимости или излишества в русской речи. Так, в связи с активизацией процесса заимствований в конце XX и первом десятилетии XXI вв. в газетных и журнальных текстах особое внимание журналистов привлекали отдельные слова и словосочетания. Приведём тексты из газет второго десятилетия XXI в.: Рубрика *«Ленин спрашивает – звезды отвечают»*. Текст: *«Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать «недочеты», или «недостатки», или «пробелы»...? Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?»* (Комсомольская Правда. Об очистке русского языка. 21.01.2011. С. 15). В данном тексте выражена отрицательная оценка заимствований, так как в русском языке уже есть лексемы с аналогичным или сходным значением, поэтому они являются речевым излишеством.

Адресанты газетных и журнальных текстов обозначенного нами периода привлекают внимание адресата к заимствованиям в текстах разных жанров, воздействуя на сознание адресата с целью формирования оценки новых или непонятных заимствованных слов. В частности используются тексты малых речевых жанров, например мини-анекдотов: *Сударь, мне кажется, в данном случае вы несколько превысили предельные границы пространственного континуума. – Че?! – Руки убрал, быстро!* (Комсомольская Правда. 08.12.2009. С. 24). Данный текст,

имеющий шутливую тональность, демонстрирует реакцию собеседника на непонятное ему слово *континуум* (от лат. *continuum*; буквально ‘непрерывное, сплошное’) ‘непрерывный спектр чего-либо, непрерывная среда’. Креативное использование и объяснение непонятных иноязычных слов в текстах печатных СМИ способствует их освоению в речи адресата, например: *Что такое феминизм? – Феминизм – это бабовладельческий строй* (Комсомольская Правда. 17.03.2010. С. 16). *Феминизм* (от латинского *femina* ‘женщина’) – это спектр идеологии, социальных и политических движений, направленных на достижение равенства политических, экономических, личных и социальных прав для женщин.

Таким образом, использование незнакомых адресату иноязычных лексем и словосочетаний в креативных текстах малых речевых жанров (афоризмах, мини-анекдотах) – это один из способов употребления заимствований, способствующих их популяризации в русской речи.

Как показывают наши наблюдения за употреблением иноязычной лексики в газетных и журнальных текстах СМИ, предназначенных для массового адресата, большое ее количество представляют слова и выражения из сферы политики, творчества (мода, кино), а также слова, связанные с профессиональной деятельностью, в частности являющиеся названиями редких или новых профессий. Продемонстрируем сказанное анализом нескольких заимствований с точки зрения способа употребления, семантики и выполняемой в тексте функции. Например, в сфере моды актуальным стало заимствование *прет-а-порте*. *Прет-а-порте* (франц. *pret-a-porter*; буквально ‘готовое к носке’) – это модели готовой одежды, поставляемые крупными модельерами в массовое производство. Причем модели шьются на производстве в стандартных размерах и поставляются большими партиями в фирменные магазины модных домов или универсальные брендовые бутики. Газетный заголовок *«Вячеслав Зайцев попал на зону»*. Текст: *Заключенные казанской исправительной колонии № 19 были признаны победителями всероссийского конкурса на лучшую коллекцию одежды в номинации одежда для города «прет-а-порте»*. Конкурс был организован попечительским советом УИС и ассоциацией женщин-предпринимателей России совместно с домом моды Вячеслава Зайцева. Работы заключенных оценивались по восьми номинациям: рабочая одежда, одежда из кожи и меха, *прет-а-порте (одежда для города)*, одежда для спорта и отдыха, деловой, народный и вечерний костюмы, а также детская одежда (Московский Комсомолец – Поволжье. 05–12.01.2011. С. 2). Слово *прет-а-порте* объ-

ясняется в тексте разными способами: 1) линейным употреблением синонимичного словосочетания *одежда для города*; 2) заключением в круглые скобки русского синонимичного словосочетания как аналога заимствования *прет-а-порте* в значении ‘одежда для города’. В контексте заимствование сужает значение, концентрируя внимание адресата на названии номинации одежды в конкурсе.

Или использование слова *питчинг* (англ. *pitch*; буквально ‘бросать, подавать’, ‘выставлять на продажу’) – это устная или визуальная презентация кинопроекта с целью найти инвесторов. Например, в газетном тексте, имеющем заголовок «Михалков идёт на *питчинг*», в тексте дается дефиниция заимствованной лексемы *питчинг*: ***Питчинг – защита творческих проектов с целью получения определённой поддержки – для российского кинорынка явление относительно новое. Прошла всего неделя после первых питчингов в министерстве культуры. Процесс был открытым, не обошлось без «первого блина комом» – то, что обошли господдержкой проект Александра Миндадзе «Милый Ханс, дорогой Петр», вылилось в скандал... И вот сейчас на очереди – питчинг в Фонде кино (Российская газета 09.08.2013. С. 7).*** В контексте употребления слова отмечается, что оно называет новое явление в российском кинорынке 2013 г., лексема объясняется дефинитивным способом.

В 2014–2015 гг. актуальным в публичной речи и текстах СМИ становится заимствованное слово *спайс* (англ. *spice* ‘смесь’, ‘смесь трав, ‘специя’) – марка смеси, запрещенная в большинстве стран мира; в России смесь приравнивается к наркотическому веществу. Это синтетическое химическое вещество, наносящее вред здоровью человека. В газетных текстах данное слово часто являлось смыслообразующим элементом, например: заголовок ***«Спайсом может быть... хлеб»***; лид: *Несколько лет назад в России появились новые виды одурманивающих зелий, которые получили общее название «СПАЙСЫ». Эти синтетические вещества оказались крайне опасными для здоровья, но их изготовители и распространители не попадали под уголовное наказание. И вот, наконец, Госдума приняла в первом чтении законопроект, вводящий уголовную ответственность для производителей и дилеров подобных веществ.*

Текст: *Позиция Виктора Иванова, директора Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков: «Эта химическая отравка крайне опасна! В текущем году (2014 г. – Е.Б.) от таких вот «дизайнерских наркотиков» уже погибли десятки, а, возможно, и сотни человек. При этом их изготовители и распространители не попадали по*

уголовное наказание – ведь постоянно меняющийся состав «кайфа» власти не успевали поставить под запрет. Поэтому одна из основных наших задач сегодня – организация тотального прессинга по всем направлениям производства, импорта и распространения **спайсов** <...> Ведь таким **препаратом** можно обработать любое растение или пищу, даже обычный хлеб, который после этого получит **дурманные свойства**. Кстати, замечу: ежегодно появляется **до 350 видов спайсов**. Изменённая формула **яда**, употребление которого вызвало гибель наших граждан, включала отравляющий элемент, блокирующий поступление кислорода в головной мозг. Вещество, на основе которого было создано это **зелье**, попало в разряд запретных лишь спустя полгода после его первого обнаружения» (Аргументы и Факты. 24–30.12.2014. № 52. С. 54; рубрика «Открытая трибуна»). В лиде статьи способом описания объясняется значение заимствования *спайс*. В тексте статьи значение объясняется синонимическим способом, при этом используются русские синонимичные слова и словосочетания с экспрессивной, пейоративной окраской: **спайс** – одурманивающее зелье, синтетическое вещество, химическая отравка, дизайнерский наркотик, ‘кайф’, яд. В данный ряд синонимов включены разговорные слова *зелье*, *отравка*, а также и жаргонизм *кайф* в значении ‘наркотик’, что способствует выражению отрицательной оценки этой опасной смеси со стороны адресата и формированию идентичной оценки у адресата. Синонимичные варианты заимствованного слова *спайс* создают коннотацию: усиление угрозы губительного действия спайса на организм человека. Итак, в данном выше тексте лексема *спайс* объясняется два раза: в лиде и в тексте статьи (описательным и синонимичным способами). При этом синонимичные словосочетания придают всему тексту эмоциональный тон, отражающий тревогу за жизнь человека.

Особую группу иноязычных слов составляют названия профессий. Например, слово *юзер*: заголовок: «**Чиновники уходят в юзеры**». При статье размещен рисунок-кариатура, далее дается текст на карикатуре: *Отвали, дед! Другие юзеры тоже хотят оставить свой коммент в блоге председателя колхоза*. Предтекст: *Региональной бюрократии приказано осваивать интернет-сети* (Комсомольская Правда. 22.01.2010. С. 3). В статье дана авторская сноска в виде дефиниции: **Юзеры** – активные пользователи Интернет-пространства. **Юзер** (англ. User; ‘пользователь’) – так называют человека, который почти не имеет умений пользоваться компьютером, можно сказать, что это вторая ступень овладения компьютером после начинающего пользователя.

Заемствованные слова, называющие лиц по роду занятий, профессии, в газетных и журнальных текстах чаще всего объясняются описательным способом, например: *конхиломания* – коллекционирование раковин моллюсков; **конхиломан** – *англ. concelman* – ‘коллекционер ракушек’: *Все началось с того, что Владимиру Михальченко девушка подарила большую, в два кулака, витую морскую раковину. Сына моряка, прошедшего войну, это чудо природы поразило и... подтолкнуло к необычному для Уфы хобби – конхиломании. Слово жутковатое, но означает оно безобидное, увлекательное и удивительно расширяющее кругозор занятие. Того, кто более-менее увлекается ракушками, «сечет» в океанологии, экологии, географии, биологии. А пораженный красотой и причудливостью ракушек, словно олицетворяющих окаменевшее Время, невольно становится еще историком и философом* (Единая Россия. Башкортостан. 21.01.2010. № 2. С. 5).

Исходя из сказанного выше, можно сделать следующие выводы:

1) иноязычные лексемы (слова и словосочетания) в газетных и журнальных текстах объясняются тремя традиционными лексикографическими способами: дефинитивным, синонимичным, описательным. Наиболее частотными являются описательный и дефинитивный способы, реже используется одновременно два способа, например, дефинитивный и синонимичный;

2) описательный способ объяснения значения непонятого иноязычного слова как правило приводит к тому, что заимствование выступает в качестве основного смыслового текстообразующего элемента;

3) в текстах печатных СМИ встречаются статьи, в которых отражается конкретное мнение адресанта по поводу новых заимствований, которое адресовано читателю для формирования собственной оценки заимствований;

4) иноязычная лексика является смысловой составляющей текстов малых речевых жанров, благодаря употреблению в которых она актуализируется в русской речи;

5) тексты печатных СМИ способствуют ассимиляции иноязычных слов в русском языке.

Список литературы

1. Кривякина Е. Чиновники уходят в юзеры // Комсомольская правда. 22.01.2010.
2. «Об очистке русского языка» // Комсомольская правда. 21.01.2011.

3. Российская Федерация. О государственном языке Российской Федерации: федеральный закон: от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ : принят Гос. Думой 20 мая 2005 года: одобрен Советом Федерации 25 мая 2005 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (дата обращения: 05.02.2020).

METHODS OF USING FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY IN TEXTS OF PRINTING MEDIA OF THE 2010S

© E.I. Beglova

The article identifies the methods of using and interpreting foreign words, their functions in newspaper and magazine texts of the second decade of the 21st century. The purpose of the article is to identify the features of the foreign-language lexemes usage, incomprehensible to the addressee, which name the new realia of the Russian reality of different spheres of human activity. During the lexical analysis of foreign vocabulary, it was revealed that the main methods of explanation are traditional lexicographic ones: descriptive, definitive, synonymous. It is found that more often the borrowed word is explained in the lead and inside the article, in the last case the word is a semantic text-forming element. Media texts of various genres contribute to the actualization of foreign words in Russian speech and their assimilation in the Russian language.

Keywords: foreign words, newspaper and magazine text, methods of explaining the meaning of the word, assessment of foreign vocabulary.

АКТИВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

© И.В. Бугаева

Активные процессы в рекламном дискурсе происходят при взаимодействии внутриязыковых и экстралингвистических факторов. Копирайтеры не только создают оригинальные рекламные и продающие тексты, оригинальные коммерческие наименования, но и формируют языковую моду, что косвенно влияет на языковые изменения. В данной статье ставится цель описать активные процессы в рекламном дискурсе и определить тенденции в использовании приёма языковой игры в рамках теории лингвокреатива. С помощью дескриптивного и аналитического методов исследования, проведенного на материале рекламных текстов и примеров коммерческой городской номинации, делается ряд выводов: во-первых, эргонимы стали выполнять маркетинговые функции, для чего используются разные приёмы языковой игры, окказиональное формо- и словообразование; во-вторых, увеличилось число написаний словосочетания без пробелов между словами, что привело к появлению новой функции прописных букв как знака границы между словами; в-третьих, сознательное нарушение орфографической и графической норм как приёма языковой игры в эргонимах носит единственный характер; некодифицированное использование знаков препинания в рекламных текстах является специфическим приёмом реализации аттрактивной функции.

Ключевые слова: рекламный дискурс, маркетинговая коммуникация, языковая игра, эргоним, коммерческая номинация, манипулятивная функция, аттрактивная функция.

Рекламные тексты разных видов и жанров сопровождают жизнь современного человека практически постоянно и повсеместно. Копирайтеры изобретают всё новые и новые приёмы языковой игры на всех уровнях (графическом, орфографическом, грамматическом, лексическом, синтаксическом), чтобы рекламные тексты успешно выполняли свои основные маркетинговые функции аттрактивности и воздействия. Активные процессы в рекламе, в нейминге и слоганистике описывались разными учеными [Вепрева 2019, Голомидова 2012, Замалейдинова 2016, Ремчукова 2015 и др.].

Цель данного исследования – на основе собранного материала описать активные процессы в рекламном дискурсе и определить тенденции в использовании приёма языковой игры в рамках теории лингвокреатива.

Материалом исследования послужили тексты наружной рекламы на улицах Москвы и других городов, надписи на городских вывесках (коммерческая номинация), баннерная интернет-реклама, рекламные блоки печатных СМИ. В данной работе коммерческая номинация рассматривается как часть рекламного дискурса на том основании, что новые типы и модели эргонимов для успешной реализации информативной и аттрактивной функций, свойственных им, стали выполнять новые функции, манипулятивную и воздействующую, характерные для рекламной коммуникации. В последнее время появилось много примеров городской коммерческой номинации, в которых совмещаются признаки рекламы и эргонима. Эксплицитно выраженная положительная оценочность позволяет коммерческим наименованиям решать маркетинговые задачи.

Первая тенденция – написание слов без пробелов. Иногда границы между словами коммерческого окказионализма обозначает первая прописная буква второго слова (пекарня “Мамадай”, ресторан “Людикаклюди”, салон красоты “РукаЛицо”, новогоднее шоу “РобоЁлка”, кафе “ВилкиНет” кафе “Сушивёсла”, “ОбедБуфет”, “Правдакофе”, цветочные салоны “Восадули”, “ПростоЦветы”, “ПолиШинель”, медцентры “Отёковнет”, “Риммарита”). В приведенных примерах лингвокреативных урбанонимов прописные буквы выполняют несколько функций. Во-первых, словоразделительную (кафе “КуулКлевер”, “КебабХаус”, “FoodArt”); во-вторых, семантическую (кафе “АндерСон”, “DiskАвери”); в-третьих, декоративную (магазины “NeViDiMcA”, “НАприЛавке”); в-четвертых, словообразовательную при образовании сложносокращенных слов (аптека “ГорЗдрав”, кафе “МосКальян”, “ГлавПивТорг”).

Анализ примеров позволяет выделить две основные причины возврата к беспробельному написанию. Во-первых, это – языковая игра, а во-вторых, соответствие названия магазина доменному имени в сети Интернет или хештегу, где пробелы между словами не предусмотрены компьютерной программой (магазины “ВсеИнструменты.ru”, “Кудаветти.ру”, “Мойчай.ру”, “Всяпосуда”, “Gosmoke.ru”, #следуйзамной, #летомаленькаяжизнь, #кофессобой, #вкусноиполезно и т.п.). В этом случае есть указание на то, что магазин, ресторан или туристическое агентство оказывает также интернет-услуги. Таким образом, у слитного написания появляется дополнительная адресная функция, отсылающая к конкретному сайту или аккаунту в Инстаграм. Причем, знак # ‘хэштег’ обязателен, а компонент .ru или .ру в эргониме – вспомогательный. Встречаются примеры слитного написания слогана. Например, у компании Айтеко

на всех рекламных поверхностях присутствует слоган “Технологии без пробелов”. Пробелы между словами отсутствуют.

Вторая тенденция – нарушение буквенного обозначения звукового состава слов, что ведёт к орфографическим ошибкам. Например, пекарня “Булошная”, кафе “НЕбулошная”, магазин “ЛаФФка”, японский ресторан “Хёлёсё”, где название является графически закреплённой транскрипцией произнесения русского слова «хорошо» носителями японского языка. Звук [ф] в прагматонимах и эргонимах передается разными буквами и их сочетаниями *в, ф, фф, v, ff*: “Лавка”, “ЛаФка”, “ЛаФФка”, “Lavkalavka”, “Laffka”, “Чайникофф”, “Skuratov”, “Хинкалофф”, “Koffe”, “Чайкоффский”. В названии “Шаурму Хачу” орфографическая ошибка является стилизацией речи представителей кавказских республик. Примеров орфографических ошибок, к счастью, мало. Все они, безусловно, относятся к осознанной языковой игре, но это не оправдывает их право на существование.

Третья тенденция связана с ненормативным использованием знаков пунктуации в рекламных целях. Графические средства русской пунктуации прошли долгий исторический путь, пока сформировались в современную систему знаков препинания с четкими правилами их применения. Копирайтеры иногда творчески подходят к использованию разных пунктуационных знаков, что нарушает правила. Приведем только несколько самых ярких примеров:

1) использование восклицательного знака в эргонимах: “Ярче!”, “Да!”, “Ай, горячо!”, “Двери тут!” и любопытный пример употребления восклицательного знака между двух слов без пробелов: кафе “WOW!Кофе”;

2) отсутствие запятых при однородных членах: кафе “Чай кофе вафли”;

3) апостроф, который не входит в современный арсенал пунктуационных знаков русского языка: “Л’Этуаль», “Eddy’s”;

4) знак амперсанд, который употребляется не только в английских словосочетаниях, но и в русских: ресторан “Peter’s&St.Anton», магазин “Пробка&Бутылка”, “Крафт&Рулька”, кафе “Хмель&эль”.

В последние годы появилась тенденция использовать в коммерческих названиях не слово или словосочетание, а предложение или его фрагменты. В результате нами зафиксированы примеры городских вывесок с нарушениями правил пунктуации. Например, название магазина “Если орехи то...», ресторана в центре Москвы “Страна которой нет”, кафе “Хеллоу пипл!”. В ряде «слоганов также отсутствуют необходимые

знаки препинания: “Творите что хотите” (фирма Flakon), “Говорим как есть” (Tele2), “Будет как будет” (страховая компания МАКС), “Ипотеку, как хорошую квартиру тоже надо уметь выбирать” (банк ВТБ24), “Всё что нас связывает” (Мегафон), “Русские бревенчатые дома строим сохраняя традиции” (строительная компания МСК).

И.Т. Вепрева выделила новый тип номинаций – «эргонимы-реплики, обладающие особым видом стилистической окраски – экспрессией новизны и необычности» [Вепрева 2019: 168]. В нашей картотеке тоже есть такие примеры, и случаев использования законченного предложения как коммерческого названия становится всё больше: ресторан “Дорогая, я перезвоню”, салон красоты “Милый, я на 5 минут”, магазин “Дорогая, я в гараж”, кафе “Иди обниму”, “Алло! Пицца”, “Кофе пьем” и т.д.

Анализ многочисленных примеров позволил сделать вывод, что в рекламных текстах знаки препинания становятся полифункциональными и приобретают часто новое дискурсивное или окказиональное (в границах одной рекламной кампании) значение.

Следующая тенденция связана с грамматическими особенностями рекламных текстов. В грамматике для ономастической лексики определены правила склонения. Зарегистрированные торговые марки, товарные знаки, имена брендов, словесные обозначения товаров относятся к ономастике и, следовательно, их формоизменение должно определяться и регулироваться соответствующими правилами. Анализ чатов в социальных сетях, на сайте <http://gramota.ru>, сайтах рекламных и копирайтинговых агентств показывает обеспокоенность нерешенностью и вариативностью подходов к теме склоняемости vs. несклоняемости коммерческих наименований, что вызывает длинные онлайн дискуссии. Мнение большинства кратко можно представить так: 1) названия брендов на латинице не склоняются; 2) названия брендов на кириллице склоняются; 3) проблема существует только с иностранными/псевдоиностранными брендами, написанными кириллицей. Наши исследования показывают, что проблемы существуют в каждой из упомянутых трех групп. Наивные носители языка высказали свои предпочтения, не учитывая устную и письменную формы употребления имен брендов. Маркетологи настаивают на том, чтобы не склонять названия брендов, так как это не прописано в брендбуке, главном документе, регламентирующем использование бренда и его компонентов. Но в разговорной речи не только потребители товара, но и сотрудники этих корпораций часто склоняют имена брендов. Например, *Мы обедали в “Макдоналдсе”*; *Она мечтает о Мер-*

сидесе; Ты не хочешь Кока-колу? Таким образом фактически существует два варианта: в корпоративных документах (официально-деловой стиль) коммерческие наименования не склоняются, а в бытовой речи (разговорный стиль) склоняются. Корпоративный вариант часто поддерживается слоганами. В последние годы заметна тенденция (или мода) выбора синтаксической конструкции слогана, где имя бренда употребляется в форме именительного падежа. Это парцеллированные предложения и конструкции с именительным темой: *Ariel. Отстирает даже то, что другим не под силу; Sобрание. Могу себе позволить; Альфа-банк. Да, это мой банк; Аэрофлот. Искренне Ваш.* Сравним с прежним слоганом *Летайте самолетами Аэрофлота*, в котором склонение названия авиакомпании не вызывало никаких споров. Как видим, этот факт подвергает сомнению второе положение диспутантов в социальных сетях.

В дискуссию включился один из самых известных и авторитетных деятелей рекламного бизнеса в России Артемий Лебедев, который на сайте своего рекламного агентства написал: «Когда мы делали сайт ‘Евросети’, тамошние маркетологи заявили, что слово ‘Евросеть’ не склоняется. И заставляли нас писать «Все сайты ‘Евросеть’» вместо «Все сайты ‘Евросети’». Пришлось звонить Чичваркину и просить защиты – он единственный во всей компании был согласен с нами и мог приказывать склонять название» [Лебедев, [http](http://)]. Свою позицию А. Лебедев последовательно отстаивал и в других проектах. Позднее на сайте появилась следующая запись: «И вот, наконец, первая великая победа здравого смысла над маркетингом случилась. Мы создали новую версию логотипа Яндекса – со склонениями. Яндекс стал первой компанией в России, чей логотип склоняется по правилам русского языка не только на слух, но и графически» [Лебедев, [http](http://)].

Но до сих пор продолжают существовать требования международно-маркетингового языка, по которым коммерческие наименования должны везде присутствовать в первоначальной форме. В результате появляются следующие рекламные тексты: в кинотеатре баннер *Приходи смотреть кино. Оставь ребенка у КОЛОБОКА*, рекламная вывеска *Удовольствие от жизни / цвет от Орифлейм.*

В слоганах встречаются также окказиональные формы сравнительной степени: *Всё ярче! Всё летнее! Всё аутлетнее!*

В научной литературе неоднократно отмечалась активность предположно-падежных конструкций с предлогом *от* в современной русской речи. По мнению М.М. Суте, эти конструкции «обладают большим лингвокреативным потенциалом», а «семантические преобразования

существующих в языке исходных типов предложно-падежных конструкциях с предлогом *от* можно трактовать как метафорические переносы по модели концептуальной метафоры в духе работ Дж. Лакоффа и М. Джонсона» [Суте 2012: 203–204]. В рекламном дискурсе иная причина активности предлога *от*, в рекламных текстах привычными стали предложно-падежные конструкции типа *костюм от Армани*, *духи от Шанель*, *украшения от Картье* и т.п. В рекламной коммуникации предлог *от* перестаёт управлять падежом, он является лишним в словосочетании N+N, например, *костюм Армани*.

Кратко отметим тенденции в словообразовании. В рекламных текстах и эргонимах копирайтеры используют разные способы словообразования. Окказиональное словообразование часто строится по аналогии, по известным моделям с частотными словообразовательными формантами. Приведём наиболее яркие примеры: “Пив’Бар”, “Раковарня”, “Чубуречество”, “Разливайка”, “Кулинаристика”, “Нерыдайка”, “Шаурмания”, “Моремания”, центр детского творчества “Замания”, жилой комплекс “Заквртирия”, магазин “Мясолье”, сервис по ремонту айфонов “ІРНО’НЯ” и т.д.

Результаты анализа показали, что в рекламном дискурсе прослеживаются некоторые тенденции, характеризующие современное состояние речевой культуры, социокультурные особенности. Во-первых, эргонимы стали выполнять маркетинговые функции. Для этого стали использоваться разные приёмы языковой игры, окказиональное формо- и словообразование, появились эргонимы-реплики.

Во-вторых, появилась тенденция писать словосочетания без пробелов между словами в коммерческих наименованиях, что привело к появлению новой функции прописных букв как знака границы между словами. Слитное написание слов вызвано двумя основными причинами: привлечение внимания целевой аудитории с помощью окказионального словообразования и отсылка к интернет-сайту организации.

В-третьих, отмечается сознательное нарушение орфографической и графической норм как приёма языковой игры. Число примеров с нарушениями графической, орфографической и пунктуационной нормы современного русского языка, к счастью, невелико. Наши предыдущие исследования показывают, что рекламные тексты и коммерческие названия с элементами языковой игры далеко не всегда положительно оцениваются целевой аудиторией [Бугаева 2020]. Есть много апробированных способов привлечения внимания и воздействия на целевую аудиторию, которые будут оригинальными, запоминающимися, но при

этом не нарушающими существующие нормы русского языка. Важно сохранять лингвистическую экологию российских городов. «Игры с орфографией и пунктуацией» рассчитаны на образованную часть населения, которая знает правила и может оценить шутку. Весёлая реакция на необычное написание кратковременна, а вывеска с ошибкой длительное время сохраняется на объектах наружной рекламы, постепенно стирая представления о правильном vs. ошибочном написании.

Четвёртая тенденция – некодифицированное использование знаков препинания в семиотически неоднородных рекламных текстах как специфический приём реализации аттрактивной функции.

Активные процессы в рекламном дискурсе происходят при взаимодействии внутриязыковых и экстралингвистических факторов. Копирайтеры не только создают оригинальные рекламные и продающие тексты, броские и запоминающиеся коммерческие наименования, используя разные способы формообразования, словообразования и приёмы языковой игры, но тем самым формируют языковую моду и косвенно влияют на тенденции, формирующие языковые изменения.

Список литературы

1. Бугаева И.В. Латиница vs. кириллица: роль грамматики в позиционировании брендов в России // Брендинг как коммуникативная технология XXI века: Материалы VI Межд. научно-практ. конф. / Под ред. А.Д. Кривоносова. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. С. 44–46.
2. Бугаева И.В. Современная городская номинация и ее влияние на графику и орфографию русского языка // Новейшая филология: итоги и перспективы исследования: Сб.ст. / Отв. ред. О.В. Золтнер. Омск: Изд-во Омск.гос.ун-т, 2019. С. 23–26.
3. Вепрева И.Т. Современный эргонимикон: в поисках новых форм выражения // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 168–179.
4. Голомидова М.В. Имятворчество в эргонимии: традиции vs актуальные тренды // Лингвистика креатива / под общ. ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. С. 63–72.
5. Замалетдинова Л.Р. Современные русские урбанонимы в аспекте креативной речевой деятельности: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 204 с.
6. Лебедев А. Корпоративный русский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.artlebedev.ru/kovodstvo/sections/114/> (дата обращения: 10.09.2020).
7. Лебедев А. Четвертая версия логотипа Яндекс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.artlebedev.ru/everything/yan-dex/identity4/> (дата обращения: 10.09.2020).

8. Ремчукова Е.Н., Махиянова Л.Р. Лексико-грамматические механизмы лингвокреативности в сфере городской номинации // Вестник РУДН. 2015. № 2. С. 132–141.

9. Суте М.М. Лингвокреативный потенциал предложно-падежных конструкций с предлогом *от* в современной русской речи // Уральский филологический вестник. 2012. № 2. С. 201–204.

ACTIVE LANGUAGE PROCESSES IN ADVERTISING DISCOURSE

© *I.V. Bugaeva*

Active processes in advertising discourse occur with the interaction of intralingual and extralinguistic factors. Copywriters not only create original advertising and selling texts, original commercial names, but also shape language fashion, which indirectly affects language changes. This article aims to describe the active processes in advertising discourse and identify trends in the use of the language game technique within the framework of the theory of linguistic creativity. With the help of descriptive and analytical research methods, carried out on the material of advertising texts and examples of commercial urban nomination, a number of conclusions are drawn: firstly, ergonyms began to perform marketing functions, for which various methods of a language game, occasional form and word formation are used; secondly, the number of spellings of a phrase without spaces between words has increased, which led to the emergence of a new function of capital letters as a sign of the border between words; thirdly, deliberate violation of spelling and graphic norms as a method of language game in ergonyms is of a single nature; the uncoded use of punctuation marks in advertising texts is a specific technique for implementing the attractive function.

Keywords: advertising discourse, marketing communication, language game, ergonym, commercial nomination, manipulative function, attractive function.

МЕСТОИМЕННОСТЬ КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

© С.Н. Виноградов

Цель статьи – описание местоимений как средств категоризации в грамматической системе русского языка. При анализе материала использовались когнитивный метод, описательная методика, методика внутриязыкового соотнесения. Охарактеризованы свойства местоимений, соотносящие их с разными частями речи и делающие их инструментами и результатами категоризации, которую можно назвать категоризацией местоименного типа. Местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные являются смысловыми категориями – знаковыми единицами, планом содержания которых являются части речи во всей совокупности их свойств, а денотатами – совокупности слов и словоупотреблений соответствующих частей речи. Функция категоризации у местоимений имеет структурно-языковой аспект, который проявляется в иерархическом строении языка, и функционально-речевой аспект, который реализуется местоимениями при их речевом функционировании. Отдельные местоимения также являются смысловыми категориями, причём обобщаемые ими слова не полностью совпадают с существующими в языке грамматическими классами. Категоризация, аналогичная категоризации местоименного типа, обнаруживается и у других языковых единиц, в частности у глаголов и наречий.

Ключевые слова: местоимения, части речи, смысловые категории, категоризация, категоризация местоименного типа.

В соответствии с дидактическим принципом прочности обучения и правилом систематического повторения учебного материала, в процессе обучения лингвистическим дисциплинам следует уделять внимание сходствам языковых единиц, выделять эти сходства и подчёркивать их. С этой точки зрения актуально изучение местоимений, которые обладают морфологическим сходством с другими именными частями речи и изучение которых позволяет глубже, на новом уровне понять свойства существительных, прилагательных и числительных. Указанное морфологическое сходство не случайно и коренится в свойствах языкового механизма, в частности в его когнитивной функции.

Местоимениями принято называть слова, употребляемые «вместо имени» и выступающие как слова-указатели (слова-заместители) для именных частей речи. Функция указания (замещения) реализуется местоимениями в процессе речевого функционирования, в построении вы-

сказываний, в актуальной номинативной деятельности. Местоимения отсылают участников коммуникации к другим словам. Этот аспект местоимений можно назвать функционально-речевым указанием или замещением. Помимо функционально-речевого аспекта, указание (замещение) имеет ещё структурно-языковой аспект, который обнаруживается в организации языкового механизма (языковой системы). Многочисленные сходства местоимений с другими частями речи отражают место, соотношения и роль различных частей речи в системе языка.

Рассмотрим указанные сходства подробнее. Как известно, в противоположность другим именным частям речи, местоимение не является единым грамматическим классом слов с точки зрения морфологии. Морфологический взгляд на местоименные слова требует относить их к разным именным частям речи. В результате выделяются местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные. Такая классификация местоименных слов выглядит естественной, если проанализировать местоимение с точки зрения его сходств с другими частями речи. Например, семантический класс вопросительных (относительных) местоимений включает следующие единицы: *кто*, *что*, *какой*, *чей*, *который*, *сколько*. Слова *кто*, *что* являются местоимениями-существительными, *какой*, *чей*, *который* – местоимениями-прилагательными, *сколько* – местоимением-числительным. Эта отнесённость местоимений базируется на их морфологических свойствах.

Согласно академической грамматике русского языка, части речи – это грамматические классы слов, характеризующиеся совокупностью следующих признаков: 1) наличием обобщённого значения, абстрагированных от лексических и морфологических значений всех слов данного класса, 2) комплексом определённых морфологических категорий, 3) общей системой (тождественной организацией) парадигм, 4) общностью основных синтаксических функций [Русская грамматика 1980: 457]. Опираясь на это определение, сравним свойства местоимений со свойствами других частей речи.

Местоимение *кто* имеет тот же набор морфологических категорий, что и существительное – число, падеж, род. Свойства этих категорий у местоимения *кто* такие же, как и у категорий существительных. Число и род носят лексико-грамматический характер, непосредственно отражая реальную действительность (число – количество предметов, род – пол обозначаемого лица). Падеж – словоизменительная категория (*кто* изменяется по падежам, как и существительное). Средства выражения падежа – флексии, образующие особый тип склонения: *к-то*, *к-ого*, *к-ому* и т.д. Средства вы-

ражения числа и рода – синтаксические, а именно окончания прилагательных, согласуемых с местоимением. В следующих примерах местоимения и согласуемые с ними прилагательные выделены полужирным курсивом: *Кто длинный такой?.. Дотянуться смог!* (В. Маяковский); *Полки заняты теми, кто давно известен: Чуковский, Маршак, Михалков, Носов...* // Анна Ковалева, Елена Соломатина: «Для детей никто не пишет» // «Известия», 2002.09.10; *...пацаны уже образовали живую очередь: кому следующему дядя Гоша смастерит оружие по заказу ...* // Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя», 2006; *...санитарка не знает, с кем первым ругаться...* // Татьяна Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010) [Национальный корпус русского языка, [http](http://)]. В вопросительных предложениях используются регулярные синтаксические конструкции, отражающие сочетаемость морфологических форм согласуемых слов с местоимением *кто*: *Кто такой...? Кто такая...? Кто такие...?* По отношению к категории рода местоимение *кто* аналогично существительному общего рода, в которых род выражен только синтаксически: *такой, такая плакса, сластёна...* Местоимение *кто* аналогично также одушевлённым существительным, так как форма винительного падежа *кого* совпадает с формой родительного. Это соответствует семантике данного местоимения, обозначающего лицо (лиц).

Аналогично можно проанализировать другие местоимения. Слово *что* аналогично существительным *singularia tantum* среднего рода. Местоимения *какой, который, чей* по комплексу категорий и характеру словоизменения аналогичны прилагательным, причём по формальным свойствам *какой* и *который* относятся к качественно-относительному типу склонения, *чей* – к относительно-притяжательному. Местоимение *сколько* обладает свойствами прототипического количественного числительного, а именно отсутствием отношения к категориям числа и рода и противопоставлением двух групп падежей (в именительном и винительном падежах числительное является независимым словом в предложении или управляется, в остальных падежах – согласуется).

Разумеется, такие аналогии местоимений и других частей речи обусловлены когнитивными процессами, в результате которых формируется грамматическая система языка. Одним из важнейших свойств языка является обобщённый характер его единиц, сформировавшийся в результате процессов категоризации. Общая структура этих процессов – «наличие 1) единичных обобщаемых объектов, 2) процесса обобщения и 3) класса (множества, собрания, кластера и т.д.), объединяющего обобщаемые объекты» [Виноградов 2016: 7]. Результатом категоризации,

представленным в языке, является некоторая языковая единица – смысловая категория, представляющая собой знаковую единицу, планом содержания которой является общее понятие, а денотатом – языковые средства, формирующие это общее понятие [Виноградов 2016: 7]. Местоимения, рассматриваемые как продукты обобщающей деятельности языкового сознания, как результаты категоризации, являются смысловыми категориями в определённом выше смысле. Например, местоимение *кто* – знаковая единица (смысловая категория). План содержания этой знаковой единицы – существительное как грамматическое явление, во всей совокупности его значений (категориального и других), с присущими существительному частными морфологическими категориями, формами словоизменения, синтаксическими функциями. Денотат этой категории – различные существительные в языке и речи, способные замещаться данным местоимением. Именно эти различные существительные формируют общий смысл, воплощаемый данным местоимением. Вербализация данной смысловой категории – словесный знак *кто*.

Будучи созданными в языковой системе, местоимения как смысловые категории играют очень важную роль в языковом мышлении носителей языка. Известно положение о том, что местоимение – мерило частей речи. Это обнаруживается в дефинициях частей речи, распространённых в учебной литературе. Те вопросы, на которые отвечают части речи («кто?», «что?», «какой?», «сколько?» и др.) содержат в своём составе местоимения. Местоимения оказываются инструментами, с помощью которых учащиеся осуществляют классификацию анализируемых фактов в процессе когнитивной деятельности по анализу морфологических единиц в языке и речи. В свете этой деятельности обретает глубокий смысл формулировка: «По степени абстрактности значений местоимения близки к категориальным значениям именных частей речи» [Шанский, Тихонов 1987: 143]. Эта абстрактность семантики местоимений делает их средствами анализа и описания грамматических классов.

Процесс категоризации, ведущий к возникновению обобщённых единиц, отражает конкретные условия категоризации. Вследствие этого категоризация одних и тех же слов может приводить к созданию разных смысловых категорий. Так, научная категоризация приводит к созданию смысловых категорий, которые вербализованы лингвистическими терминами *имя существительное*, *имя прилагательное*, *глагол* и т.д. Категоризация, приводящая к созданию местоимений, имеет своим результатом категории, вербализованные местоимениями *ты*, *свой*, *этот* и т.д. Создание смысловых категорий *местоимения-существительные*, *ме-*

стоимения-прилагательные, местоимения-числительные – следующая стадия категоризации, связанная с научным исследованием языка.

Конечно, местоимения как средства обобщения отличаются от научных обобщений тем, что более контекстуальны, фрагментарны, иначе расставляют акценты при формировании классов обобщённых единиц. Для примера рассмотрим некоторые личные местоимения как смысловые категории. Эти местоимения являются местоимениями-существительными, но каждое из них обобщает некоторую подгруппу существительных, которая может иметь контекстуальный, функционально-речевой характер. Контекстуальность проистекает из того, что одни и те же названия, обобщаемые данными местоимениями, имеют разное отношение к действию в высказывании: *я* означает, что действие совершает сам говорящий, *ты* – собеседник, *он* – лицо или предмет, не участвующий в диалоге. Эти смыслы соотносятся со словоизменительной категорией лица глагола и, конечно, не образуют в языке постоянных классов существительных. Тем не менее, с точки зрения принадлежности к частям речи личные местоимения обладают всеми признаками существительных. Например, местоимение *я* относится к существительным *singularia tantum*, потому что может подчинять по способу согласования только слова в единственном числе: *Что ж со мной, глупой, делать!* // А. П. Чехов. Вишневый сад (1904); *На сцене и в жизни я совершенно разная* // Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» // «100% здоровья», 2003.01.15; *Ты кого нашла, невеста, песней чистою звеня, задумчивая, заместо невеселого меня?* // Б. П. Корнилов. У меня была невеста (1935) // Б. Корнилов. Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Большая серия. М.: Советский писатель, 1966 [Национальный корпус русского языка]. Данное местоимение относится к существительным общего рода, потому что, не меняясь морфологически, может подчинять себе слова в мужском и женском роде по способу согласования. В целом по характеру морфологических категорий местоимение *я* аналогично именам собственным типа *Шура* или *Саша*. Действительно, семантика данного личного местоимения – выделение единичного предмета из их множества, как у имени собственного (объект, выражаемый этим местоимением, обозначает только говорящего как «единственного в своём роде», противопоставленного всем остальным лицам и предметам). В использовании местоимения *я* отражается функционально-речевой аспект категоризации, поскольку лицо, выражаемое данным местоимением, определяется ситуацией и контекстом его речевого употребления.

Являются ли местоимения *я* и *мы* формами (пусть супплетивными) единственного и множественного числа? Нет, не являются, так как имеют разные лексические значения: *мы* означает не 'множество я', а 'я +ещё кто-то, один или несколько'. Принцип обобщения, реализованный в местоимении *мы*, – объединение в один класс вместе с говорящим ещё некоторых лиц, «контекстуально подобных» говорящему. Очевидно, что этот принцип носит контекстуально-речевой характер.

Как в морфологическом плане соотносятся местоимения *он, она, оно, они*? Естественно считать местоимения *он, она, оно* аналогичными именам существительным с нормальным числовым противопоставлением, то есть выражающими оппозицию единичности и множественности. Единственная особенность этих местоимений, до некоторой степени нарушающая прототипические свойства существительных, – одинаковые формы множественного числа (омоформы множественного числа) у всех этих местоимений. Разумеется, личные местоимения 3 лица мужского, женского и среднего рода – разные слова, а не формы одного слова.

Приведённые факты и их истолкование отражают категоризирующую роль местоимений как в структурно-языковом, так и в функционально-речевом плане. Но почему эта роль должна ограничиваться только категоризацией именных частей речи? В языке есть обобщающие слова, которые выступают как смысловые категории, обобщающие глаголы. К ним относится глагол *делать*. Обобщающая роль этого глагола определяется тем, что он обозначает обобщённый процесс, который может быть представлен многими разновидностями. Функция инструмента классификации (мерила частей речи) у слова *делать* представлена в определении понятия глагола (глагол – самостоятельная часть речи, отвечающая на вопросы *что делать? что сделать?*). Ср. методику разбора предложения по составу с помощью грамматических вопросов: Что *делает* лампа под потолком? – *Висит*. Морфологические изменения глагола *делать* присущи любому глаголу, отвечающему на вопросы, содержащие формы глагола *делать*.

Функцию замещения выполняют местоименные наречия, являющиеся обобщениями не только других наречий, но и обстоятельств, выраженных другими частями речи: наречия указательные (*там, туда*), вопросительные (*где, куда, откуда, как*), отрицательные (*нигде, никак*), неопределённые (*где-то, кое-где, куда-либо*). Сходство терминологических обозначений наречий с названиями местоимений (указательные, вопросительные, отрицательные, неопределённые местоимения) отражает общность семантики слов, употребляемых вместо именных частей

речи, и слов, употребляемых вместо наречий и других языковых единиц в синтаксической функции обстоятельств.

Краткий обзор местоимений и подобных им слов-указателей заставляет считать, что «категоризация местоименного типа» имеет место во всех знаменательных частях речи. Возможна ли такая категоризация в служебных частях речи? Представляется, что такая категоризация должна основываться на обобщении функций служебных частей речи. Например, функция союзов – синтаксическая связь членов предложения и предложений. Наиболее универсальной синтаксической связью представляется бессоюзная, которая может выражать разнообразные отношения между соединяемыми частями предложения. Это можно трактовать как нулевой союз между грамматическими основами в составе бессоюзного сложного предложения или между однородными членами предложения. Изучение таких явлений выводит «категоризацию местоименного типа» за пределы морфологии и требует особого рассмотрения.

Функция предлогов – выражение связей между словами, так же как и у словоизменяемых грамматических морфем (флексий). У предлогов не обнаруживаются обобщающие слова, являющиеся их заместителями. Предлоги подобны морфемам, а не словам, и, по-видимому, в этом причина отсутствия у них «категоризации местоименного типа».

Таким образом, местоимения и другие слова-заместители в грамматической системе русского языка сформировались как средства и результаты категоризации слов, принадлежащих к знаменательным частям речи. Процесс категоризации с помощью слов-заместителей условно можно назвать категоризацией местоименного типа, которая имеет структурно-языковой аспект, связанный с системой грамматических классов слов (частями речи), и функционально-речевой аспект, проявляющийся в речевом использовании слов-заместителей.

Список литературы

1. Русская грамматика. Т.1. М.: Наука, 1980. 783 с.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 21.08.2020).
3. Виноградов С.Н. Смысловые категории и смысл текста // Успехи современной науки и образования, № 10, Том 3, 2016. С. 7–12.
4. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1987. 256 с.

PRONOUN PROPERTIES AS A COGNITIVE MECHANISM IN THE GRAMMATIC SYSTEM OF THE LANGUAGE

© *S.N. Vinogradov*

The purpose of this article is to describe pronouns as a means of categorization in the grammatical system of the Russian language. When analyzing the material, we used the cognitive method, a descriptive research technique, and a method of intralingual correlation. The properties of pronouns are described that correlate them with different parts of speech and make them tools and results of categorization, which can be called pronoun categorization. Pronominal nouns, pronominal adjectives, pronominal numerals are sense categories – symbolic units, the content plan of which are the parts of speech in the totality of their properties, and the referents of which are the words and word usage of the corresponding parts of speech. The categorization function of pronouns has a structural-linguistic aspect, which is manifested in the hierarchical structure of the language, and a functional-speech aspect, which is realized by pronouns during their speech functioning. Separate pronouns are also semantic categories, and the words they generalize do not completely coincide with the grammar classes existing in the language. Categorization similar to pronoun categorization is also found in other linguistic units, in particular in verbs and adverbs.

Keywords: pronouns, parts of speech, sense categories, categorization, pronoun categorization.

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ И СЕМАНТИЧЕСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ (на материале словарей новых слов)

© *Е.А. Жданова*

Статья посвящена вопросу разграничения словообразовательных и семантических неологизмов, возникших в русском языке в конце XX века. Фактическим материалом для исследования послужили данные неологического словаря-десятилетника «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (СПб., 2009–2014). В рамках работы используются сравнительно-сопоставительный и описательный методы. В результате исследования делается вывод о том, что в целом ряде случаев однозначное отнесение неологизма к семантическим или словообразовательным не представляется возможным, т.к. появление у уже существовавшего слова новой семантики может объясняться как семантической, так и словообразовательной деривацией. Анализ подобных неологизмов, оказавшихся на границе между словообразовательными и семантическими, представляет известный интерес для дериватологии, т.к. позволяет более полно описать словообразовательные тенденции, проявляющиеся на данном этапе развития языка.

Ключевые слова: неология, словообразование, словообразовательные неологизмы, семантические неологизмы.

Обновление словарного состава национального языка, как известно, может идти разными путями: заимствование лексических единиц из других языков, развитие новых значений у уже существующих в языке единиц или использование словообразовательного потенциала данного языка. В соответствии с этим принято говорить о таких типах неологизмов, как неологизмы-заимствования, семантические и словообразовательные неологизмы. В русском языке рубежа XX–XXI веков (несмотря на заметно возросшее число заимствований) наиболее широко представлены словообразовательные неологизмы, мотивированные как исконно русскими, так и заимствованными словами. Из 4 250 словарных статей, представленных в первом томе словаря «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (далее – НСЗ-90), более 2 500 (т.е. более 60%) посвящено описанию слов, возникших в результате реализации словообразовательных возможностей русского языка. Так, из более 220 неологизмов на букву «З» словообразовательные инновации составляют более 160 слов (т.е. около 75% от общего числа зафиксированных на

данную букву новых слов и значений: *законотворец*, *заокееанье*, *зомбированность*, *зоозащитный* и др.).

Однако надо отметить, что статистические подсчеты несколько затрудняются тем, что не всегда можно однозначно разграничить словообразовательные неологизмы от иных типов неологизмов, в частности от семантических: например, новое наречие *звездно** ‘так, как положено звезде (знаменитости); блестяще, фантастически’ дается с пометой «*», т.е. рассматривается авторами НСЗ-90 как семантическое новообразование [НСЗ-90 2009: 14]. Действительно, данное наречие уже было зафиксировано в толковых словарях русского литературного языка, например в БАС-3: *звездно* – ‘1. искристо, сверкающе; 2. (в знач. предикатива) обилии звезд на небе’. Однако, вероятно, что новое значение развилось не на базе уже существующего в результате того или иного типа переноса, а на базе нового значения производящего прилагательного *звездный** (в НСЗ-90 – ‘относящийся к звезде (знаменитости); принадлежащий, свойственный ей’), а последнее мотивируется в свою очередь переносным значением слова *звезда* ‘тот, кто пользуется широкой популярностью (об артисте, певце, спортсмене и т.п.)’, которое фиксируется, например, в БАС-3. В словаре НСЗ-90 можно встретить и другие случаи, когда неясно, возникло ли слово в результате словообразовательной деривации и случайно совпало с уже существующим или его возникновение связано с семантическими сдвигами и имеет место лексическая деривация: например, *желтуха** ‘печатное издание, относящееся к разряду желтой прессы ...’; *зенитчики** ‘то же, что зенитовцы <болельщики футбольной команды «Зенит»>’ (ср. в БАС-3 *желтуха* ‘болезнь, характеризующаяся окрашиванием кожи, слизистых оболочек и склер глаз человека в желтый цвет ...; гепатит’; *зенитчик* ‘военнослужащий зенитного подразделения’); а также *пентюх** ‘то же, что пентиум’; *подберезовики** ‘сторонники предпринимателя и политического деятеля Б.А. Березовского’; *утятина** ‘ложная сенсация, слух’; *фронтвик** ‘член, приверженец какого-л. объединения общественных сил, в название которого входит слово «фронт» и др. Всего в НСЗ-90 нами было зафиксировано более 350 неологизмов-существительных, находящихся на границе между семантическими и словообразовательными.

Исследователи, в частности, Е.В. Сенько вслед за Н.З. Котеловой [Сенько 2007; Котелова 2015], в подобных случаях говорят о агрегатировании: «в этом случае изначально образуется новое слово, которое тут же присоединяется в системе языка к фонетически тождественному исторически предшествующему слову и усваивается как очередное значе-

ние полисеманта <...>. В нормативных толковых словарях подобные номинации обычно подаются как значения многозначного слова; многие исследователи рассматривают их как омонимы» [Сенько 2007: 116–117].

М.А. Михайлов отмечает, что применительно к новым языковым единицам далеко не всегда можно однозначно разграничить семантические и деривационные процессы: «Если новообразование совпадает формально с каким-либо существующим в языке словом, оно может быть результатом семантического изменения, затронувшего существующее слово, но может быть и результатом деривационного процесса, формально совпавшим с существующим словом» [Михайлов 1989: 96–97].

Так как в рамках данной статьи важно зафиксировать использование тех или иных словообразовательных средств, выявить продуктивность словообразовательных способов и типов, то в тех случаях, когда семантический перенос не был очевиден, когда допускалась возможность вторичного образования слова и совпадения нового производного с уже бывшей в языке лексической единицей, мы включали подобные единицы в нашу выборку, опираясь на положение М.А. Михайлова о том, что «каждое производное слово, существующее в языке, должно быть оценено именно как производное – независимо от путей первоначального появления его в речи» [Михайлов 1989: 99].

Среди выявленных неологизмов обращает на себя внимание широко представленные суффиксальные производные. Суффиксация активно используется в именном словопроизводстве, что подтверждается и случаями вторичной номинации. Среди подобных неологизмов, данных в НСЗ-90 с пометой «*», фиксируются наименования лиц (*зарубежник** ‘1. Россиянин, живущий, работающий за рубежом; 2. Представитель Русской православной зарубежной церкви’; *маршевик** ‘участник массового шествия – акции в знак протеста или в поддержку чего-л.’; *пляжник** ‘пляжный волейболист’ и др.); предметов (*японка** ‘об автомобиле японского производства’ и др.); мероприятий (*квартирник** ‘1. Концерт бардов, рок-музыкантов и т.п. на частной квартире’ и др.); отвлеченных понятий (*пожелтение** ‘появление некоторых черт, свойственных желтой прессе <...>’ и др.).

Нельзя не обратить внимание на то, что многие семантико-словообразовательные неологизмы, описываемые в НСЗ-90, являются универбатами, образованными на базе словосочетаний с помощью суффиксов *-к(а)* и *-ик*: *коммуналка** < коммунальные службы; коммунальные услуги; *магнитка** < магнитная карта, пластинка; *молодёжка** < молодёжная команда; *наглядка** < наглядная агитация; *лазерник** < лазерный

принтер, компакт-диск, проигрыватель, специалист; *ночник** < ночной магазин, концерт, клуб и др. Таким образом новыми номинациями поддерживаются широко распространенные среди универбатов явления омонимии и многозначности.

Среди суффиксов, использованных в семантико-словообразовательных неологизмах, обнаруживаются как высокопродуктивные, так и малопродуктивные – например, кроме уже отмеченных суффиксов *-к(а)* и *-ик*, были зафиксированы образования с весьма активными на современном этапе развития языка суффиксами *-(ов)ец*, *-ист*, *-щик*, *-ш(а)*, *-(из)аци(я)*, *-ость* и др.: *кремлёвцы**, *декабристы**, *гуманитарщик**, *подпольщик**, *капитаниша**, *сепаратизация**, *крутость** и др. Наличие семантико-словообразовательных неологизмов с подобными формантами доказывает их высокую востребованность в русском языке новейшего периода [Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015].

Известный интерес представляют неологизмы с малопродуктивными формантами, в частности с суффиксом *-изн(а)*: *голубизна** ‘принадлежность к гомосексуалистам (голубым)’; *желтизна** ‘желтая пресса; ее характерные черты (соглашательство, продажность, конъюнктурность, сенсационность, скандальность); желтуха’ и др. Видимо, появление неологизмов с этим суффиксом как бы заранее задано наличием в языке слов *голубизна* или *желтизна*, а не востребованностью форманта.

Кроме суффиксальных производных, в НСЗ-90 обнаружены семантико-словообразовательные неологизмы, созданные в результате усечения производящей основы, а также флексийным, префиксальным и префиксально-суффиксальным способами: *минус** ‘то же, что минусовая фонограмма; минусовка; фанера’; *синтетика** ‘наркотические препараты, получаемые методом химического синтеза’; *раскол** ‘признание подготавливаемого в содеянном преступлении; действия, направленные на получение такого признания’; *невъезд** ‘вынужденное проживание за пределами страны, отсутствие разрешения въехать в страну <...>’; *непода-тие** (непода-тие руки) ‘отказ от приветствия рукопожатием как демонстрация обиды, оскорбления, протест против чьей-л. непорядочности и т.п.’; *одеревенение** ‘обесценивание, превращение в деревянный (о рубле, деньгах, национальной валюте)’ и др.

Таким образом, привлечение к анализу деривационных процессов, идущих в русском языке новейшего периода, семантических неологизмов, возникших в результате агрегатирования (вторичной номинации), т.е. семантико-словообразовательных, оказывается показательным и при анализе словообразовательной системы современного русского языка. В

подобных лексических новациях тоже проявляются словообразовательные потенции языка: активность определенной словообразовательной модели или дериватора; использование в русском языке тех или иных словообразовательных моделей и формантов. Сами же семантико-словообразовательные неологизмы на словообразовательном уровне оказываются производными словами, в отношении которых возможен словообразовательный анализ [Михайлов 1989: 95–96].

В то же время, в русском языке рубежа XX–XXI веков все-таки преобладает обновление лексики за счет словообразовательных инноваций. Как отмечают исследователи, «из всех процессов, поставляющих в русский язык новые единицы, самым активным является процесс словопроизводства» [Маринова 2008: 439]. При этом «производные слова образуют существенную часть словарного состава, наиболее изменчивую, гибкую, подвижную, беспрестанно пополняющуюся» [Сенько 2007: 182]. Как отмечает Е.С. Кубрякова, русское словообразование признается «автономной системой языка, направленной на моделирование вторичных единиц номинации со статусом слова» [Человеческий фактор в языке 1991: 113].

Кроме этой особенности русского языка, связанной, по всей видимости, с его внутренним строением, некоторую роль, вероятно, играет и психологический фактор. По подсчетам ученых, производная лексика вообще занимает в словарях разных языков большое место – по многим данным более 60% [Человеческий фактор в языке 1991: 120], а ее использование, «лексическая связанность слов», облегчает усилия говорящего, т.к. значение производного слова «вытекает каким-то образом» из значения производящего [Человеческий фактор в языке 1991: 119]. Производное и производящее слова существуют в лексиконе не на равных правах, т.к. «зная одну <лексическую единицу>, мы легче усваиваем и используем затем другую», а «при их описании одну и ту же информацию не надо повторять дважды» [Там же]. Производные-неологизмы не только легче встраиваются в языковую систему, но и позволяют быстрее построить обозначаемое ими новое понятие в существующую систему понятий, усвоить его, логически связывают новое, неизвестное, со старым, известным. Исследователи отмечают, что «словообразование – это процесс, целиком ориентированный на коммуникацию, на передачу знаний о мире, на структурирование тех элементов окружающего мира, которые в процессе деятельности субъект выделил и которыми овладел» [Человеческий фактор в языке 1991: 213], а «соотношение производной и непроизводной лексики в словарном составе любого языка позволяет

понять, какие смыслы были предметом особого внимания человека» [Вендина 2002: 44].

Таким образом, и семантико-словообразовательные неологизмы, встраивающиеся в деривационную подсистему русского языка, помогают выявить специфику познания мира современными носителями языка и, будучи производными словами, выступают как «лексические репрезентанты категоризованных языком знаний, полученных в ходе осмысления человеком окружающего мира» [Крючкова 2009: 222].

Список литературы

1. БАС-3 – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. М.-СПб.: Наука, 2004.
2. Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. 2002. №4. С. 42–72.
3. Котелова Н.З. Избранные работы. СПб.: Нестор-История, 2015. 276 с.
4. Крючкова О.Ю. Соотношение функциональных и когнитивных типов словообразовательных моделей // Актуальные проблемы современного словообразования / под общ. ред. Л.А. Араевой. Кемерово, 2009. С. 220–225.
5. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в. // Проблемы усвоения и функционирования. М.: Изд-во «ЭЛПИС», 2008. 496 с.
6. Михайлов М.А. Речевая номинация и выделяемость морфем. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. 162 с.
7. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 3 т. / Отв. ред. Т.Н. Буцева. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009–2014.
8. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 136 с.
9. Сенько Е.В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. СПб.: Наука, 2007. 355 с.
10. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. 240 с.

THE PROBLEM OF DISTINCTION BETWEEN DERIVATIONAL AND SEMANTIC NEOLOGISMS (on the material of Dictionaries of new words)

© *E.A. Zhdanova*

The article is devoted to the issue of distinction between derivational and semantic neologisms which emerged in the Russian language in the end of the XX century. Material of the neological dictionary «New words and meanings. Dictionary on materials

of the press and literature of the 90-ies of the XX century» (St. Petersburg, 2009-2014) constitutes the actual material for the article. In the research we use comparative and descriptive methods. In the course of research we conclude that in many examples an unambiguous classification of semantical neologism or derivational ones is not possible, because the appearance of new meanings for some words can be explained by both semantical processes and word-formation ones. The analysis of such neologisms, which appear on the border between derivational and semantical ones, is interesting for derivatology, because it allows to describe the word-formational tendencies in modern Russian more comprehensively.

Keywords: neology, word-formation, derivational neologisms, semantical neologisms.

«НОВЫЙ ГОРЬКИЙ ЯВИЛСЯ...» (к вопросу о духовном и бездуховном в произведениях Захара Прилепина)

© *Н.В. Жучкова*

В статье на материале произведений Захара Прилепина исследуются особенности «нового реализма» как явления, отражающего сущностные особенности современного литературного процесса. Характеризуются важнейшие художественные параметры «нового» или «клинического» реализма у писателя: изображение героя в экстремальных обстоятельствах, созданных социальным кризисом; широкое использование inferнальных мотивов, отражающее «перевернутость» общественных норм; обострённо-телесное восприятие мира, освоение реальности через натуралистическую деталь; «патологичность» сознания главного героя, его маргинальность, отсутствие чётких жизненных ориентиров, склонность к рефлексии. Описывается соотношение духовного и бездуховного в его произведениях и подчёркивается, что для прозаика это является способом постижения сложности человеческой природы.

Ключевые слова: Захар Прилепин, клинический реализм, духовность, бездуховность.

Начало XX века характеризуется появлением нового литературного направления, для которого свойственно «возрождение и переоформление реализма, эксперименты с документальным и биографическим началом, повышение роли «прямого» публичного высказывания» [Прилепин 2008: 4].

«Клинический реализм» – так самоопределил это направление Захар Прилепин, яркий и неординарный его представитель [Прилепин, [http](#)]. Творчеству этого автора присуще большинство свойств «нового реализма».

Документализм, прямое отражение действительности, автобиографизм и политическая и социальная заостренность – вот характерные признаки произведений «новых реалистов». Действительно, творчеству З. Прилепина, по мнению многих исследователей [Каличенко 2014; Костырко, [http](#); Кучина 2008; Латынина, [http](#); Пустовая, [http](#)] свойственна безусловная автобиографичность произведений, стремление к «окопной правде», вытекающее в переживание личного жизненного опыта в линии героев.

Захар Прилепин (Евгений Николаевич Прилепин, р. 1975) в составе ОМОНа принимал участие в боевых действиях в Чечне и свой боевой опыт спецназовца отразил в романе «Патологии», в рассказе «Убийца и его маленький друг». Так, Егор Ташевский – главный герой романа «Патологии», попав на войну в Чечне, обескуражен бессмысленной и жестокой резнёй, которая выходит за рамки человечности, так как не вписывается в образ жизни, где добро должно торжествовать, а зло должно быть наказано: «Из рта изливается, с рыданием изливается из рта рвота. И длинная, неотрывная слюна висит на губе. Дышать трудно. Внутренности мои, кажется, разорваны, все кишки перекручены... Сажусь на зад, сморкаюсь грязью... Рука пляшет у лица, ледяная рука пляшет, дрожит, трясётся, чужая рука...протираю глаза» [Прилепин 2011].

Прилепину присуще «изображение героя в экстремальных обстоятельствах, созданных социальным кризисом» [Малышева 2017: 9].

Критики неоднозначно оценивают стремление Прилепина окунуть героя в «мир за чертой» (Денис Грицко), то заставляя прожить 90-е годы – время страшное, сложное, жуткое и злое (сборник «Ботинки, полные горячей водкой»), то погрузиться в политическую борьбу (роман «Санька»), то пройти войну с «мятежными племенами на окраине Империи» в романе «Патологии» (Юлия Беломлинская). Экстремальный мир порождает сложного героя-рассказчика и неоднозначные фигуры вокруг него.

Малышева определила героев Захара Прилепина как мужчин, «наделённых сильной жадой жизни, витальностью, воспринимающих мир как борьбу» [Прилепин 2008: 10]. Герои в мире борьбы – с собой, с властями, с врагами – действуют агрессивно, мыслят агрессивно, разговаривают агрессивно. Они «глушат» водку в подворотнях, общагах, казармах, дерутся и убивают друг друга, ругаются матом. Нецензурная брань – не за гранью дозволенного, а в рамках привычного. «Клинический реалист» Прилепин широко использует смещения разного вида: временные и исторические эпохи, голос рассказчика-автора и действующих лиц, компоненты низкого и высокого стилей.

«Прилепин-писатель работает резкими, отрывистыми движениями – ломает и гнёт синтаксическую арматуру, а потом наотмашь кидает на неё куски глины, быстро долепливает рельеф, не церемонясь с материалом, будто назло кому-то неестественными инверсиями добиваясь нужного эффекта... Эффект есть, и стиль романа соответствует содержанию» [Данилкин, <http>]. Язык произведений Прилепина испытывает, безусловно, влияние разговорного языка, в связи с этим появляются парцелированные конструкции, расширяются функции тире или заменя-

ются им другие знаки препинания, сужаются функции двоеточия, широко употребляются многоточие.

Произведения Прилепина словно пронизаны «ужасающей смертной тоской молодых людей по «честным» поступкам в атмосфере всеобщей лжи» (Лев Басинский). Герои постоянно пьют, дебоширят, никаких стремлений к образованию, самосовершенствованию, конечно же, нет. «Все умерли. Кто не умер, того убили. Кого не убили, тот добил себя сам» («Бабушка, осы, арбузы») [Прилепин 2008: 173].

В связи со стремлением прилепинских героев к «пацанской жизни» критики обвиняют его в уходе от русского, православного, исконно народного: «Традиционное, подсознательно-христианское, заложенное родителями и родителями родителей, стирается в его творчестве. Писатель уходит от православного идеала, от русского и от России» [Кржановский 2009]. Н. Кржановский, например, призывает читателя напрочь забыть «пацанские» рассказы с похотливо-пьяным настоящим и опошленным будущим и вернуться к русской классике, которая «хранит подлинные идеалы русского народа». Однако если рассматривать классику сквозь призму критики, которой подвергся Прилепин, «можно прийти в отчаяние и заявить, что классики «теряли русское». Они написали про русский народ, про Россию тоже немало страшного, обидного... В ставших классикой повестях Распутина 60–70-х годов тоже главный мотив – распад, гибель, потеря светлого...» [Сенчин, [http](#)].

Однако стоит начать разговор о женщине, жене, детях, детстве, как резко меняется настроение, атмосфера произведений. Мировосприятие Прилепина, несмотря ни на что, всё-таки со знаком плюс. Всё из-за того, что «мир вокруг нас преисполнен такой невыносимой на вкус печалью и горестью, что всем нам просто нет иного выбора, чем бесповоротно и навек приговорить к счастью хотя бы себя».

Из-за «приговора к счастью» просто необходимо жить интересно: пытаюсь изменить мир, лезть на баррикады, быть в оппозиции, воевать, приобретая опыт и сразу же на гражданке забывая о нём. Прилепин потому и сумел «описать войну с таким омерзением, что нормальным состоянием для него как раз является счастье, здоровье, любовь, всяческая полноценность; восхищается он этим всем не как подпольный тип, больше озабоченный доминированием, а искренне, доброжелательно, никого не желая уязвить» [Пустовая, [http](#)].

Мировоззренческие особенности Прилепина возможно понять через его отношение к женщине, ребёнку, любви: «Мы лежали лицом к лицу, переплетённые руками и ногами, щека ко лбу, живот к животу, лодыжка

за ляжечку, рука на затылке, другая на позвонке, сердце в сердце. Мы так спали всю ночь, из ночи в ночь, месяц за месяцем. Если бы нас решили разорвать, потом бы не собрали единого человека» («Жилка»). Здесь нет места мату и сарказму, злобе и жестокости. Герой Прилепина поистине лиричен, ведь он говорит о любимых – трогательно и нежно: «... насколько бы было просто прощать что бы то ни было, если дочка перед тобой. Чего её не простить – кровную свою – не жена же. Отсюда другая нелепая истина. Если мужчина хочет, чтоб его женщина не превратилась в печальную постыдную бабу, – он может любить её как дочку» («Дочка»).

В заключение лишь добавим. Книги Захара Прилепина издаются и переиздаются. Произведения приобретают поклонников и недоброжелателей, никого не оставляя равнодушным. А он сам говорит «элементарные и очевидные вещи: ... детей должно быть много, власть должна быть вменяемой, врать надо меньше, если чиновники воруют, надо их сменить» [Сенчин, [http](#)].

Список литературы

1. Басинский П. Новый Горький явился // Российская газета. 15 мая 2006. № 4066.
2. Талант Прилепина и Быкова побеждает их убеждения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2016/04/29/1291> (дата обращения 31.03. 2019).
3. Данилкин Л. Круговые объезды по кишкам нищего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-libra.su/read/143781-krugovye-ob-ezdy-po-kishkam-nischego.htm> (дата обращения 09.04. 2019).
4. Каличенко Л.А. Проблема противопоставления ценностных систем автора и героя в контексте трансформации ценностей современного российского общества (на примере романов Захара Прилепина «Санька», «Черная обезьяна») // Альманах современной науки и образования. 2013. №12(79).
5. Костырко С. По кругу // Журнальный зал: Новый мир. 2006. № 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zh-zal.ru/novyi_mi/2006/10/ko16.html (дата обращения 09.04. 2019).
6. Кржановский Н. Такие «пацанские» рассказы // Литературная газета. 2009. № 38. 25 сентября.
7. Кучина Т.Г. Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI вв.: первоначальные повествовательные формы: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ярославль, 2008. 42 с.
8. Латынина А. Вижу сплошное счастье... // Журнальный зал: Новый мир. 2007. № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zh-zal.ru/novyi_mi/2007/12/la11.html (дата обращения 09.04. 2019).

9. Малышева А.И. «Клинический реализм» З. Прилепина: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Воронеж, 2017. 19 с.

10. Прилепин З. Бабушка, осы, арбуз // Ботинки, полные горячей водкой. М.: Астрель: АСТ, 2008.

11. Прилепин З. Новейшая история. Новый реализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sobaka.ru/nn/oldmagazine/glavnoe/11550> (дата обращения 01.04. 2019).

12. Прилепин З. Все мои истории, так или иначе, имели место в действительности: онлайн-конференция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://chelyabinsk.74.ru/conference/prilepin_74.html (дата обращения 09.04.2019)

13. Прилепин З. Патологии: роман. М.: Астрель: АСТ, 2011. 352 с.

14. Пустовая В. Человек с ружьем: смертник, бунтарь, писатель. О молодой военной прозе // Журнальный зал: Новый мир. 2005. № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zh-zal.ru/novyi_mi/2005/5/put9.html (дата обращения 09.04. 2019).

15. Сенчин Р. Неудобный Прилепин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://glfr.ru/biblioteka/roman-senchin/neudobnij-prilepin.html> (дата обращения 09.04. 2019).

**«A NEW GORKY APPEARED ...»
(to the question of spiritual and unspiritual
in the works of Zakhar Prilepin)**

© *N.V. Zhuchkova*

The article examines the features of the “new realism” as a phenomenon reflecting the essential features of the modern literary process based on the works of Zakhar Prilepin. The author characterizes the most important artistic parameters of the “new” or “clinical” realism of the writer: the depiction of the hero in extreme circumstances created by the social crisis; widespread use of infernal motives, reflecting the “inversion” of social norms; heightened bodily perception of the world, mastering reality through a naturalistic detail; “Pathological” consciousness of the protagonist, its marginality, lack of clear life guidelines, a tendency to reflection. It is noted that Zakhar Prilepin describes life as it is. The relationship between the spiritual and the non-spiritual in his works is described and it is emphasized that for a prose writer this is a way of comprehending the complexity of human nature.

Keywords: Zakhar Prilepin, clinical realism, spirituality, lack of spirituality.

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

© Л.А. Климкова

Статья посвящена рассмотрению специфики имен собственных как уникального разряда субстантивов на семантическом и словообразовательном уровнях языка. На фрагменте богатого лексического материала, общерусского и регионального, продемонстрировано расширение семантики онимов, её возрастание до глубинного, символического смысла разного диапазона проявления, а также богатство способов и типов деривации на базе имен собственных – топонимов и антропонимов. Разграничив виды деривации по сфере действия, при использовании ряда методов – описательного, структурно-семантического, компонентного, сравнительно-сопоставительного, – автор дал анализ имен собственных как производящей базы в официальном – неофициальном, внутри- и внеонимном пространствах языка. Тем самым создано представление о значительном деривационном потенциале онимов как источников обогащения лексики и о реализации данного потенциала в объемном пласте словарного фонда русского языка.

Ключевые слова: имя собственное, топоним, антропоним, деривация, деривационный потенциал, производящая база, деонимизация, апеллятив, трансонимизация.

Имена собственные представляют собой уникальный разряд субстантивов, при этом их специфика обнаруживается на всех языковых и речевых уровнях: лексическом, семантическом (лексико-семантическом), деривационном, грамматическом, функциональном, дискурсном, текстовом. Своеобразие их проявляется в характере структуры самой семьи: референт вне денотата и вне сигнификата (или вне типичного сигнификата); в повышенной экстралингвистичности: наличие энциклопедического значения (энциклопедической информации) того или иного объема; в полифункциональности: номинативная (причем повышенная, максимальная, «гипертрофированная»), индивидуализирующая, идентифицирующая, выделительно-дифференцирующая и некоторые другие функции, раскрывающиеся в дискурсе, в многообразных по своему характеру, типу текстах. Впрочем, по этому вопросу существует уже огромная научная литература, прежде всего корифеев ономастики.

В процессе употребления онимы могут увеличивать, расширять свой семантический объем: референтное значение испытывает «приращение смысла», на него наслаивается семантика обобщения; на основе типизации тех или иных черт объекта, метафоризации, метонимизации, раз-

личных ассоциаций семантика имени собственного возрастает до глубинного, символического смысла, причем различного характера, различного диапазона проявления – социумного, этнического, этнокультурного, исторического, временного (темпорального), территориального (локального), хронотопического, мировоззренческого, идеологического, политического и т.д. Например: *Иван* – имя конкретного человека, популярное русское имя – (*И*)*иван* – русский, название, олицетворение всех русских людей; *Ганс*, *Фриц* – распространенные немецкие имена – *ганс*, *фриц* – презрительные названия солдат немецко-фашистской армии в период Великой Отечественной войны (об именах *Иван*, *Фриц* в обобщенном употреблении в отличие от имен собственных, переживших полную апеллятивизацию, см. подробно: [Супрун 2020: 130–133]). Или, к примеру, своеобразным олицетворением тех или иных периодов истории нашей страны в XX веке являются такие антропонимы (именасинкреты, ключевые слова эпохи), как: *Ленин* – символ социалистической революции, приведшей к изменению расстановки сил, классов в нашей стране и в конечном счете – к изменению мира, символ создания на планете Земля государства нового типа; *Сталин* – символ прежде всего строительства социализма, победы во второй мировой войне (*Гитлер* – символ фашизма и поражения Германии); *Хрущёв* – символ так называемой оттепели, развенчания культа личности Сталина; *Брежнев* – символ стабильности («застоя» в ином осмыслении); *Горбачёв* – символ перестройки, пустословия, предательства интересов страны; *Ельцин* – в определенной части социума символ разрушения государства-державы, социализма, внедрения капитализма; у одной части социума *Путин* – символ укрепления государственности, а у другой части – символ коррумпированного государства. Тем самым происходит обогащение энциклопедического значения антропонимов, концептуализация их значения, приращение ассоциативного, символического смысла и, по сути дела, – категориальный сдвиг в их семантике, выход семантики за рамки лексико-грамматического разряда проприальности, своеобразное приближение к деонимизации, апеллятивации на семантическом уровне. Подобное переживают и топонимы, например: *Волга* – символ Руси, России; *Сталинград*, *Ленинград* – символы сопротивления, мужества русского народа, его стойкости, жертвенности во имя победы, во имя Родины – символы патриотизма.

В русском языке существует богатая система онимообразования, что засвидетельствовано в большом ряде специальных лингвистических трудов. Однако и сами онимы как единицы языка имеют значительные деривационные возможности.

На собственно словообразовательном онимном уровне различается деривация – внутрионимная и внеонимная, официальная и неофициальная, общая и региональная, узуальная (языковая) и речевая (окказиональная).

В официальном внутрионимном пространстве, в частности топонимическом, действует трансонимизация, переход имени собственного из одной тематической группы (из одного поля) в другую (другое) на основе смежности объектов – лексико-семантический способ деривации: р. Москва → г. Москва, р. Алдан → г. Алдан, р. Алатырь → г. Алатырь, оз. Имандра → с. Имандра и др. Действенен здесь и морфологический способ, аффиксация: Заволжье (г.), Приволжье (с.), Приволжское (с.), Поволжье, Приволжск (г.), Волжск (г.), Волжский (г., пгт) ← Волга; Амурск (пгт), Приамурский (пгт), Приамурье ← Амур; Алтайское (с.) ← Алтай; Васюганье (географическая область) ← Васюган (р., Томская обл.); Аральск (г.) ← Аральское море; Приазовье ← Азовское море и др.; сложение с суффиксацией и/или субстантивацией: Волгодонск – Волга, Дон; Восточно-Европейская равнина ← Восточная Европа, Восточно-Сибирское море ← Восточная Сибирь, Сальско-Маньчжурская гряда ← Сальск (г.), Маньч (р.), Северо-Двинский канал ← Северная Двина (р.), Волго-Каспийский (пгт) ← Волга, Каспий(ский) и др.; синтагматический способ, атрибуция: Большая Обь (р.) ← Обь (р.), Большая Уса (р.) ← Уса (р.), Верхняя Тунгуска (р.) ← Тунгуска (р.), Новая Сибирь (о.) ← Сибирь, Южный Урал (часть Уральских гор) ← Урал, Южный Буг (р.) ← Буг (р.), Восточные Карпаты (горы) ← Карпаты и др.; единицы см.: [Словарь 1968].

Активна здесь отантропонимная номинация при действии отмеченных способов деривации: Ефремов (г.) ← Ефремов (фамилия), Чаплыгин (г.) ← Чаплыгин (фамилия), Гастелло (пгт) ← Гастелло (фамилия), Владимир (г.) ← Владимир (персоним), Ерофей Павлович (пгт в Амурской области) ← Ерофей Павлович (имя + отчество), Серафимович (г.) ← Серафимович (фамилия), Дзержинский (пгт в Московской области), Дзержинск (г. в нескольких областях) ← Дзержинский (фамилия), а также: Милославское (пгт в Рязанской области), Милютинская (станция в Ростовской области), Михайловское (с.), Панфилово (с.), Иваново (г.), Демянск (р. в Тюменской обл.), Ефремово-Степановка (с., Ростовская обл.), Воронцово-Александровское (с., Ставропольский край), Владимиро-Александровское (с., Приморский край) и др.; см.: [Словарь 1968].

При этом направлении деривации возникает параллелизм как результат мемориальной номинации на базе онимов – своеобразных идеоло-

гем: *Киров* (фамилия) – г. *Киров* (Кировская, Калужская обл.), *Чкалов* (фамилия) – г. *Чкалов* (Оренбургская обл.), о. *Чкалов* (Сахалинский залив Охотского моря) и др. Меморативы-топонимы образуются и морфологическим, аффиксальным способом: *Кирово* (3 единицы), *Кировск* (7), *Кировский* (6 пгт), *Кировское* (5); *Чкалово* (2), *Чкаловск* (1), *Чкаловский* (1), *Чкаловское* (1) и т.д.; см.: [Словарь 1968: 104–105, 256]. Активна мемориальность и в региональной топонимии, в частности ойконимии, где функционируют названия, данные в честь святого, первопоселенца или лица, сыгравшего определенную роль в истории, в жизни населенного пункта. Так, на Нижегородчине: *Александровка* (14 единиц), *Александрово* (2), *Александровский* (1); *Ивановка* (10), *Ивановское* (11), *Иваново* (2), *Михайловка* (5), *Михайлово* (6), *Андреевка* (5), *Алексеевка* (4), *Афанасьево* (4), *Никитино* (7), *Николаевка* (9), *Никольское* (9), *Семёново* (6), *Петрово* (6), *Петровка* (4) и мн. др.; см.: [Нижегородская... 1993: 153, 185]. Разветвленный параллелизм, внутрионимный по деривации, существует и в неофициальной топонимии – в микротопонимии; см.: [Климкова 2006; Климкова 2007].

Оттопонимная и отантропонимная номинация активна не только в ойконимии, гидронимии, оронимии, но и в урбанонимии (официальной урбанонимии).

Во внутриантропонимическом (антропоним – антропоним) официальном пространстве деривационный потенциал измеряется отчествами и (отчасти) псевдонимами, соположенными, двойными фамилиями (отчасти же).

На внеонимном деривационном уровне имя собственное предстает как производящая база уже с выходом за пределы онимического пространства – в апеллативное. Здесь прежде всего следует отметить действие лексико-семантического способа деривации, ведущего к превращению референта в денотат, к деонимизации, своеобразному переходу онима в апеллатив, то есть апеллативация онима, появление на этой базе своеобразного, по признанию В.П. Нерознака, апеллонима, причем на основе метафоризации (общности признаков) или метонимизации (смежности объектов). По принципу метафоризации возникают отантропонимные апеллонимы как результат расширения значения единиц на основе общности признаков – внешних, внутренних, поведенческих, деятельностных и др. Таковы, например, соотношения единиц: *Аполлон* (древнегреческий бог солнца, юности, искусств) – *аполлон* (красивый молодой человек), *Дон-Жуан* – *донжуан* (обольститель, волокита, искатель любовных приключений), *Дон-Кихот* – *донкихот* (человек, самоот-

верженно борющийся за идеалы добра), *Печорин* – *печорин* (разочарованный, скучающий, эгоистичный человек с демонической внешностью), *Отелло* – *отелло* (ревнивый человек), *Обломов* – *обломов* (обленившийся, бездеятельный, безвольный, лишенный общественных интересов человек), *Митрофан*, *Митрофанушка* (герой комедии Д.И. Фонвизина «Недоросль», Митрофан Простаков) – *митрофан*, *митрофанушка* (глуповатый юноша-недоучка из обеспеченной семьи; недоросль; ср.: *митрофанизация* страны, образования, т.е. дебилизация, деградация) и др. Актуализация семантики обобщения вызывает использование формы мн. ч. апеллонима, типа *обломовы*, *робинзоны*, *базаровы*, *голиафы*, *ньютоньы*, *диогеи* и т.д.; см.: [Климкова 2016; Климкова 2018].

Метонимизация ведет к образованию апеллонимов со значением предмета. Таковы, например: *Морфей* (в древнегреческой мифологии бог сна) – *морфей* (сладкий сон), *Флора* (римская богиня цветов и весны) – *флора* (растительный мир), *Фауна* (в древнеримской мифологии богиня полей и лесов, покровительница пасущегося скота) – *фауна* (животный мир), *Рокфор* (местечко в Южной Франции) – *рокфор* (сыр), *Пломбир* (г. во Франции) – *пломбир* (мороженое) и мн. др. Выделяется ряд тематических групп таких дериватов: единицы измерения и измерительные приборы (*ватт*, *ампер*, *вольт*, *паскаль*, *рентген*, *джоуль* и др.), транспортные средства (*фаэтон*, *фиакр*, *форд*, *пульман*, *опель* и др.), ветры (*ангара*, *селена*, *калтук*, *сарма* и др.), одежда (*френч*, *макинтош*, *галифе*, *реглан* и др.), растения (*нарцисс*, *гиацинт*, *мирра*, *адонис* и др.), а также блюда, напитки, денежные единицы, танцы, песни, оружие, животные и т.д.

При образовании апеллятивов от онимов активен и морфологический способ, в частности сложение, аффиксация, суффиксация. И здесь онимы отличаются своим набором, своей системой словообразовательных типов, моделей, причем их система гораздо менее объемная, чем у апеллятивов, тем более исконно русских. Так, на базе топонимов действуют субстантивные типы со значением лица (мужского и женского пола), в том числе как жителя (с суффиксами *-ец-*, *-анин-*, *-щик-*, *-к-*, *-ак-*, *-ист-*), предмета (с суффиксами *-к-*, *-ий-*, *-иц-*, *-ит-*, *-ат-*, *-ин-* и др.), явления (с суффиксами *-щин-/чин-*, *-изм-*, *-ств-*, *-иад-*), действуют типы с элементами *-инг-*, *-гейт-*, *-оид-*, *-(о)нимика*; адъективные типы (относительные прилагательные с *-ов-*, *-ск-*, сложные прилагательные со значением (взаимо)отношений – территориальных, объектных, субъектных, политических, экономических); адвербиальные (наречия со значением срав-

нения, уподобления, с аффиксами *-и, по-...-ому/-ему*), глагольные типы с суффиксами *-и-, -а-, -ова-, -ну-*, а также и др.; см.: [Климкова 2016: 303]. Ср.: **Алтай** – алтаец, алтайка, алтайский (2 – с учетом множественности словообразовательной структуры); **Альпы** – альпийский, субальпийский, альпинарий, альпинист, альпинизм, альпиниада, альпеншток и др.; см.: [Тихонов 1990. Т. I: 60; Введенская, Колесников 1995: 190].

Количество производных, объем словообразовательных парадигм, гнезд (СГ) с онимом-вершиной определяется характером объекта (величиной, протяженностью), его значимостью в экономической, политической жизни общества, связью с тем или иными историческими событиями. Поэтому есть гнезда слаборазвернутые и сильноразвернутые. Ср.: *Казань* – 3 производных, *Канада* – 6, *Испания* – 13, *Италия*, *Индия*, *Америка* – по 17, *Германия* – 25, *Китай* – 30, *Европа* – 31 и т.д.; см.: [Тихонов 1990. Т. I].

Для примера приведем сильноразвернутое, объемное СГ (без представления словообразовательных ступеней): **Австрия** – *австриец, австрийка, австрийский* (2), *австрияк, австриячка, по-австрийски, австроазиатский, австро-венгерский, австро-германский, австро-итало-французский, австро-итальянский, австро-прусский, австро-франко-итальянский, австро-французский, прусско-австрийский, русско-австрийский* [Тихонов 1990. Т. I: 57]. Кроме того: *австрийско-венгерско-славянский, австро-венгро-чешский, австро-венецианский, австро-германо-болгарский, австро-германофильский, австро-голландский, австро-датско-прусский, австромарксизм, австромарксистский, австронезийский, австронезийско-австроазиатский, австро-немецкий, австро-польско-венецианский, австро-русско-германский, австрославизм, австро-советский, австро-турецкий, австрофашистский* [Букчина, Калакуцкая 1982: 34].

Отмеченные словообразовательные способы и типы действуют и на базе антропонимов. СГ в этом случае возглавляют имена (фамилии) людей, оставивших свой след (в том числе негативный) в истории, этнической и мировой, оказавших определенное влияние (тем более продолжительное) на внутригосударственные и мировые процессы, так или иначе отразивших их, – своего рода ключевые слова эпохи. См.: **Вольтер** – *вольтерьянец, вольтерьянка, вольтерьянство, вольтерьянизм, вольтеровский; Конфуций* – *конфуцианец, конфуцианство, конфуцианский* (2); **Гегель** – *гегельянец, гегельянство, гегелизм, гегелист, гегельянский, младогегельянец, младогегельянство, неогегельянец, неогегельянство, неогегельянский, старогегельянец; Никон – *никонианец, никонианка* (2), ни-*

конианство (2), никонианский (3), никонианин, по-никониански; **Мальтус** – мальтузианец, мальтузианство, мальтузианский (2), неомальтузианство, неомальтузианец, неомальтузианский; **Ленин** – ленинизм, ленинец, ленинка, лениниана, лениновед, ленинский, по-ленински, марксизм-ленинизм, марксистско-ленинский, кинолениниана, фотолениниана; ср.: (Тихонов. Т. И. 1990; Введенская, Колесников 1995). Показателен здесь также объем парадигм производных, их количество – объем всего СГ: он зачастую прямо пропорционален значимости имени и его носителя. См. еще: **Бонапарт** – бонапартизм, бонапартист, бонапартистский (2); **Горбачёв** – горбачевщина, горбачевец, горбачевский, Горбачевфонд, Горби; **Ельцин** – ельцинист, ельцинский, ельцинизм, Ельцинцентр.

Вершинами СГ оказываются и имена литературных героев, носителей тех или иных черт характера, представителей того или иного образа жизни, поведения, выразителей тех или иных взглядов, например: **Обломов** – обломовец, обломовщина, обломовизм, обломовский, по-обломовски; **Манилов** – маниловщина, маниловский, маниловски, по-маниловски; и др. Общее количество таких производных от онимов в русском языке внушительное. Так, в словаре, составленном Н.П. Колесниковым, насчитывается более 2000 нарицательных имен, образованных от имен собственных; см.: [Введенская, Колесников 1995: 179–532].

В неофициальной онимии семантический и деривационный потенциал возрастает за счет неофициальных единиц, типа **Арзик** ← Арзамас, **Астра** ← Астрахань, **Бахча** ← Бахчисарай, **Владик**, **Володя** – Владимир; см.: [Ахметова 2015]. Приведем многочисленный ряд подобных единиц как результат вторичной номинации, как речевое явление: **Нижний Новгород** – НН, Нижний, эНэН (ЭнЭн, Энэн), НиНо, НижНов, НиНовгород, Нижник, Нежный Новгород, Нежный, Горький Новгород, Омоновск, Омоновск-Сити, Нижний Говнород, Нужный Говнород, Задний Новгород, Нижний Огород; см.: [Ахметова 2015: 286–288]. В этот ряд можно включить номинанту **Горький**, утратившую свою официальность, но сохранившуюся в словарном запасе, правда в пассивном, жителей старшего поколения.

Данная внутрионимная парадигма создана в результате действия нескольких способов деривации. Здесь: аббревиация разных типов (буквенная, слоговая, смешанная), усечение по аббревиатурному типу с суффиксацией, субстантивация, соположение, замещение на базе различных ассоциаций (фонетических, семантических, социальных), перестановка частей номинанты, ассоциативное сближение компонентов

составного наименования, суффиксация, контаминация, деадъективация, атрибуция, замещение на базе атрибуции, эллиптивация, графодеривация; если же иметь в виду соотношение астионимов *Нижний Новгород – Горький – Нижний Новгород*, то следует учесть и процессы неониминации (в свое время *Горький*) и реноминации (*Нижний Новгород*). Таким образом, создается своеобразный деривационный синкретизм (ср. схему изменений имен собственных в: [Подольская 1988: 17]. В плане деривационного многообразия особенно показательны и более развернутые парадигмы, например, возглавляемая астионимом *Москва*, в которой 39 единиц (см.: [Ахметова 2015: 261–272]).

Выход таких вторичных, неофициальных номинант в апеллативное пространство (внеонимическая деривация) значительно ограничен и даже где-то невозможен, лишь для дериватов от отдельных единиц парадигм неофициальных топонимов он происходит через образование прилагательных и реже – существительных со значением лица.

Выход микроонимов в апеллативное пространство осуществляется через валентность имен нарицательных при синтагматическом способе деривации. Это единицы, типа: *Шуров пруд* (Селякино Арз.), *К-Миякушам поле* (Размазлей Ард.), *Через-Лямиху дорога* (Кармалейка Ард.). Такие факты свидетельствуют о вхождении номинант в онимию в новом качестве и о пересечении двух пространств – онимического и апеллативного. В некоторых тематических группах образованные прилагательные и существительные (со значением не-лица) не покидают онимическое пространство, например, в урбанонимии г. Арзамаса: ул. *Калинина – Калининская, Калинка*; ул. *Мира – Мируха*; ул. *К. Маркса – Карлуха* и др.

В неофициальной антропонимии деривационной базой являются все компоненты структуры официального именованного человека. Многочленные парадигмы модификатов существуют на базе персонимов – непосредственные и опосредованные суффиксальные образования, в том числе с трансформацией основ. Так, в нижегородской микроантропонимии, по данным картотеки, хранящейся в диалектологической лаборатории АФ ННГУ (см. также подготовленный нами, находящийся на рецензировании словарь неофициальных антропонимов Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья): **Иван** – *Иванка, Иваша, Ивашка, Иванушка, Иваха, Ваха, Вашка, Ваня, Ванята, Ванятка, Ванюта, Ванютка, Ванюша, Ванюшка, Ваняша, Ваняшка, Ванька, Вандей, Вантей, Вантей, Ваница, Ванюня, Ванюра, Ванюрка, Ванёк, Ваню* и др.; **Мария** – *Маря, Маруся, Муся, Марька, Муська, Маруська, Мánя, Манька, Маню-*

ня, Маня, Маша, Машка, Машуня, Машунька и др.; **Анна** – Аня, Анка, Анька, Анета, Анетка, Нюша, Нюшка, Нюся, Нюська, Нюра, Нюрка, Нюрда, Нюраська, Нюрашка и др.; см. единицы, типы: Сан (Саныч), Пал (Палыч), Марьянна, Мариванна.

На основе всех компонентов именования создаются прозвища: **Боха** ← Борис, **Симаиха** ← Сима (муж у ей Серафим), **Бизя** ← Базилевич, **Барсик** ← Бархатов, **Бакус** ← Абакумов, **Булка** ← Булданина, **Колыван** ← Николай Иванович, **Лёшка** ← Алексеевна и мн. др. Здесь обращает на себя внимание активность десуффиксации, или редеривации, на базе фамилий: **Анисим** (Анисимов), **Генерал** (Генералов), **Гусь** (Гусев), **Волк** (Волкова), **Каруш** (Карушева), **Вавила** (Вавилкин), **Брын** (Брынов), **Леба** (Лебедев), **Лом** (Ломин), **Бугор** (Бугорков), **Борзый** (Борзов), **Беляй** (Беляев), **Есай** (Есаева), **Рудняй** (Рудняев) и мн. др.

Диапазон деривационного потенциала онимов, количество, действенность, сфера действия способов, типов образования на базе имен собственных зависит от характера, тематической направленности, принадлежности к тематической группе, сферы обслуживания; так, больше он у имен земного пространства, нежели у имен сферы человеческой деятельности; больше у топонимов и антропонимов, чем, например, у имен космического пространства; в топонимическом пространстве он больше у ойконимов, хоронимов, нежели, например, у экклезионимов, урбанонимов, дромонимов и т.д. Деривационные возможности являются разными и в зависимости от соотношения с категориями *макро* – *мезо* – *микро*: здесь наблюдается нисходящая градация, чем больше объект, чем большей известностью он обладает, тем более объемно энциклопедическое значение имени собственного и тем больше его словообразовательные возможности. Наименьшими словообразовательными возможностями обладают единицы категории *микро*- (микротопонимы, микроантропонимы), некоторые в микроонимическом пространстве имеют минимальный (или даже нулевой) индекс, вне возможности выхода за его пределы. Минимальный, например, у виконимов, ограничивается образованием прилагательных и их субстантиватов: *Стрелица* (улица) → *стрелишний* (житель, огород и т.д.), у составных единиц действительны эллиптивация и субстантивация лишь внутри пространства: *Полевой пруд* → *Полевой*; от модификатов персонимов образуются прилагательные с возможным включением их в составные онимы: **Ваняшка** – *ваняшкин* – *Ваняшкин тополь*, **Лёска** (Александр) – *лёскин* – *Лёскин пруд*; то же и у прозвищ: **Безьян** – *безьянов* – *Безьянов усад*; прозвища типа

Круглый, Беспалый, Народный и под. имеют нулевой показатель деривационного потенциала.

Таким образом, оперирование даже ограниченным языковым материалом показало, что имена собственные обладают разным, но в целом значительным деривационным потенциалом для обогащения лексической системы русского языка в его различных пространствах (здесь остался без внимания еще один аспект – участие имен собственных во фразеологии). Если же учесть объем онимии в русском языке (свыше 200 миллионов единиц – см. об этом в работах Ю.А. Карпенко), то следует признать, что результат отонимической деривации и тем самым вклад ее в русскую лексику является огромным, если не сказать – колоссальным. Деривационный потенциал имен собственных (во всех его составляющих) активно раскрывается, обогащается в дискурсном, речевом, текстовом пространствах (см. об этом, в частности, и наши работы [Климкова 2016; Климкова 2018]), что составляет, однако предмет отдельного, особого разговора.

Список литературы

1. Ахметова М.В. От А-Аты до Ярска: словарь неофициальных названий населенных пунктов. М.: ФОРУМ, 2015. 496 с.
2. Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно? (Опыт словаря-справочника). 3-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1982. 879 с.
3. Введенская Л.А., Колесников Н.П. От названий к именам. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. 544 с.
4. Климкова Л.А. Микропонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье): В 3-х ч. Арзамас: АГПИ, 2006.
5. Климкова Л.А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира: монография. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.
6. Климкова Л.А. Онимы в газетном дискурсе: трансформация семантики и формы // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина): сб. статей по материалам Международной науч. конф. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016. С. 302–307.
7. Климкова Л.А. Имя собственное в газетном дискурсе: ассоциативно-деривационный и функциональный аспекты // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. научных статей / сост. А.М. Мезенко, М.Л. Дорофеев, Ю.М. Дулова, О.В. Шеверина; под науч. ред. А.М. Мезенко. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2018. С. 14–20.
8. Нижегородская область. Административно-территориальное деление (на 1 января 1992 г.). Нижний Новгород: ГИПП «Нижеполиграф», 1993. 272 с.

9. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

10. Словарь географических названий СССР / Под ред. М.Б. Волостной. М.: Изд-во «Недра», 1968. 272 с.

11. Супрун В.И. Имена собственные в обобщенном употреблении // Ономастика Поволжья: материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома, 9-10 сент. 2020 г. В 2 т. Т.1 / науч. ред. Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова. Кострома: Костромской государственный университет, 2020. С. 126–134.

12. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. 2-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. 854 с.

DERIVATIONAL POTENTIAL OF PROPER NAMES IN RUSSIAN

© *L.A. Klimkova*

The article deals with specific features of proper names, a unique class of substantives, on the semantic and derivational language levels. A fragment of abundant lexical material, all-Russian and dialectal, is taken to demonstrate broadening of proper name meanings, their rise to a deep, symbolic value of a different manifestation range, as well as the abundance of ways and types of deriving words from proper names – toponyms and anthroponyms. Differentiating types of derivation on the basis of their scope, using a number of methods – descriptive, structural-semantic, componential, contrastive-comparative, the author analyses proper names as a base for derivation in the official/unofficial vocabulary, inside and outside the sphere of proper names. Thus, the article creates a picture of the huge derivational potential of proper names as a source of enriching the lexis and realizing it in an extensive layer of Russian vocabulary.

Keywords: proper name, toponym, anthroponym, derivation, derivational potential, derivational base, deonymization, transonymization, common noun.

ПОНЯТИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ АНАЛОГОВ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

© О.В. Крамкова

В статье раскрывается понятие лексических аналогов в ряду сходных по значению цветообозначений. Свойства аналогов анализируются по данным лексикографических источников (толковые словари, словари цвета) и по данным проведенного психолингвистического эксперимента (анализа цветowych образцов). Описана процедура эксперимента (инструкция, ход, состав информантов) и техника обработки результатов, представленных в количественных показателях. В ходе анализа выявлена связь между наличием аналогов в ряду наименований цвета определенного оттенка и легкостью его номинации. Чем легче информанты дают названия для конкретного образца цвета, тем вероятнее наличие лексических аналогов у названия этого оттенка. Предварительные выводы о влиянии терминов цвета на разговорно-обиходные названия, о возможном расширении значений традиционных лексем подталкивают к дальнейшему изучению актуальных наименований цвета в современном русском языке.

Ключевые слова: цветообозначение, термины цвета, лексическая синонимия, лексическая семантика, психолингвистический эксперимент.

Лексика цвета активно разрабатывается в настоящее время в разных аспектах: сравнительно-историческом, сопоставительном, типологическом, психолингвистическом, лингвокультурологическом и др. В качестве объекта лексикографического описания цветообозначения стали сравнительно недавно.

В работе над составлением «Словаря цвета и цветowych оттенков» [Крамкова 2014] было обнаружено интересное явление: наличие сходных по семантическому толкованию цветообозначений (далее – ЦО). Например, *бордовый – бургундский – винный – цвет (красного) вина*. Только специалисты, занятые в производстве и продаже дорогих вин, дегустаторы или сомелье в ресторанах премиум-класса могут различать тончайшие оттенки красных вин. Все названные ЦО означают один и тот же тон – насыщенный, темно-красный. Различия между ними выявляются в коммуникативно-прагматическом аспекте: в рекламных текстах определенной тематики (ткани, дизайн интерьеров, мода) предпочтение будут отдаваться более новым, как более выразительным, свежим по восприятию, лексическим средствам – *винный, цвет (красного) вина* вместо привычного *бордовый*. Употребление *бургундский* возможно в рекламных текстах, ориентированных на товары класса люкс. Как

можно квалифицировать данные цветообозначения? Мы понимаем, что их объединяет смысловое подобие, и они образуют определенное множество. Можно гипотетически продолжить ряд – *цвет кагора, цвет каберне, цвет мерло* (последний есть в английском языке).

В терминологии Ю.Д. Апресяна эти типы слов были бы отнесены к квазисинонимичным явлениям [Апресян 1974]. Термин *аналог* он использует для лексикографических задач, например, в «Новом объяснительном словаре синонимов» есть словарная зона «Аналоги». Под *аналогом* он понимает «лексему, которая относится к той же части речи, что и данная, и имеет похожее значение, но семантически отстоит от данной лексики дальше, чем ее синонимы» [Апресян 1999; Новый объяснительный словарь 2004: XXIII]. В предпринятом нами опыте лексикографического описания цветовой лексики было использовано понятие аналогии в ряду схожих по значению цветowych прилагательных. Под *аналогами цвета* мы понимаем сходные по значению слова, обозначающие одинаковые цветовые тона, но различающиеся по функционально-прагматическим характеристикам.

Цель данной статьи – показать результаты эксперимента по выявлению лексических аналогов цвета и проанализировать свойства аналогов по данным эксперимента и лексикографических источников.

Нами было проведено эмпирическое исследование цвета, в котором испытуемым предлагалось дать 2-3 названия колерным образцам. Цель эксперимента – получить сходные по значению цветоименования для конкретных оттенков и определить наличие аналогов в ряду полученных слов. Использование цветowych образцов в психолингвистических экспериментах по изучению цветовой лексики в русском языке было применено в исследованиях Р.М. Фрумкиной [Фрумкина 1983], А.П. Василевича [Василевич 1987; Василевич 1999], с применением онлайн тестирования Ю.А. Грибер, Д. Милонас [Грибер, Милонас 2015]. Было предложено 3 цветowych полиграфических образца, взятых из книги «Твой инструктор по стилю» французских авторов С. и Ф. Герен [Герен 2009: 129–131]. Критерием отбора образцов была сложность цвета, то есть многокомпонентность по составу оттенков. Было предположение, которое подтвердилось в ходе эксперимента, что опрашиваемые будут испытывать затруднения при подборе цветовой лексики. В самом издании каждый колерный образец был подписан. Для эксперимента эта надпись была закрашена. Были отобраны следующие оттенки: образец № 1 – «Бронзовая зелень», образец № 2 – «Розовая фуксия», образец № 3 – «Зеленая ель».

Необходимо заметить, что не существует единой системы категоризации цвета, которая является универсальной для всех профессий, связанных с цветом: строителей, автомобилистов, модельеров, дизайнеров интерьеров, маркетологов, продавцов товаров и услуг. Есть различные цветовые системы и стандарты, которые используются в разных сферах и видах профессиональной деятельности. Цветовая модель RGB, названная по первым буквам основных цветов R – red (красный), G – green (зеленый), B – blue (синий), разработана для создания цветовых оттенков на экранах телевизоров и мониторах компьютеров. Другая цветовая модель CMY (иногда – CMYK), названная по первым буквам своих основных цветов C – cyan (сине-зеленый), M – maghenta (красный), Y – yellow (желтый), используется в среде полиграфистов и издателей. В этих моделях разработанные для данной системы категории цвета и соответственно свои собственные, отличающиеся от других цветовых схем, названия. Свои таблицы цвета имеют национальные системы стандартов развитых стран. К этому можно добавить цветовые схемы, разрабатываемые в определенной промышленной сфере или в определенных компаниях по производству товаров (лакокрасочных материалов, карандашей, помад и т.д.).

В эксперименте приняли участие 31 человек в возрасте от 15 до 60 лет разных профессий и социального положения. Эксперимент проходил в форме персонального интервью в виде основного вопроса и необходимых дополнительных пояснений в случае затруднений. Текст основного задания выглядел следующим образом: «Известно, что один и тот же оттенок может быть назван по-разному: просто, через другой цвет, через конкретный предмет, образно. Исходя из вашей индивидуальной цветовой палитры, назовите 2-3 наименования данного оттенка». Если назывались ассоциации к данному цвету или оценки (нравится/не нравится, красивый/противный, любимый/нелюбимый), то на это указывалось и подыскивался следующий ответ. Не все испытуемые смогли дать запрашиваемые три наименования, у некоторых были затруднения и с двумя цветообозначениями. Но в целом, задание было несложным и выполнимым, и на него уходило от 30 секунд до 2 минут на каждый образец.

Далее все ответы выписывались на отдельный лист, и подсчитывалось количество одинаковых ответов. В итоге выявились названия, которые получили относительное большинство ответов.

Образец № 1 – «Бронзовая зелень» – был назван *болотный* – 12, *хаки* – 11, *оливковый* – 8 (ответов – здесь и далее). К этим наименованиям отнесем ответы, которые тематически связаны или являются словообра-

зовательными производными. Так, к *болотному* добавив в группу 4 ответа, а именно: *светло-болотный, илистый, цвет болотной осоки, цвет болотной тины*, получаем 15 ответов. К *хаки*, обозначающему цвет военной формы, по тематическому принципу добавив *защитный* (2 ответа), *цвет брезента, танковый*, получаем 14 ответов. К *оливковому* добавив в группу *темно-оливковый*, получаем 9 ответов. Итоговый групповой результат выглядит следующим образом: *болотный* – 15, *хаки* – 14, *оливковый* – 9.

Сравним полученные данные с профессиональными наименованиями цвета. В таблицах института цвета Пантон, исследовательского центра по разработке цветовых палитр для индустрии моды, этому образцу соответствует оттенок под названием *оливково-коричневый* [Цвета Пантон, [http](#)]. В соответствии с международной таблицей немецких производителей лакокрасочной продукции RAL Классик, включающей 213 цветов, этому оттенку примерно соответствует *зелено-коричневый* и близко располагаются *оливково-коричневый, серое хаки* [Цвета RAL, [http](#)].

Более правильно и с точки зрения теории цвета, и с точки зрения грамматики русского языка назвать этот оттенок назвать *коричнево-зеленым*, и такой ответ в данном опросе встретился один раз. *Буро-зеленый* – подходящее цветообозначение, но, как отмечают современные исследователи, цветовое прилагательное *бурый* уходит из активного пользования [Василевич 2016: 14–15; Рахилина 2016: 37–38].

Рассмотрим лексикографические определения полученных цветоименований: *болотный* – ‘о цвете: коричневатозеленый’ (СОШ), ‘цвета болота или травы, растущей на болоте; темно-зеленый с желтоватым оттенком’ (БТС), ‘цвета буро-зеленых пятен на поверхности болота, грязный буро-зеленый с желтизной, цвета спелых оливок или пареной травы’ (Каталог цвета – далее КЦ), *хаки* – ‘коричневатозеленый, защитный’ (СОШ), ‘цвета ткани военного обмундирования, сероватозеленый с грязно-желтым оттенком’ (КЦ), *оливковый* – ‘желто-зеленый с коричневатым оттенком, цвета оливки’ (СОШ), ‘светло-коричневый с желтоватым или зеленоватым отливом; цвета оливок’ (БТС), ‘от желто-зеленого до коричнево-зеленого, цвета зеленых плодов оливкового дерева, а также масла, изготавливаемого из этих плодов’ (Словарь цвета и цветовых оттенков).

Сделаем выводы по первому образцу. Названные информантами цветоименования *болотный, хаки* и *оливковый* сходны по тону, взаимозаменяемы в контекстах, соответствуют профессиональным значениям, значит, могут быть отнесены к лексическим аналогам данного оттенка.

Правильные с точки зрения колористики названия *зелено-коричневый*, *коричнево-зеленый* оказались вне рассмотрения большинства информантов-носителей. Цветонаименования *болотный*, *хаки* в ответах информантов совпали с названиями похожих или близких оттенков в профессиональных таблицах. Это говорит о том, что переносные значения в цветономинации играют важную роль, апеллирование к природным объектам или артефактам значимо для носителей языка, поскольку слова приобретают дополнительную выразительность. Большинство опрошенных назвали цвет *болотным*, отсылающим к природному объекту, хорошо знакомому в нашей местности. Популярность модных оттенков *хаки* и *оливковый* в современной культуре способствует закреплению данных цветообозначений в системе русского литературного языка.

Образец № 2 – «Розовая фуксия» – был определен информантами как *розовый* (7) и его производные *ярко-розовый*, *темно-розовый*, *насыщенно-розовый* (10) – 17, а также *фуксия* – 14, *малиновый* – 11. Конечно, ответ *розовый* является сильным обобщением, и мало информативен, однако он показывает о затруднении при назывании данного оттенка, а также об отнесенности этого оттенка к группе «розовых», а не, скажем, «красных», «фиолетовых» и др. Удивительно, что относительно много набрал вариант *фуксия*. Как цветообозначение это слово не зафиксировано ни в современных толковых словарях, ни в словарях иностранных слов. В «Каталоге цвета» в он включен в список «Термины по названию цвета». Между тем цветовой термин *фуксия* существует во многих современных цветowych таблицах и обозначает тон темнее рассматриваемого образца.

Цветообозначение *малиновый* и в колористике, и в системе русского литературного языка тяготеет больше к красной палитре, это темно-красный цвет. Тем не менее его называли по отношению к розовому цвету, что свидетельствует о расширительном толковании *малинового* и представлении предмета малины в ее разных вариантах (комментарии *малина бывает и такая*, *малина бывает разная* и др.). Очевидно, что в названии *малиновый* прослеживается связь с обозначающим предметом, хотя некоторые исследователи указывают на развитие абстрактного значения у *малинового*, как, например, у *коричневого*, *розового*, *оранжевого* [Василевич 2011: 10].

С точки зрения колористики информанты точно определили цвет: *ярко-розовый* и *фуксию*. С точки зрения системы языка правильные названия *ярко-розовый*, *насыщенно-розовый* и, возможно, *малиновый*,

если допускать оттенки *малиново-розовый*, *малиново-красный* (исходное значение), *малиново-бордовый*. Рассмотрим лексикографические определения *малинового*: ‘густо-красный с фиолетовым оттенком, цвета малины’ (СОШ), ‘темно-красный, имеющий цвет ягод малины’ (БТС), ‘насыщенно-розовый с лиловатым оттенком’ (КЦ), ‘яркий красно-фиолетовый, цвета малины, вкусных ягод полукустарникового растения семейства розоцветных’ (Словарь цвета и цветовых оттенков). Справедливо отмечает В.Г. Кульпина: «Разброс в цветоопределениях *малиново-го* цвета весьма велик» [Кульпина 2016: 151].

Данные образца №2 – *ярко-розовый*, *фуксия*, *малиновый* – показывают, что термин цвета *фуксия* в одном из оттенков «розовая фуксия» знаком почти половине опрошенных; *малиновый* имеет несколько значений в профессиональных цветовых схемах и рекламных текстах. Кроме того, расширительное толкование *малинового* подтверждается современными лексикографическими данными. В полученном ряду слов аналогами можно считать цветонаименования *ярко-розовый* и *фуксия*, а также *ярко-розовый* и *малиновый*. Между собой *фуксия* и *малиновый* не могут быть аналогами, так как они не заменяемы в контекстах и необходимо пояснение, в каком из значений они употреблены.

Образец №3 – «Зеленая ель» – был определен как *зеленый* (6) и производные *темно-зеленый*, *густо-зеленый*, *ярко-зеленый* и др. (11) – 17, *изумрудный* (8) и производные (2) – 10, *цвет морской волны* – 7. Среди единичных ответов названы *цвет голубой ели*, *хвойный*, *еловый*, *цвет фикуса*, *лопуха*, *спелой травы*, *болотный*. *Темно-бирюзовый* набрал 5 ответов.

Изумрудный в колористике представляет собой более светлый тон, и правильнее в данном образце назвать его *темно-изумрудным* (1 ответ). Лексикографические определения *изумрудного*: ‘прозрачно-зеленый, цвета изумруда’ (СОШ), ‘ярко-зеленый, цвета изумруда’ (БТС), ‘цвета изумруда; яркий сочно-зеленый’ (КЦ). *Цвет морской волны*, набравший 7 ответов, а также примыкающие, тематически связанные *морской* (1) и *океан* (1), представляют собой неожиданный результат, потому что *цвет морской волны* традиционно связан с голубым оттенком. В исследованиях Р. Фрумкиной данное цветообозначение информантами сначала было отнесено к голубой гамме, но в окончательных результатах – к зеленой гамме. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *цвет морской волны*, описываемый в словарной статье *волна*, определен как *зеленовато-голубой*. Результаты эксперимента показали расширительное толкование у данного цветообозначения (частотный комментарий информантов

морская волна/вода бывает разная). Это влияние профессиональных цветовых определений на обиходные названия, так как в шкале веб-цветов данный оттенок действительно называется *цветом морской волны*.

В шкале Пантон данный оттенок называется *темно-зеленый* [Цвета Пантон, [http](http://)], в таблице цветов RAL Classic он ближе к *сосновому зеленому* [Цвета RAL, [http](http://)], переключаясь с исходным денотативным образом под названием «Зеленая ель» [Герен 2009: 131].

Данные опроса подтверждают, что *цвет морской волны* – это не только оттенки зелено-голубой гаммы, но и насыщенных зеленых и синева-зеленых тонов. Реклама товаров с подробным детализированием цвета способствует расширению значения. В «Каталоге цвета» в ряду экспрессивных цветоименований в разделе «Словосочетания, в которых используются названия объектов и явлений природы» морская вода представлена в разных состояниях, поэтому и продуцирует разные оттенки. *Морская бездна* – черный, *морская гладь* – светлый бирюзово-голубой, *морская глубина* – черно-синий, *морская зыбь* – сапфирово-серый, *морская лазурь* – небесно-голубой, *морская синева* – синий с оттенком зеленый [Василевич 2011: 152–153].

Полученные названия *темно-зеленый*, *изумрудный*, *цвет морской волны* не являются семантически тождественными, а значит, не являются лексическими аналогами цвета. Образец №3 выявил цветоименования, которые не совпадают с профессиональными значениями и лексикографическими источниками, но отражают, вероятно, современные тенденции в разговорной речи, испытывающей влияние специализированных текстов.

Интересное наблюдение сделано в ходе анализа результатов: была выявлена связь между наличием аналогов в ряду наименований цвета определенного оттенка и легкостью его номинации. Было замечено, что чем легче информанты дают названия для конкретного образца цвета, тем вероятнее наличие лексических аналогов у названия этого оттенка. Это можно считать еще одним свойством лексических аналогов цвета.

Суммируя проанализированные свойства аналогов, сделаем общий вывод, что лексическими аналогами цвета можно считать слова, сходные по значению, взаимозаменяемые в разных текстах, принадлежащие разным регистрам языка и легко воспроизводимыми носителями языка.

Можно продолжить исследование ЦО по денотативным образцам, обратив внимание на другие части цветового круга и соответственно, другие цветоименования. Данные опроса уточняют толкование ЦО и дают со-

временную картину интерпретации цвета разными носителями языка. Учет индивидуальных, групповых, профессиональных семантических толкований ЦО помогает скорректировать возможные коммуникативные проблемы между разными социальными группами и выработать рекомендации по использованию аналогов цвета для того или иного оттенка в профессионально асимметричных коммуникативных позициях.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Избранные труды. Том 1. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 472 с.
2. Василевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначений в языках разных систем). М.: Наука, 1987. 140 с.
3. Василевич А.П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 9–28.
4. Герен С., Герен Ф. Твой инструктор по стилю. Минск: Попурри, 2009. 144 с.
5. Грибер Ю.А., Димитрис М. Картография цвета: эмпирический анализ цветоименований русского языка // Человек и культура. 2015. № 6. С. 64–94.
6. Крамкова О.В. Словарь цвета и цветовых оттенков. Н. Новгород: Покровка, 7, 2014. 48 с.
7. Крамкова О.В. Опыт лексикографического описания цветообозначений в русском языке // Социальные трансформации. Вып. 30. Первый всероссийский конгресс по цвету. Смоленск: СмолГУ, 2019. С. 98–103.
8. Кульпина В.Г. Система цветообозначений русского языка // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 126–184.
9. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Москва; Вена: Языки славянской культуры, 2004.
10. Рахилина Е.В. О семантике прилагательных цвета // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 29–39.
11. Фрумкина Р.М. Психолингвистические методы изучения семантики // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 46–85.
12. Цвет и названия цвета в русском языке / Под ред. А.П. Василевича. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 216 с.
13. Цвета RAL – Таблица RALCLASSIC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://colorscheme.ru/ral-colors/ral-classic.html> (дата обращения 28.02.2020).
14. Цвета Пантон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://colorscheme.ru/ral-colors/ral-design.html> (дата обращения 28.02.2020).

THE CONCEPT OF LEXICAL ANALOGUES IN THE FUNCTIONING OF COLOR NAMES

© *O.V. Kramkova*

This article highlights the concept of lexical analogues by example of color names, similar in meaning. Properties of lexical analogues are analyzed according to lexicographic resources (academic vocabularies, color dictionaries) and psycholinguistic experiment (the denotative method of color naming by samples). The procedure of the experiment is described: instruction, process, group of informants, quantitative results. Due to analysis the relationship between existence of lexical analogues among color names-reactions and ease of the naming process was identified. The easier informants give names to the color sample, the more likely lexical analogues in naming this color are available. Preliminary conclusions on the influence of color terms on common color names, the possible expansion of the meaning of the traditional names lead to the further study of the modern Russian system of color terms.

Keywords: colour names, terms of colour, lexical semantics, linguistic experiment, the Russian lexicography, the Russian synonymy.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИГРА В ЗАГОЛОВКАХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ: КОММУНИКАТИВНЫЕ РИСКИ*

© В.А. Куликова

Рассматриваются структурно-семантические, семантико-стилистические, прагматические, этические факторы, повышающие рискогенность словообразовательной игры в заголовках современных электронных СМИ. Целью исследования является изучение ингерентных и адгерентных особенностей заголовочных новообразований как возможного источника коммуникативных рисков. Использован метод контент-анализа медиатекстов для выявления наиболее частотных коммуникативных нарушений, заголовочные новообразования исследованы с помощью структурно-семантического и прагматического анализа. Коммуникативные риски связываются с невозможностью реализации основных функций заголовка. Как показал анализ речевого материала, нарушения чаще всего связаны с реализацией номинативной, информативной, прагматической, контактоустанавливающей функций.

Ключевые слова: коммуникативные риски, словообразовательная игра, новообразования, электронные СМИ, функции заголовка.

Коммуникативные риски в различных сферах общения активно исследуются современной лингвистикой в рамках актуального антропоцентрического подхода, в частности, в работах саратовской лингвистической школы (А.Н. Байкулова, М.А. Кормилицына, О.Б. Сиротинина и др.). Факты возникновения коммуникативных рисков в трудах этих ученых классифицируются следующим образом: 1) провал коммуникации из-за полного непонимания; 2) близкий к провалу вызов у адресата раздражения; 3) риск неправильного понимания; 4) риск неполного, не совсем точного понимания [Рискогенность 2015: 11–12].

В медийной коммуникации одним из участков повышенной рискогенности является заголовок публикации. С.В. Ляпун отмечает, что «имя текста в современной газетной публицистике отличается высоким экс-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

прессивным фоном <...> Выполняя информативную и прагматическую функции, заголовок играет роль первой скрипки в тексте и во всем заголовочном ансамбле и служит ориентиром для читателя» [Ляпун 1998: 48]. Л.В. Уманцева подтверждает этот факт, говоря о том, что «заголовок, предвзяв текст, несет определенную информацию о содержании публицистического произведения и имеет эмоциональную окраску. Исследования психологов показывают, что около 80% читателей уделяют внимание только заголовкам» [Уманцева 1997: 13].

Целью исследования является изучение ингерентных (внутренних) и адгерентных (внешних) особенностей заголовочных новообразований как возможного источника коммуникативных рисков.

Материалом исследования является такая актуальная форма средств массовой информации, как электронные СМИ, с учетом специфики подачи материала в электронных медиа, где читатель сначала видит только заголовочный комплекс (нередко вместе с изображением) на главной странице издания, и лишь затем при желании переходит к чтению полного текста публикации. На наш взгляд, это не только увеличивает значимость заголовка для успешной коммуникации читателя и автора, но и расширяет пространство потенциальных коммуникативных рисков.

Коммуникативные риски связываются с невозможностью реализации основных функций заголовка. Среди наиболее важных функций газетного заголовка исследователи выделяют информативную, номинативную, контактоустанавливающую, текстообразующую, апеллятивную, рекламную (аттрактивную), функцию воздействия (эмоционально-оценочную/прагматическую) [Присяжнюк 2005: 205] и др. Как показал анализ речевого материала, чаще всего возникают нарушения реализации информативной, номинативной, прагматической, контактоустанавливающей функций. В целом, можно выделить структурно-семантические, семантико-стилистические, прагматические, этические факторы, повышающие рискогенность языковой игры в заголовке.

Нарушение номинативной функции (которая заключается в сообщении первичной информации о тексте) происходит, когда семантика или структура заголовочного новообразования непрозрачна для читателя. Нарушение может быть мотивировано семантическими особенностями новообразования, сочетанием семантики основы и производящего форманта. Так, заголовочное новообразование *флеш-асфальт* характеризуется семантической непрозрачностью, поскольку элементы семантически не сочетаются (элемент *флеш*-, встречающийся в номинациях мультимедийных объектов, ср. *флеш-карта*, соединяется с основой лексемы

из другой тематической группы *асфальт*): **Флеш-асфальт**. *Росавтодор хочет усовершенствовать свой сайт, подготовить флеш-книги с цифрами и фактами о дорожном хозяйстве и разместить материалы в СМИ* (Московские новости, 27.10.2011). Только из полного текста публикации можно установить, что новообразование экстралингвистически мотивировано ситуацией подготовки флеш-книг государственной дорожной организации. Но даже определив, чем мотивировано создание новообразования, семантику его сложно вывести даже из широкого контекста. Непрозрачна структура и семантика новообразования *экстернатива*: **Экстернатива**. *По меньшей мере миллион водительских удостоверений выдан в России незаконно <...> мало кто знает, что, по сути, экстернат запрещен в стране еще в начале 90-х годов прошлого века!* (Московский комсомолец, 02.05.2012) – из контекста публикации можно восстановить, что производящим является слово *экстернат*, новообразование, вероятно, создано по образцу лексем *альтернатива*, *инициатива*, и также сформулировать его семантику сложно даже на основании контекста. Размещая подобные новообразования в заголовке без контекста, автор лишает читателя каких-либо подсказок, позволяющих верно трактовать семантику новообразования.

Таким образом, нарушение номинативной функции заголовка из-за непрозрачной структуры и семантики новообразования провоцирует коммуникативный риск полного непонимания.

Нарушение информативной функции (закрывающейся в создании более полного смыслового пространства публикации как целостного единства заголовка и основного текста) связано с тем, что семантика заголовочного новообразования дает ложные представления о содержании публикации.

Реализация информативной функции нарушается в заголовке: **Сексотовые операторы**. *Следственный комитет России (СКР) возбудил уголовное дело по факту незаконного сбора информации о частной жизни высокопоставленных чиновников* (Коммерсантъ, 17.07.2012) – новообразование создано путем междусловного наложения *секс* + *сотовые* (*опетаторы*). В данном случае структура новообразования прозрачна для читателя, однако семантика, вносимая первой производящей лексемой, слабо соотносится с содержанием публикации. Вероятно, эта лексема опосредованно отсылает к теме нарушения частной жизни, однако создает ложные ожидания по поводу содержания публикации. Словообразовательная игра провоцирует нарушение информативности следующего заголовка: **Посудопотребление**. *<...> Российским потребите-*

для нужны новые механизмы для защиты своих прав. Победа в суде уже не гарантирует возврата денег за некачественный товар или услугу (Российская газета, 07.02.2012) – в контексте заголовка новообразование может быть воспринято как созданное путем сложения *посуда + потребление*, однако при прочтении полного текста публикации (о судебном порядке защиты прав потребителя) выявляется, что в составе новообразования важна составляющие *суд и потребление*, элемент «посуда» не соотносится с тематикой публикации.

Ложный информационный посыл заголовка нередко связан с языковой игрой на базе прецедентных феноменов. В медийных текстах прецедентные феномены в первую очередь используются как экспрессивные знаки, привлекающие внимание, при этом может почти не задействоваться их смысловой и ассоциативный потенциал.

Так, языковая игра может строиться на актуализации прямого значения одной из лексем в составе прецедентного феномена, при этом общий смысл и ассоциативный потенциал прецедентного феномена остается невостребованным. Например, в публикации: *Крестиносцы. В прокате сразу два фильма по Агате Кристи: «Скрытый домик» и «Убийство в Восточном экспрессе»* (Российская газета, 08.11.2017) – новообразование создано путем междусловного наложения (или мены фонемы по И.С. Улуханову) *Кристи + крестоносцы*, вторая производящая лексема отсылает к прецедентной ситуации крестовых походов, однако это значение не имеет никакого отношения к содержанию публикации о новом детективном фильме. Представляется, что смысловое обыгрывание является более сложным приемом воздействия и свидетельствует о большей проработанности и продуманности журналистского текста, способствует более эффективной коммуникации с читателем. Риск нарушения информативности вследствие неузнавания прецедентного феномена повышается, если прецедентная единица подвергается слишком сильной трансформации: *Самарская область отменялась первой. Николай Меркушкин открыл новый сезон губернаторских отставок. Как и писал “Ъ” 25 сентября, началась серия отставок глав регионов* (Коммерсантъ, 26.09.2017) – ср. устойчивое выражение *отстреляться первым*.

Языковая игра в заголовке является мощным инструментом формирования оценки, при этом нарушение прагматической (оценочной) функции происходит при несовпадении оценочной тональности заголовка и основного текста или формировании в заголовке ложного оценочного посыла. Например, такой риск возникает при создании новооб-

разования на базе многозначного слова, одно из значений которого имеет оценочный характер: **Спецмаскарад**. Как спецслужбы в оперативных целях используют манекены, маски а-ля Фантомас, парики и накладные бороды-усы (Аргументы недели, 26.04.2012) – новообразование создано сложно-сокращенным способом *спец(иальный)* + *маскарад*, при наличии у производящего *маскарад* негативно-оценочного переносного значения ‘притворство, обман, имеющие целью скрыть истинную сущность кого-л., чего-л.’ [Ефремова 2000], в широком контексте актуализируется оценочно-нейтральное значение ‘перен. разг. Необычный наряд, надеваемый для того, чтобы не быть узнанным’ [Ефремова 2000]. В рамках только контекста заголовка нет указаний на то, какое именно значение реализуется, и при прочтении заголовка читатель может воспринять такую языковую игру как ложный негативно-оценочный посыл.

В подобных случаях можно говорить о коммуникативной неудаче, а стратегию языковой игры считать не в полной мере реализованной успешно. Так, заголовок содержит ложный оценочный сигнал, не совпадающий со смыслом текста, и коммуникативные ожидания читателя, сформированные заголовком, не оправдываются при прочтении текста.

Различия в восприятии языковых фактов могут быть обусловлены разницей поколений в использовании языка, профессией говорящих (пишущих), психологическими и социальными различиями людей, их интересами, уровнем образованности и пр. [Сиротинина 2007: 98]. Так, если языковая игра основана на вовлечении в деривационные процессы лексики ограниченной сферы употребления (жаргон), иноязычной лексики и под. – без ориентации на потенциальную аудиторию – определенная часть читателей не распознает языковую игру и контактоустанавливающая функция заголовка будет не реализована.

Новообразования на базе сленгизмов могут стать дополнительным фактором коммуникативной неудачи. Ограниченность сферы функционирования сленгизмов увеличивает вероятность того, что читатель не сможет верно интерпретировать нестандартную структуру новообразования, поскольку не сможет определить производящее слово. Например, если читатель не владеет интернет-сленгом, он может не понять структуру новообразования в заголовках: *Победа **единовбросов*** (Коммерсантъ, 12.12.2011) – *единорос* + *вброс* в интернет-сленге ‘намеренная дезинформация, клевета с целью провокации’; *Центробан. Банк России сможет принимать решения, которые станут основанием для блокировки мошеннических и опасных сайтов* (Коммерсантъ, 11.01.2019) – междусловное наложение *Центробанк* + *бан* от англ. to ban ‘запрещать’,

в интернет-сленге обозначает блокировку пользователей или информационных ресурсов.

Коммуникативные риски несет обыгрывание малоизвестных онимов: ***Тиндерная** демократия уже настает. ... Но время цифровой демократии уже настает. А порталы для политического голосования, я думаю, будут устроены как Tinder. И вообще все будет устроено как Tinder* (Взгляд, 23.10.2019) – новообразование *тиндерная* создано суффиксальным способом от иноязычной лексемы *тиндер* (англ. *Tinder*), названия онлайн-приложения для знакомств, популярного среди молодежи. Адъективное новообразование *тиндерная* относится к существительному *демократия*, таким образом в контексте выражается схожесть процесса выборов с механизмом работы приложения для знакомств, и такая характеристика может трактоваться как негативная, построенная на снижении, иронии. Однако молодежь не является целевой аудиторией газеты «Взгляд», поэтому большая часть читателей может не распознать эту иронию, не зная специфики данного приложения.

Контактоустанавливающая функция может быть также нарушена под влиянием этического фактора. Одним из наиболее распространенных коммуникативных рисков является близкий к провалу вызов у адресата раздражения, который может быть вызван нарушением этических норм в ходе языковой игры.

Языковая игра на базе нелитературной лексики (***Ганд**низация** всей страны* (Накануне, 30.08.2012), а также лексики, тематически принадлежащей к табуированным в публичном общении группам (***Национальная** идея. От покорения космоса страну опустили до охоты на геев* (Московский комсомолец, 27.05.2012) может быть воспринята читателем как речевая агрессия в его сторону. В таком случае коммуникация изначально принимает враждебный характер, что ведет к коммуникативной неудаче.

Коммуникативная неудача также может возникнуть вследствие этической неуместности языковой игры в медийных текстах определенной тематики. Так, ироническое обыгрывание представляется неуместным, например, в заголовках публикаций, посвященных трагическим событиям, военным столкновениям, повлекшим человеческие жертвы: ***Священнослужительная** война. Расстрелян старейший имам Дагестана* (Коммерсантъ, 17.09.2011) – тмезис на базе устойчивого сочетания *священная война*. ***Онкологика**. Лечить онкобольных без привлечения благодетельных средств невозможно* (Российская газета, 22.02.2012) – междусловное наложение *онкология* + *логика*; ***ЦАР-ское** дело. Погибшие*

журналисты ехали снимать фильм о людях, которые привыкли убивать. Убивать спокойно, за деньги. Убивать все равно кого и все равно где. А убить человека в таких местах, как это, можно практически безнаказанно. Никто не найдет никаких следов и ничего не докажет (Эхо Москвы, 01.09.2018) – графическое словообразование на базе царское дело (ср. устойчивое выражение с иронической окраской *не царское это дело*) с выделением части, совпадающей с аббревиатурой ЦАР – Центральноафриканская Республика.

В подобных случаях для привлечения внимания аудитории через эпатаж сознательно игнорируются этические требования, предъявляемые к публичной коммуникации. Контактуюстанавливающая функция может быть нарушена за счет негативной реакции, раздражения, возникающих у тех читателей, которые осознают неуместность языковой игры при освещении таких тем и искренне сопереживают трагическим событиям.

Таким образом, словообразовательная игра в заголовках может служить не столько для обогащения содержательной составляющей текста, придания дополнительных смыслов, «интеллектуальной игры» с читателем, но и приобретать вид исключительно формального обыгрывания для привлечения внимания или эпатажа аудитории. При этом словообразовательная игра может стать причиной коммуникативного провала. В стремлении привлечь читателя, концентрируясь на создании формально необычного «игрового» новообразования журналисты могут игнорировать его смысловой компонент, этическую составляющую коммуникации. Во многих случаях номинативная, информативная, прагматическая и контактуюстанавливающие функции нарушаются для реализации аттрактивной функции. Это обусловлено тем, что в современных масс-медиа функция привлечения внимания может выходить на первый план, становясь более важной, чем прочие функции. Интернет-дискурс насыщен и перегружен информацией, и из-за этого большинство публикаций теряются для читателя в потоке новостей. Поэтому журналисты стремятся создать заголовок таким образом, чтобы читатель остановил на нем свой взгляд, заинтересовался прочтением публикации, даже если в процессе чтения окажется, что заголовок по смыслу слабо связан с текстом или содержит ложный концептуальный посыл. Однако представляется, что подобная тактика не способствует эффективной коммуникации с читателем, приобретению лояльности аудитории в долгосрочной перспективе.

Список литературы

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 01.06.2020).
2. Ляпун С.В. Этика газетного заголовка (по материалам газет «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец») // *Филология и журналистика в контексте культуры: материалы Всероссийской научной конференции: вып. 2. Ростов-на-Дону: [б.и.], 1998. С. 48–49.*
3. Присяжнюк Т.А. Характеристика речевого воздействия в языке информационных газетных сообщений // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2005. № 2 (4). С. 205–207.
4. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / А.Н. Байкулова, Е.Ю. Викторова [и др.]; под ред. О.Б. Сиротининой и М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд во Сарат. ун-та, 2015. 188 с.
5. Сиротинина О.Б. Структурно функциональные изменения в современном русском языке: проблема соотношения языка и его реального функционирования // *Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Второй междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24–26 апр. 2007 г.: в 2 т., Т. 1. Волгоград, 2007. С. 87–98.*
6. Уманцева Л.В. Пословицы и поговорки в газетных заголовках (жанрово-стилистическое отношение заголовка и текста) // *Функционирование языка в различных языковых жанрах: материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 3. Ростов-на-Дону: [б.и.], 1997. С. 16–17.*

WORD-FORMATION GAME IN THE HEADLINES OF ELECTRONIC MEDIA: COMMUNICATIVE RISKS

© *V.A. Kulikova*

The article considers the structural-semantic, semantic-stylistic, pragmatic, ethical factors that increase the riskiness of word-formation game in the headlines of modern electronic media. The aim of the study is to analyze the inherent and adherent features of heading neologisms as a possible source of communicative risks. The method of content analysis of media texts was used to identify the most frequent communication risks, heading neologisms were investigated using structural-semantic and pragmatic analysis. Communication risks are associated with the impossibility of implementing the main functions of the header. As the analysis of speech material has shown, violations are most often associated with the implementation of nominative, informative, pragmatic, contact-establishing functions.

Keywords: communication risks, word-formation game, neologisms, electronic media, headline functions.

НОРМА VS АНОМАЛИЯ?

© *З.И. Минеева*

В статье рассматриваются сложные и новые языковые факты в аспекте проблемы нормы. Цель работы состоит в том, чтобы установить, соответствует ли тот или иной факт современного русского языка литературной норме или нарушает ее и представляет собой языковую аномалию. Используются структурно-семантический, корпусный и лексикографический методы. Делается вывод о том, что современные нормы изменяются под влиянием закономерностей системы русского языка.

Ключевые слова: языковая норма, системы языка, аномалия.

Проблема нормы и разграничение нормативного и ненормативного, аномального, продолжает оставаться актуальной и привлекает ученых, авторов исследований последних лет, таких, как В.Г. Костомаров, Т.Б. Радбиль, О.И. Северская, И.Б. Левонтина, Л.П. Крысин, Е.А. Жданова, И.В. Фуфаева. Интерес к «правилам» стабильно вызывает интерес у носителей языка, и центральные и региональные медиа отвечают на запросы радиослушателей и телезрителей, приглашая в студию лингвистов.

Динамическая теория нормы, разработкой которой занимались выдающиеся ученые – К.С. Горбачевич [Горбачевич 1989], Л.К. Граудина [Граудина 1980] и другие – объясняет сложные случаи, в том числе акцентологические, орфоэпические, лексические, грамматические, словообразовательные, возникающие как при наличии, так и при отсутствии вариантов. Вариантность, обеспечивающая смену старшей нормы младшей и сосуществование различных реализаций языковой системы, понимается как высокая степень толерантности; толерантность языковой нормы, согласно теории Л.П. Крысина, включает структурную, коммуникативную и социальную, кроме того, толерантность к новшествам [Крысин 2008: 205]. В течение последних десятилетий наблюдается тренд к смягчению категоричности оценок и принятию, признанию разного рода региональных особенностей.

Проблемы языковой нормы связаны с новизной слова, словосочетания, поскольку норма складывается в течение определенного времени: «Норма языковая – совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [Семенюк 2000: 337].

Динамическая теория нормы, осознание того, что «само понятие нормы – категория подвижная, динамическая» [Литературная норма и вариантность 1981: 265], убеждает в необходимости профессионального подхода при оценке языковых явлений в аспекте нормы и аномалии, базирующегося на трех китах: учете системности того или иного языкового факта, степени распространенности того или иного варианта и авторитетности того, кто использует слово, форму, словосочетание.

Цель данной статьи – попытаться определить, насколько тот или иной языковой факт соответствует норме, учитывая ее динамический характер.

Материалом служат те лексемы, произношение, грамматические формы которых вызывают трудности у носителей языка либо становятся объектом дискуссий в лингвистическом сообществе.

Орфоэпические нормы в широком понимании термина включают произносительные и акцентологические. Трудности возникают при выборе твердого/мягкого согласного в заимствованных словах типа *менеджер, вебинар*. Первое включено в толковые и орфоэпические словари с нормой [мэ] и [нэ], хотя системным явлением в русском языке остается произношение мягкого согласного перед «е», и фонетическое освоение заимствования заключается в замене твердого звука на мягкий, как, например, в слове *термин*, или сосуществование вариантов, как, например, в слове *декан*. Свежее заимствование *вебинар* отсутствует в словарях, вызывает сложности и порождает дискуссии у радио- и тележурналистов; поскольку слово совсем недавно вошло в русский словарь, произношение твердого [в] предпочтительно, однако встречается произношение мягкого [в'], возможно, под влиянием произношения слова *семинар* с мягким согласным [с']. Тенденция при фонетическом освоении иноязычного слова состоит в постепенной замене твердого согласного мягким перед Е, однако во многих случаях такой замены не происходит и твердое произношение становится единственной нормой в словах *пюре, кюре, кафе, партер*. Изменение акцентологической нормы наблюдается у слова *маркетинг*, строгая норма относительно единственного ударения на первом слоге сменяется признанием вариантов ударения на первом и втором слогах; *маркетинг* пополняет группу слов с равноправными акцентологическими вариантами: *кета, одновременный, творог* и других. Обращение к словарю предупреждает ошибки в речи.

Словарь не всегда может помочь в сложных и/ли спорных случаях, хотя иногда в качестве единственного критерия при разграничении нормативного/аномального используются данные словарей, фиксация в лек-

сикографических источниках. В передаче радиостанции «Маяк» под названием «Училка против «Маяка» ведущая в роли эксперта воспроизводит фрагменты произнесенных журналистами текстов, повторяет слово «с ошибкой» и дает свой комментарий, к сожалению, не всегда безупречный, например, о том, что в русском языке отсутствует слово *нету*, это «правило» предлагается запомнить, а в качестве аргумента сообщается, что в словарях такого слова нет, точнее, «училка» не находит его. Между тем *нету* – стилистически сниженный синоним нейтрального предикатива *нет*, что зафиксировано в академической лексикографии.

Нету, *предикатив* и *частица*. 1. Предикатив. *Разг.* То же, что нет (в 1 знач.). 2. Частица [Большой академический словарь 2008: 315].

Лексикографический критерий при определении нормы далеко не всегда оказывается релевантным. Феминитив *космонавтка* включается в словари, тем не менее оно не выдерживает конкуренции с аналитической конструкцией *женщина-космонавт*. Согласно данным Национального корпуса русского языка, суффиксальный феминитив включен в 9 документов 1963–2011 гг. (основной корпус) и в 20 документов 2000–2017 гг. (газетный корпус). Составная номинация *женщина-космонавт* используется в 20 документах 1963–2017 гг. (основной корпус) и имеет 159 вхождений в 129 документах 2000–2018 гг. (газетный корпус).

Даже если слова *нет* в словарях, это не повод для резко негативной оценки: отметим, что чем меньше человек знает, тем более он категоричен в своих суждениях и тем увереннее в своих оценках «нормативное / ненормативное», «правильное / неправильное». Например, в упоминавшейся радиопередаче признается неправильным существительное с предлогом *в разы* и предлагается точно сообщать, во сколько раз нечто больше / меньше сравниваемого объекта. Однако распространенность выражения и его прагматические свойства не оставляют сомнений в том, что в данном случае запрещать *увеличить в разы*, нецелесообразно, выражение удобно, востребованно, вошло в узус.

Системный подход в оценке «норма / ненорма» представляется предпочтительным. Приведем такой пример. Во время чтения спецкурса «Языковая норма и вариантность» в Ленинградском госуниверситете Кирилл Сергеевич Горбачевич отвечал на вопрос аспиранта о том, какая форма 1 лица единственного числа у глагола *пылесосить*. Он назвал в качестве более предпочтительной форму без чередования *пылесосу* на том основании, что чередование согласных *с/ш* (*писать* – *пишу* и т.п.) было обязательным, регулярным в определенный исторический период

развития русского языка и было обусловлено живыми процессами, действие которых во время появления обсуждаемого глагола уже прекратилось, следовательно, мы не можем найти достаточных оснований, объяснений для формы *пылесосу*. Тем не менее стилистический статус у формы *пылесосу* в настоящее время несомненно выше, чем у «более правильной» *пылесосу*, что можно объяснить «исторической памятью» носителей языка, для которых образование форм с историческими чередованиями стали естественным явлением, они благозвучны. Традиционные ограничения относительно форм 1 лица единственного числа с течением времени смягчаются, и в приведенных на портале «Грамота.ру» ссылках глаголы *пылесосить*, *кушать*, *ощутить* подаются как имеющие полную парадигму, в том числе формы *пылесосу*, *кушаю*, *ощущу*; печатная версия «Новейшего толкового словаря» 2008 года содержит следующие рекомендации: *пылесосить*, 1 л. нет; *кушать*, -аю, -аешь; *несов. что*. Есть, принимать пищу. Употр. в формулах вежливого приглашения к еде (в нормативной речи 1 л. не употр.); *ощутить*, *ощущу*, *ощутишь*; -щён, -щена, щено; *св. что*. 1. Воспринять органами чувств; почувствовать. *О. запах газа. О. прикосновение холодной руки. О. боль в виске. // Испытать (какое-л. чувство). О. радость. О. горе.* 2. Воспринять сознанием, понять. *О. потерю, ответственность [Новейший... 2008].* Динамика грамматической нормы прослеживается у глаголов *мучить*, *мучать*, согласно данным того же словаря, в качестве нормативного и предпочтительного рекомендован нейтральный глагол *мучить*, с формами *мучу*, *мучишь*, второй глагол *мучать* с формами *мучаю* и т.п. отнесен к стилистически ограниченным разговорным. Тем не менее в медийных источниках формы *мучаю*, -еишь, -ет получили широкое распространение, один из последних примеров: *Мучают головные боли..?* (Комсомольская правда, 23–30.09.2020). Регулярные формы оказываются более жизнеспособными и успешно конкурируют с теми, которые совсем недавно признавались единственно правильными. В группе глаголов с неполной личной парадигмой остается меньше единиц, прежде всего те, которые имеют семантические ограничения, а также глаголы типа *держать* [Жданова 2015: 25].

Деривационные нормы. Ограничения в реализации той или иной словообразовательной модели с течением времени снимаются. Облигаторность параметра переходности у мотивирующего глагола при образовании агента мужского рода: *учить* (переходный глагол) + *-тель* → *учитель* – уступает место универсальной модели, которая, в частности, используется при образовании неологизма: *восходить* (непереходный

глагол) + *-тель* → *восходитель* 'кто совершает восхождение на вершины гор'.

Аналогично префикс *экс-*, ранее сочетавшийся с заимствованными лексемами, обладающими семантикой профессиональной деятельности: *экс-президент*, *экс-министр* и т.п., в настоящее время имеет более широкую синтагматику и сочетается со всеми агентами с семантикой ограниченного во времени статуса: *экс-муж*, *экс-супруга*, *экс-жена*, *экс-гёрлфренд*.

Широкое, без ограничений, использование в качестве продуктивных формантов префиксоидов *VELO-*, *AVIA-* порождает оценочные номинации *велохам*, *авиадебошир*: *Ходить по ВДНХ стало просто страшно: москвич пожаловался на велохамов; На ВДНХ стало опасно передвигаться пешком из-за множества хамоватых велосипедистов, самокатчиков и скутеристов, считает московский художник Владимир Гречанинов (Фейсбук, 15.09.2020); Авиадебошира на рейсе в Новосибирск привязали к кресту (РБК, Общество, 16.12.2019)*. Изначально модели с данными аффиксоидами включали мотивирующие слова без коннотаций негативной оценки: *велотренажер*, *велодорожка*, *авиарейс*, *авиапассажир*.

Расширение возможностей модели свойственно деривации феминитивов, все чаще существительные женского рода образуются не от агентов мужского рода, а от абстрактных, конкретных, вещественных субстантивов: *декретный отпуск* – *декретница*.

Нередки случаи, когда бывает сложно разграничить словообразовательную норму и аномалию. Актуальным остается вопрос о том, насколько нормативны феминитивы-этнимы от существительного *вепс*: 1) *вепс* + *-к(а)* → *вепска* и *вепка*; 2) *вепс* + *-янк(а)* → *вепсянка*. Рекомендованное специалистами по национальной политике, но вступающее в противоречие с системой русского языка *вепсянка* имеет ограниченное распространение, *вепка* сохраняет принадлежность разговорному стилю, и абсолютно нейтральным оказывается асистемное и в силу этого аномальное обозначение *вепс*: аномалия заключается в том, что в русском языке этнимы последовательно имеют коррелятивные обозначения мужского и женского рода.

Аномалия как норма. Оказиональное словообразование характеризуется отступлением от нормативной модели, однако накопление производных с полиморфемными блоками *-голик*, *-носец*, *-борец* и другими (*алкоголик*, *шопоголик*, *сетеголик*, *игроголик*; *медаленосец*, *оскароносец*, *митроносец*, *ролексоносец*) ведет к формированию модели с регулярным формантом. Продуктивная модель «имя существительное + *-носец*» реа-

лизуется как нормативная; аномалия при использовании данного морфемного комплекса имеет место в случае, когда место существительного занимает наречие: *наруженосы* – люди, которые носят маски, но не закрывают нос, оставляют его снаружи.

С чем мы имеем дело, с нормой или аномалией, в случае с существительным *мятка*? *Мятка* в значении ‘мятый картофель, пюре’ – девербатив, в образовании которого принимает участие нерегулярный формант -*тк(а)*: «Нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в именах существительных женского рода со значением предмета, который характеризуется действием, названным мотивирующим инфинитивом: *взятка, жатка*. Присоединяется к непроемной основе мотивирующих слов, причем гласные финали при этом сохраняются, например: *жатъ – жатка*» [Ефремова 2005: 469].

В настоящее время существительное *мятка* ‘картофельное пюре’ имеет статус регионального разговорного слова, распространенного в Ростовской области (https://forum.lingvolive.com/thread/190335/?order=all&fbclid=IwAR3d_V7djOnh71YG2-hojfjz-pHZFhzLK36rAFLRxoB1kd29npboCV2-d0Y#comment-987cc100-3547-4bd1-8831-a7e800800f23); относительно того, что слово образовано с помощью суффиксальной универбации от словосочетания *мятая картошка*, как предлагается авторами словарной статьи, можно, наверное, спорить, так как следующий контекст может предполагать мотивирующий глагол *мять*: *Ужин – морковка, картошка-мятка с колбасой и растительным маслом, халва, хлеб и компот* (<http://medbookaide.ru/books/fold9001/book2006/p4.php> (из книги Г.П. Малахова «Оздоровление – путь к жизни»; автор родился в г. Шахты Ростовской обл.)). *Мятка* ‘кушанье из вареного мятого картофеля, картофельное пюре’ из Рязанской области включено в [Словарь русских народных говоров 1963: 91].

В целом актуальность проблемы нормы и аномалии в дериватологии представляется наиболее выраженной. Журналисты стремятся максимально сократить дистанцию между пишущим и читающим, передать свежие эмоции, оценки, представить объект живо, нестандартно, индивидуально. Если обращаться к языку медиа, то следует признать, что гладкие тексты с безупречно правильным словоупотреблением скорее аномалия с точки зрения реализуемой прагматики, такие тексты не привлекают адресата, не запоминаются. Медианорма обладает своей спецификой, и в оценке того или иного языкового факта в медиатексте, возможно, наряду с критериями системности, узуальности и авторитетности следует иметь в виду также прагматический критерий, обеспечива-

ющий выразительность слова и текста и способность привлечь внимание адресата. Регулярное употребление номинации *хочувсёзнайцы* при обращении радиоведущего к участникам программы «Хочу все знать» способствует тому, что окказионализм, образованный смешанным способом, суффиксацией в сочетании со сращением (слиянием), воспринимается как привычное правильное слово.

К неодериватам последнего времени, так называемым протологизмам, относятся контаминанты: *артрясающе* – выражение восхищения произведением искусства (*арт-объект* + *потрясающе*); *обнулендум* (*обнуление* + *референдум*); *неподобан* и *неподобаба* (*неподобающе* + *баба*); *нудень* (*нудный* + *день*); *привлеродина* (*привлекательный* + *уродина*) ‘девушка, привлекательная со спины и страшная на лицо’ и другие.

В квалификации явления как соответствующего или не соответствующего норме, правильного или неправильного, нормативного или аномального важно учитывать тенденции изменения в соотношении вариантов, растущую жизнеспособность словообразовательных моделей, наконец, языковой вкус и современные тренды в языковой моде. М.А. Михайлов считал важным обращение к живой разговорной речи, а В.Г. Костомаров в своих последних интервью предостерегал от излишней категоричности и отдавал дань языковой вариативности, что представляется мудрым наставлением.

Список литературы

1. Большой академический словарь / гл ред. К.С. Горбачевич: в 30 т. Т. 12. Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2008.
2. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1989. 208 с.
3. Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М.: Наука, 1980. 288 с.
4. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка . М.: АСТ, Астрель, 2005. 636 с.
5. Жданова Е.А., Шавлюк В.Б. Русский язык и культура речи: практикум. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2015. 45 с.
6. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях. М.: Знак, 2008. 320 с.
7. Литературная норма и вариантность М.: Наука, 1981. 270 с.
8. Семенюк Н.Н. Норма языковая // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.
9. Словарь русских народных говоров / гл ред. Ф.П. Филин. Вып. 19. Л.: Наука, 1963. 360 с.

NORM VS ANOMALY?

© **Z.I. Mineeva**

The article deals with complex and new linguistic facts in the norm aspect. The purpose of the work is to establish whether this or that contemporary fact corresponds to the standard Russian or is a linguistic anomaly. Structural-semantic, corpus and lexicographic methods are used. It is concluded that modern norms change under the influence of the Russian language system.

Keywords: norm, language system, anomaly.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ РИТУАЛ ОДАРИВАНИЯ НА СВАДЬБЕ В НИЖЕГОРОДСКИХ ГОВОРАХ

© *О.В. Никифорова*

Данная статья посвящена рассмотрению культурной семантики и специфики функционирования диалектной лексики, обслуживающей сферу традиционной народной духовной культуры, на примере отдельно взятого региона России – Нижегородской области. Для исследования отобраны наименования, относящиеся к обряду дарения подарков на свадьбе молодым, а также родителям и родственникам жениха. Анализ лексико-семантической группы подтверждает, что характерным признаком диалектной обрядовой лексики является её мотивированность. Большинство наименований материально-денежных отношений в нижегородском свадебном обряде отмечаются вне обрядового пространства, внутри же обряда бытуют лексемы с обрядовыми значениями: дар (подарок невесте, молодым), поскольку в обрядовом контексте наименования отражают языковую картину мира носителей говора, их взгляды на брак и брачные отношения.

Ключевые слова: нижегородские говоры, свадебный обряд, обрядовая лексика, наименования обряда дарения подарков.

Для всестороннего изучения лексической системы русского языка важным является подробное описание диалектов, в частности, лексико-семантических групп обрядовой лексики, поскольку обрядовая лексика, тесным образом связана с этнографией, культурой, мировоззрением народа. Сложным, монументальным и стабильным компонентом традиционной духовной культуры является свадебный обрядовый комплекс, изучение которого на этнографическом и диалектном материале определённого региона способствует решению глобальной проблемы – реконструкции славянской культуры. Свадебный обряд в нижегородских говорах, являясь региональным вариантом русского традиционного свадебного обряда, продолжающего связь со славянскими традициями, с лингвистической точки зрения интересен филологам. Атрибутика свадебного обряда в Нижегородском крае отличается большим разнообразием, что и определяет исключительное богатство системы диалектной свадебной лексики и фразеологии. Внутри неё выделяются наименования материально-денежных отношений, так как традиционно свадебный обряд «регулирует не столько личные отношения, сколько социально-

экономические и юридические аспекты жизни новой семьи, при образовании которой происходит передача материально-денежных единиц от родителей; во избежание споров после свадьбы все вопросы данного характера чётко регламентируются на всех свадебных этапах» [Миронович 2018: 132].

Наименования материально-денежных отношений в свадебном обряде на материале нижегородских говоров становились предметом рассмотрения на примере номинации свадебных выкупов за невесту [Никифорова 2018]. Данная статья посвящена исследованию наименований, относящихся к обряду дарения подарков на свадьбе, в частности номинаций одаривания невестой родителей и родственников мужа, а также молодых. Преподнесение подарков молодым от свадебных гостей и родственникам жениха от невесты было важным элементом свадебного пира. Как отмечает К.Е. Корепова, «взаимные дары, способствующие сближению родов, стиранию противопоставления «своих» и «чужих», и в конечном итоге породнению, пронизывали весь свадебный период от сватовства до окончательного «перехода» невесты, вступления её в новое сообщество» [Корепова 2019: 308].

Действительно, важное место в пространстве ритуала (как в предсвадебный период, так и в день свадьбы и после неё) занимают свадебные дары – предметы материальной культуры, преподносимые одними участниками обряда в дар другим. При этом обрядовые действия с приданным и дарами реализуют один и тот же мотив (передача имущества от одной стороны к другой), демонстрируют общность в составе действующих лиц и векторе направленности действия (так, сразу после договора о свадьбе подготовкой приданого и даров занимается невеста при участии подруг; адресатом передачи приданого и дарения на свадебном пиру выступает семья жениха). Кроме того, состав предметов, входивших в приданое и предназначавшихся для дарения, часто совпадает (предметы одежды, домашняя утварь). Так, в нижегородских говорах записаны лексемы *за́дѣтки*, *кля́дка*, реализующие значения ‘общее название приданого’ и ‘наименование самих свадебных подарков’.

Одаривание молодых на свадебном пиру происходило следующим образом. Каждому из гостей подносили рюмку водки и закуски, а те клали на поднос деньги или подарки. Новобрачных старались обеспечить самым необходимым, поэтому обычно подарки состояли из сельскохозяйственных продуктов, скота, птицы, посуды, тканей. Первыми молодых одаривали отец и мать, затем дедушки и бабушки, крёстный и крёстная и остальные приглашённые. Размер и количество даров зависе-

ли от благосостояния семей жениха и невесты, однако наиболее крупные подарки (деньги, домашний скот и т.п.) преподносили молодым родителям невесты. Подарки от невесты были собственноручного изготовления: вышитые рубашки, полотенца – и характеризовали молодую как искусную рукодельницу. Подарки жениха, напротив, были покупными и давали представление о его щедрости и финансовом положении: шкатулка с украшениями, ленты, иголки, румяна, белила, пудра, куски мыла, башмаки, чулки. Таким образом, свадебный обряд предполагал несколько ритуальных обменов подарками между представителями двух соединяющихся родов.

Обширную лексико-семантическую группу в нижегородских говорах составляют наименования самих свадебных даров, среди которых выделяется несколько подгрупп:

‘наименование подарков, которые жених делает невесте’ *гостѣнцы* (Починковский р-н), *заклад* (Лысковский р-н), *задаток* (Воскресенский р-н), *кладка* (Сосновский р-н), *ларец* (Борский р-н), *сварьбешный набор* (Дивеевский, Сеченовский р-ны): *Жэних черес подрук дарит сварьбешный набор невесте, там мыло, серьги* (с. Бахаревка Сеченовского р-на);

‘наименования подарков, которые невеста делает жениху’ *рубашка* (Навашинский р-н);

‘наименования подарков молодым на свадебном пиру’ *дар* (Ветлужский, Шахунский, Тоншаевский р-ны), *дары* (повсеместно): *На свадьбе молодым дары дарят, дары – так подарки молодым называют, вот фсе гости дарят дары молодым, подарки тоже говорят, поздравляют молодого и молодую и дают им дары* – д. Мокруша Княгининского р-на, *дарок* (Вачский р-н), *дарун* (Спасский, Тоншаевский, Сеченовский р-ны): *Дарун – это подарок молодым, это деньги и посуда, и какие-то вещи, даруны подарщици собирают, когда на свадьбе сдары, они идут по избе, около каждого боярина встают, тот дает дарун* (с. Бахаревка Сеченовского р-на), *дарунок* (Пильнинский, Воротынский р-ны), *покрѣшки* (Дальнеконстантиновский, Кстовский р-ны), *складчина* (Гагинский р-н), *доспѣх* (Гагинский р-н), *залог* (Павловский р-н).

Лексема *дары* распространена в русских народных говорах повсеместно и употребляется для обозначения всех разновидностей свадебных подарков независимо от адресата и времени вручения [СРНГ 7: 271–272].

Лексемный ряд наименований самого ритуала одаривания в нижегородских говорах довольно широк: *дарѣж* – Спасский, Вачский р-ны, *дарѣжка* – Починковский, Первомайский р-ны, *сдары* – Гагинский,

Вадский, Сеченовский р-ны, *ода́ривание* – Лукояновский р-н (*Ода́рива-ние было в день свадьбы, полотенцами я одарила молодых* – с. Шандро-во Лукояновского р-на), *сыры́* – Кулебакский р-н (*В сыры опходят гостей, кто дал подарок, тому наливают рюмку водки* – д. Шилокша Кулебакского р-на), *сыры пить* – Дивеевский р-н, *сыры́ моли́ть* – Нава-шинский, Выксунский, Арзамасский, Вознесенский р-н, *сыры́ собира́ть* – Шатковский р-н, *сыры́ кла́нять* – Ардатовский р-н, *на сыр класть* – Пильнинский р-н, *си́рить* – Сергачский р-н, *да́ры да́рить* – Большебол-динский, Княгининский, Шахунский, Тоншаевский, Варнавинский, Уренский, Шарангский р-ны, *да́рить на подклёт* – Борский, Лысков-ский, Кстовский р-ны, *да́рить невесту* – Краснобаковский, Ковернин-ский, Семёновский, Горордецкий р-ны, *да́рить молоды́х* – Павловский, Богородский, Краснооктябрьский, Воскресенский р-ны, *блóдечко се-ребри́ть* – Сеченовский, Богородский р-ны (*Блюдечко серебрят на гор-ном обеде, подарки молодым дарют* – с. Оранки Богородского р-на), *петь ча́рочку* – Сергачский р-н, *на поклóн* – Первомайский р-н, *кли́канье* – Дальнеконстантиновский р-н, *да́ры крои́ть* – Ветлужский, Бутурлинский р-ны, *здорóваться* – Ворортинский р-н (*Начали здоро-вацца фсе гости подходят целовать жениха и невесту, дарют деньги* – с. Ольгино Воротынского р-на), *дру́житья* – Ветлужский, Шахунский р-ны, *га́рны* – Починковский р-н, *га́рин* – Починковский р-н, *целова́нье* – Ковернинский, Богородский р-ны, *поцелу́й* – Ветлужский р-н.

Разнообразие нижегородской обрядовой лексики создаётся словооб-разовательными средствами. Приведённые номинативы свидетельству-ют о том, что в русских народных говорах активно используется инвен-тарь словообразовательных средств. Главный источник обогащения лек-сики обрядов – морфологический способ словообразования.

Можно выделить основные словообразовательные модели:

основа глагола + суффикс: *дарёж, дарёжка, ода́ривание, кли́канье*;

основа имени существительного + конфикс: *сда́ры*;

основа глагола + префикс вы- в значении ‘совершить, довести до ре-зультата действие, названное мотивирующим глаголом’: *вы́дарить* ‘одарить, подарить подарки’: *Всех чтобы выдарить на свадьбе-то: свё-кра, свекровь* (Ветл., в. [ДСНО 2: 159]).

Мотивировка номинатива *поцелу́й* связана с тем, что одаривание мо-лодых сопровождалось целованием невестой гостей на свадебном пиру. Описание этого обряда встречаем у П.В. Шейна в материалах по Нижего-родскому краю: «Вечером в первый день после венчания бывают поцелуи. Молодая обносит гостей водкой и потом каждого целует. За поцелуй ей

кладут на блюдо деньги. Богатые невесты наделяют рублей 50 или 40, бедные – 5–10 руб. После поцелуев брачный пир кончается... у редких только он продолжается и на следующий день» [Шейн 1900: 724].

В основе наименования *на поклѡн* лежит следующий принцип номинации: по обрядовому действию, которое сопровождает ритуал одаривания, поскольку жених и невеста кланялись каждому, кто преподнёс подарок.

Мотивировка лексемы *сыры́* связана, вероятно, с тем, что в Древней Руси на всех свадьбах фигурировал сыр. Известно, что вместе с приглашением на свадьбу отправляли головку сыра; размеры её соизмерялись с важностью и солидностью приглашаемого: дорогому гостю посылали большой кусок сыра, менее важному – средний, незначительным людям посылали маленький кусочек. Позднее сыр как предмет ритуала был заменён хлебом, пряниками, конфетами и т. д. Наименование же осталось прежним. На нижегородской свадьбе дружка собирает подарки и деньги для молодых, угощая одаривающих вином и закуской – «сыром».

Для лексем *здороваться*, *дружиться* мотивировочным признаком является процессуальный, поскольку очевидно сходство указанных лексем с литературными глаголами *здороваться* – ‘приветствовать друг друга при встрече’ [МАС 1: 604], *дружиться* – ‘вступать в дружбу, становиться друзьями’ [МАС 1: 449], однако семантика глаголов в нижегородских говорах сужается до конкретных действий на свадебном пиру, при которых после одаривания молодожёнов между представителями двух соединяющихся родов устанавливаются дружеские отношения.

Таким образом, многие диалектные слова имеют прозрачную внутреннюю форму, так как мотивированы тем или иным способом. Характерным признаком диалектной обрядовой лексики является её мотивированность. Важно, что при объяснении местного слова носители говора свободно пользуются мотивирующими словами. Данные слова имеют прозрачную внутреннюю форму за счёт сохранения семантики мотивирующего глагола *дарить*. Корневой морф *-дар-* бытует как в глаголах (*дарить*, *одаривать*, *выдарить*), так и существительных (*дар*, *дары*, *дарёж*, *дарёжка*, *сдары*). Кроме того, отмечены такие лексемы, для которых нет соответствующей производящей основы в говорах Нижегородской области, например, *выгалить* ‘получить подарок в награду на свадьбе’ (*Эт пьлотецэ я выгалил на сварьбе* д. Коньково Городецкого р-на) при отсутствии *галить*.

Кроме однословных названий, в нижегородских говорах отмечены составные наименования, построенные по модели опорный компонент

глагол *дарить* + имя существительное: *дарить невесту*, *дарить молодых*, *дарить дары*, *дарить на подклёт*. Переходный глагол дарить сочетается с существительным, обозначающим объект (дарить кому?) и предмет (дарить что?). В первом случае наблюдается замена падежа существительного с дательного на винительный: *дарить невесту*, а также с дательного на родительный: *дарить молодых*. В отличие от диалектного языка, где сочетаемость глагола с формами дательного и родительного падежей существительных равноправна, в литературном языке конструкция с родительным падежом в значении ‘одаривать, делать подарки’ отмечается как устаревшая и снабжена в словаре соответствующей пометкой [МАС 1: 365]. Во втором случае отмечен общеупотребительный вариант: *дарить (что?) дары*.

Глагольно-номинативные конструкции *блюдечко серебрить*, *петь чарочку*, *дарить кроить*, обозначающие в нижегородских говорах ритуальное одаривание, образованы путем семантической деривации, а именно являются результатом метонимического переноса ‘действие с предметом’ – ‘обрядовый ритуал, содержащий действие’.

Наименования с компонентом *сыры*: *сыры пить*, *сыры молить*, *сыры собирать*, *сыры кланять*, *на сыр класть* – будут предметом дальнейшего анализа.

Несмотря на то что дружка в качестве распорядителя свадьбы приглашал участников исполнить ритуал одаривания, для сбора подарков из родственников жениха и невесты выбирали специального человека, носящего наименование: *сборчий* – Арзамасский, Бутурлинский, Вачский р-ны: *Сборчий* локфий был, фсех быстро обошел, у фсех дарок взял для молодых, *сборчий* знал, к кому сначала подходит – к родителям, потом к хрестным, ф конце к другим родственникам, *сборчий* подарки собирал – д. Митино Вачского р-на, *ношатай* [СРНГ 21: 306], *подарщик* – Починковский, Навашинский, Выксунский, Сеченовский р-ны: *Подарок*, *дарун* для молодых принимал *подарщик*, выкликал кому поздравлять и отдавал жениху и невесте даруны – д. Бахаревка Сеченовского р-на. Персонаж, в обязанности которого входило собирать подарки, клал их на поднос, покрытый специальным полотенцем, которое называется *ширинка* – Ветлужский р-н.

Таким образом, внимание филологов к проблеме функционирования народных говоров обусловлено осознанием их значения как хранителей этнокультурного своеобразия языковых картин мира. Свадебная обрядовая лексика нижегородских говоров полно отражает процессуальную, агентивную и предметную стороны ритуала. Благодаря названиям, со-

хранившимся в памяти информантов и в записях XX–XXI вв., становится возможным охарактеризовать обрядовые акты, являющиеся неотъемлемой частью народной духовной культуры. В связи с разрушением традиционного обрядового комплекса нижегородской свадьбы фиксация обрядовой лексики становится ещё более актуальной, поскольку свадебная лексика воссоздает обширный фрагмент языковой картины мира носителей говора, отражает их взгляды на брак и брачные отношения.

Список литературы

1. ДСНО – Дialectный словарь Нижегородской области. Вып. 1. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2013. 199 с.
2. Корепова К.Е. Русская свадьба в Нижегородском Поволжье: монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. 663 с.
3. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 1. А–Й. 696 с.
4. Миронович М.С. Наименования материально-денежных отношений в свадебном обряде Калужской области // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Том 24. №1. С.132–137.
5. Никифорова О.В. Наименования свадебных выкупов за невесту в нижегородских говорах // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2018(2). С. 173–186.
6. СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. М.–Л.: СПб.: Наука, 1965–2016. Вып. 1–49.
7. Шейн П.В. Великоросс в своих обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. СПб.: Тип-я Императорской АН, 1900. Вып. 2. С. 377–833.

LEXIC UNITS REPRESENTING RITUAL GIFTS FOR A WEDDING IN DIALECTS OF NIZHNY NOVGOROD REGION

© *O.V. Nikiforova*

This article is devoted to the consideration of the cultural semantics and the specifics of the functioning of the dialect lexicon serving the sphere of traditional folk spiritual culture, using the example of a separate region of Russia – the Nizhny Novgorod region. We selected the names related to the ceremony of giving gifts at a wedding to the young, as well as to the parents and relatives of the groom for the study. Analysis of the lexical-semantic group confirms that a characteristic feature of the dialect ritual vocabulary is its motivation. Most of the names of material and monetary relations in the Nizhny Novgorod wedding rite are noted outside the ritual space, while inside the rite there are lexemes with ritual meanings: a gift (a gift to the bride, young people),

since in the ritual context the names reflect the linguistic picture of the world of the speakers of the dialect, their views on marriage and marriage relations.

Keywords: Nizhny Novgorod dialects, wedding ceremony, ritual vocabulary, the names of the gift giving ceremony.

АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ КОМИТАТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: КОМИТАТИВНОСТЬ ДЕЙСТВИЙ*

© И. Палоши

В настоящей статье делается попытка распространить категорию комитативности на глаголы, выражающие второстепенное, сопроводительное действие по отношению к первичному действию в ситуации. Анализу подвергаются словообразовательное средство (глаголы комитативного способа действия типа *пританцовывать, подпевать*), а также морфологическое средство выражения комитативного значения (деепричастие). По мнению автора, семантическая категория комитативности охватывает не только неравноправный характер актантов ситуации, но и самих действий, совершаемых в рамках одной ситуации одним субъектом или несколькими субъектами. Помимо расширения внутренней структуры данной категории, автор предлагает рассмотреть комитативность в более широком контексте: в контексте мультисубъектности и мультиобъектности.

Ключевые слова: семантика, комитативность, совместимость, социативность.

1. Введение

В последние годы описанию структурной модели семантической категории совместимости посвящено немало научных работ, среди которых выделяются диссертация С.В. Коклы, написанная на материале французского языка [Кокла 2004], обстоятельный типологический анализ комитативных конструкций А.В. Архипова [Архипов 2009], работа М. Опачич о дифференциации социативных значений в русском языке [Опачич 2018], сопоставительное исследование русских и южнославянских комитативных конструкций, проведенное М. Ухлик и А. Желе [Ухлик, Желе 2019], а также статья А.В. Кожокиной и В.Г. Силантьевой, представляющая семантическую организацию категории совместности на материале английского языка [Кожокина, Силантьева 2019].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

Предварительно необходимо отметить, что категория совместности, как об этом свидетельствуют упомянутые выше работы, объединяет категории социативности и комитативности. Основное различие между комитативными и социативными конструкциями заключается в том, что категория социативности предполагает равноправную совместность субстанций, в то время как категория комитативности основывается на неравноправной совместности субстанций [Кожокина, Силатьева 2019: 27]. Ср. пример (1), содержащий социативную конструкцию и пример (2), представляющий комитативную конструкцию.

- (1) *Иван и его жена* пошли в театр.
- (2) *Иван с женой* пошли в театр.

Вслед за А.В. Архиповым, главную субстанцию (субъект или объект) в комитативных конструкциях называем Ориентиром, а второстепенную субстанцию – Спутником. Заметим, что в лингвистической литературе существует классификация комитативных конструкций с множественным агентивным участником ситуации, см. об этом подробное описание в работе [Архипов 2009: 76–89, 158–170]. В рамках настоящей статьи мы не будем рассматривать все типы комитатива. Однако хотелось бы выразить свое несогласие с мнением лингвистов, причисляющих конструкции типа примера (3) к комитативным конструкциям [Кожотникова, Силантьева 2018: 27–28], ссылаясь на [Станишева 1958: 52; Архипов 2009: 80]. На наш взгляд, несмотря на то что в предложении (3) обнаруживается такая же предложная конструкция, как и в примере (2), конструкцию в примере (3) мы бы не называли комитативной. Дело в том, что в примере (2) два участника производят аналогичное действие (Иван пошёл в театр и его жена тоже пошла в театр), в то время как в примере (3) действия участников различаются: *букет роз* не является таким же активным участником ситуации, как *Иван*. *Букет роз* не совершал самостоятельного действия (букет роз не пришёл, а его принёс Иван). В данном случае можно предположить, что действие *букета роз* только подразумевается. А.В. Архипов считает, что в конструкциях данного типа «комитативная группа характеризует не ситуацию, а участника-Ориентира [Архипов 2009: 80].

- (3) *Иван* пришёл домой *с букетом роз*.

Комитативность как семантическую категорию можно поставить в более широкий семантический контекст, чем категория совместности.

Комитативность тесно связана с категориями, охватывающими выражение множественного участника ситуации: в зависимости от типа участника, она входит в более обширную категорию мультисубъектности или мультиобъектности. По нашему мнению, в рамках семантической макрокатегории мультисубъектности категория комитативности граничит с категориями взаимности, дистрибутивности и кумулятивности. В случае макрокатегории мультиобъектности комитативность имеет семантические связи с дистрибутивностью и кумулятивностью.

В работах, посвященных изучению категории комитативности, рассматриваются морфологические и семантико-синтаксические особенности выражения множественных актантов ситуации. Исходя из того, что в рамках одной ситуации множественными могут оказаться не только ее участники, но и действия тоже, и таким образом равноправное / неравноправное отношение наблюдается не только между актантами, но и между действиями, мы предлагаем распространить понятие комитативности на ситуации с параллельными неравноправными действиями. Мы имеем в виду ситуации, в которых одно из действий является основным действием (его назовем действием-Ориентиром), а другое – периферийным, сопровождающим действием (его назовем действием-Спутником). Цель нашей работы заключается в том, чтобы рассмотреть морфологические и словообразовательные средства выражения комитативности действий.

2. Словообразовательные средства выражения комитативности действий

Словообразовательными средствами выражения комитативности в первую очередь являются глаголы сопроводительного (комитативного) способа действия (в дальнейшем – СД). Глаголы сопроводительного СД образуются при помощи приставок *при-*, *под-* и суффикса *-ыва-/ива-, -ва-*, ср. *приговаривать*, *припевать*, *приплясывать*, *присвистывать*, *притоптывать*, *прихлопывать*, *прищелкивать*, *поддакивать*, *подвывать*, *подпевать*, *подыгрывать* и т.д. [Авилова 1976: 298].

Глаголы сопроводительного СД указывают на ослабленное в своем протекании действие, которое сопровождает другое, основное действие [Шелякин 1983: 195]. В семантическом поле данных глаголов сочетаются семы интенсивности меньше нормы и длительности.

В примере (4) первостепенным действием, т.е. действием, Ориентиром является глагол *шел*, а деепричастие *пританцовывая* передает второстепенное действие, т.е. является действием-Спутником.

(4) А он шел медленно, *пританцовывая* вправо и влево, почти не продвигаясь вперед [С. Юрский. Бумажник Хоффманна, НКРЯ (примеры с пометой НКРЯ заимствованы из Национального корпуса русского языка.)].

Глаголы комитативного СД не способны выражать самостоятельное действие и тем самым описать полную ситуацию. С синтаксической точки зрения, они типично употребляются в сложных предложениях. Представляет интерес, что действие-Ориентир может остаться за кадром, см. пример (5). Действием-Ориентиром является прослушивание музыки, а действием-Спутником – пение.

(5) Она плакала потом дома, но на больничный садиться отказывалась. Включала свою кассету и *подпевала* [А. Геласимов. Жанна (2001), НКРЯ].

В комитативных конструкциях с множественным участником описываются ситуации, в рамках которых два или более субъектов производят аналогичное действие. В случае глаголов комитативного СД, действия, вовлеченные в одну ситуацию, необязательно проводятся одним субъектом. Такое положение дел свидетельствует о том, что в таких ситуациях акцентируется взаимоотношение между двумя действиями: между главным, определяющим ситуацию, действием и ослабленным, периферийным действием. Ср. пример (6) с тождественным субъектом и пример (7) с различными субъектами.

(6) Примерившись, хватается за край невысокой стены, взбирается на нее, встает во весь рост, вновь оглядывается вокруг и с восторгом *присвистывает* [Андрей Дмитриев. Поворот реки (1995) НКРЯ].

(7) Глаза стоят, опустевший рот открыт, внутренности *подсвистывают*... [Ю.М. Кокошко. Любовь к восемьдесят пятому году // «Уральская новь», 2002. НКРЯ].

3. Морфологические средства выражения комитативности

Неравноправие действий в рамках одной ситуации можно выражать и морфологическими средствами, а именно деепричастием НСВ. Общеизвестно, что лексико-грамматическим значением деепричастия является значение добавочного, второстепенного действия. Также не нуждается в доказательстве, что деепричастие обозначает процесс, сопутствующий

ший другому процессу или действие, протекающее во времени и соотнесенное с производителем основного действия, т.е. деепричастие способно передать действие-Спутник. См. пример (8).

(8) *Слушая* музыку, Ольга готовила обед.

Вызывают интерес контексты, в которых глагол комитативного СД в спрягаемой форме сочетается с деепричастием. В примере (9) мы имеем дело с комплексной ситуацией, в которой действием-Ориентиром является пение птиц (птицы разговаривают), глагол *подсвистывал* и деепричастие *думая* оба выражают действие-Спутник, производимое одним субъектом.

(9) Не Данька не знал лесного языка и только *подсвистывал* птицам, *думая*, что они друг с другом разговаривают [Ирина Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть (2007) НКРЯ].

Необходимо отметить, что глаголы сопроводительного СД часто употребляются в форме деепричастия, усиливая этим второстепенный характер действия, см. пример (4). Следовательно, можно установить, что словообразовательные и морфологические средства выражения комитативности могут переплетаться.

4. Выводы

Наше исследование показало, что семантическая категория комитативности в русском языке может выражаться не только именными группами на синтаксическом уровне, а также на уровне словообразования и морфологии. Категория комитативности охватывает не только множественность актантов ситуации, но и множественность действий.

Принимая во внимание, что под глагольной множественностью понимается плюральный характер одного действия (итеративность и мультипликативность), мы не можем утвердить, что комитативность представляет собой подкатегорию категории глагольной множественности. Рассмотренные нами комитативные ситуации являются более комплексными, поскольку включают несколько действий. В силу этого позволим себе сделать вывод, что категория комитативности входит в категорию ситуативной множественности.

Маркером комитатива принято считать предлог *с*. Правомерно возникает вопрос о том, можно ли считать морфологические показатели

глаголов комитативного СД и суффикс *-а-(-я-)* комитативными маркерами. Со своей стороны, мы готовы ответить на данный вопрос утвердительно, с оговоркой, что по отношению к предлогу *с* данные маркеры являются периферийными.

Список литературы

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М: Наука, 1976. 328 с.
2. Архипов А.В. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009. 296 с.
3. Кожокина А.В., Силантьева В.Г. Семантическая организация категории совместности в английском языке // Грамота, Том 12. Выпуск 2. 2019. С. 27–30.
4. Кокла С.В. Категория совместности в современном французском языке. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2004. 24 с.
5. Станишева Д.С. Творительный социативный // Творительный падеж в славянских языках / ред. С.Б. Бернштейн. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 41–75.
6. Ухлик М., Желе А. Словенские комитативные конструкции (в сопоставлении с другими южнославянскими и русскими) // Slovenski jezik – Slovene Linguistic Studies 12, 2019. С. 135–156.
7. Шелякин М.А. Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин: Валгус, 1983. 216 с.
8. Опачић М. Критеријуми диференцирања социјативних значења у руском језику // Славистика XXII/2. 2018. С. 104–109.

ANALYSIS OF THE SEMANTIC CATEGORY OF COMITATIVENESS IN RUSSIAN LANGUAGE: COMITATIVENESS OF ACTIONS

© I. Paloshi

The present article suggests extending of the category of comitateness to verbs that express secondary, accompanying action in relation to the primary action in a situation. The analysis involves the derivative means (verbs of the comitative mode of action such as *пританцовывать, подпевать*), as well as the morphological means of expressing the comitative meaning (gerunds). According to the author, the semantic category of comitateness covers not only the inequality of the actants of the situation, but also the actions themselves performed within the framework of one situation by one subject or several subjects. In addition to expanding the internal structure of this category, the author proposes to consider comitateness in a broader context: in the context of multisubjectivity and multiobjectivity.

Keywords: semantics, comitateness, category of joint actions, category of sociative actions.

ПРОБЛЕМЫ МОРФЕМИКИ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ДЕРИВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ М.А. МИХАЙЛОВА*

© *Л.В. Рацибурская*

В статье характеризуются основные научные достижения М.А. Михайлова в области морфемики и словообразования. Рассматриваются деривационные процессы, которые в исследованиях ученого стали критерием при решении проблем морфемики и словообразования.

Ключевые слова: морфемика, словообразование, деривационные процессы, труды М.А. Михайлова.

В современную русистику М.А. Михайлов внес вклад прежде всего своими глубокими, оригинальными исследованиями в области морфемики и словообразования. В работах М.А. Михайлова рассматриваются такие проблемы, как семантика и выделяемость морфем в слове; установление направления словообразовательной производности (мотивированности) и разные типы структурно-семантических связей слов; функционирование как деривационных образцов слов со свободными и связанными основами; проблема остаточных и асемантических (интерфиксов) частей слова; проблема установления межморфемных границ в слове в связи с различными типами чередований; вопрос о разграничении основы слова и основы грамматической формы; проблема идиоматичности слова; типология речевых деривационных процессов и другие.

В трудах М.А. Михайлова многие сложные, спорные вопросы морфемики и словообразования получили свое решение благодаря неординарному, нетрадиционному подходу автора к той или иной проблеме. При решении исследовательских задач в данной области ученый считал необходимым обращаться к речевым деривационным процессам, к процессам словотворчества. Таким образом, М.А. Михайлов, наряду с

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

Н.А. Янко-Триницкой, Е.А. Земской, И.С. Улухановым, В.В. Лопатиным и другими, стоял у истоков исследования окказиональных словообразовательных процессов, которое впоследствии получило широкое признание в отечественной лингвистике.

К анализу процессов словотворчества М.А. Михайлов обращался прежде всего при решении проблем членимости слова, которые занимают значительное место в его исследованиях, поскольку степень членимости основы является важным показателем степени производности слова. Вопрос о степени членимости основ органически связан в трудах М.А. Михайлова с вопросом о принципах наполнения морфем семантикой.

М.А. Михайлов подчеркивал необходимость обращения к новообразованиям и при определении межморфемных границ в слове: «Место морфемной границы подтверждается новообразованиями, реализуется в них. А именно, морфема, если она способна выделяться языковым сознанием в определенный период истории языка, может быть отвлечена от слова и использована в новообразованиях» [Михайлов 1971: 198].

Исследование различных проявлений выделяемости морфем в словах языка было одним из основных направлений научной деятельности М.А. Михайлова. Не отрицая научной и методологической ценности устоявшихся в теории синхронного словообразования принципов выделения морфем, М.А. Михайлов полагал необходимым соотносить лингвистические представления о морфемной структуре слова с тем, как на самом деле осознают (а может быть – не осознают?) морфемное строение слов говорящие.

Реальная выделяемость морфем в словах языка (то есть осознание говорящими слов как структур, имеющих составные части) проявляется только в процессах речевой номинации, связанных с появлением новообразований, причем новообразований как морфемных, так и семантических. Перечисленные вопросы были рассмотрены М.А. Михайловым в цикле статей 70-80 годов, в учебном пособии «Вопросы морфологического анализа слов (выделяемость основ и формантов)» (1974), в монографических исследованиях «Вопросы морфологического анализа (проявление выделяемости морфем в деривационных процессах)» (1976) и «Речевая номинация и выделяемость морфем» (1989).

Вопросы семантики морфем и выделяемости их в слове рассматриваются М.А. Михайловым в тесной связи в такими типами окказиональных деривационных процессов, как деривация по образцу типа, деривация по конкретному образцу, заменительная деривация (реаффиксация),

чересступенное словообразование, обратная деривация, а также в связи с семантическими сдвигами, обусловленными морфемным анализом слов.

Особое внимание ученых уделяет деривации по конкретному образцу, при которой, в отличие от деривации по образцу типа, «словообразовательный процесс непосредственно сопровождается анализом конкретного слова языка, а формант отвлекается от этого конкретного слова» [Михайлов 1976г: 83]. В работах М.А. Михайлова деривационные процессы с участием конкретного образца подвергнуты глубокому и всестороннему исследованию: разработана методика определения деривации по конкретному образцу, уточнено понятие конкретного образца, предложены критерии разграничения конкретного и отвлеченного образца и соответствующих процессов, показано значение деривации по конкретному образцу для выделения частей слова с наиболее спорным статусом (остаточные сегменты, интерфиксы и др.) [Михайлов 1989].

Работы М.А. Михайлова способствовали исследованию и научному обоснованию такого распространенного в славянских языках, но не всегда признаваемого в науке явления, как реаффиксация, или замена морфем. Было установлено влияние окказиональных антонимических отношений на выделяемость морфем при деривации по конкретному образцу и при дезинтегральной деривации с заменой префикса [Михайлов 1973]. Разработаны критерии отграничения заменительной деривации от деривации по конкретному образцу, в связи с чем предложены основания для разграничения понятий «исходное слово» и «конкретный образец» [Михайлов 1975; Михайлов 19766].

В ряде работ М.А. Михайлова исследуется такое достаточно часто встречающееся в русской речи явление, как окказиональная переоценка морфемного материала существующих языковых форм. Семантическая переоценка морфем рассматривается на примере глагольных префиксов в славянских языках [Михайлов 1972], а также на пример очень интересного речевого процесса деадвербиализации (термин М.А. Михайлова).

В ряду окказиональных деривационных процессов, манифестирующих выделяемость морфем в словах языка, М.А. Михайлов отмечает обратную деривацию. М.А. Михайлов является одним из немногих лингвистов, которые серьезно и целенаправленно занимались исследованием данного вида деривации и рассматривали его не как занимательный речевой казус, а как важное свидетельство реальной выделяемости морфем в словах языка.

Среди речевых деривационных процессов в исследовательской деятельности М.А. Михайлова важное место занимает чересступенное сло-

вообразование, которое наряду с другими речевыми процессами также способствует выявлению и уяснению морфемной структуры слов. При чересступенном словообразовании формант отвлекается от конкретного слова благодаря его чересступенной связи в словообразовательной цепи. Тем самым новое отношение, возникающее в результате такого рода связи, повторяет не непосредственные, а опосредованные (чересступенные) отношения в рядах последовательной производности, существующих в языке. М.А. Михайлов рассмотрел отношение чересступенного образования к деривации по конкретному образцу и образцу типа, выделил бесспорные признаки случаев чересступенного образования (при деривации по конкретному образцу) и показал различную связь чересступенного словообразования с морфемным материалом в зависимости от вида словообразовательных цепей.

Важным свидетельством реальной выделяемости морфем в языковом сознании говорящих следует считать явление семантической переоценки слов языка, в основе которой лежит морфемный анализ. В работах М.А. Михайлова тщательно, всесторонне, тонко исследованы процессы подобного рода. Научная деятельность М.А. Михайлова в этой сфере способствовала разработке методики разграничения семантических сдвигов, возникающих под давлением структурно и семантически соотносительных форм, с одной стороны, и конструирование из морфем, результаты которого лишь случайно совпадают с узальной формой, с другой [Михайлов 1976в; Михайлов 1979б; Михайлов 1987; Михайлов 1989].

Исследуя разновидности семантических процессов, порождающих окказионализмы, М.А. Михайлов приходит к важному выводу о том, что, выделяя морфемы в словах языка, говорящие опираются не на морфемные, а на словообразовательные структуры языка. Таким образом, даже многоморфемные слова языка в словообразовательной деятельности говорящих ведут себя как двухкомпонентные структуры.

В связи с анализом деривационных процессов М.А. Михайлов рассматривает вопрос о так называемых интерфиксах, незначимых межморфемных элементах слова, вопрос, который до настоящего времени не получил однозначного решения. Ученый показал, что с точки зрения деривационных процессов отдельность интерфикса, его обособленность по отношению к производящей основе, выделяемой по связи с первичным словом, и к суффиксальному форманту, выделяемому по связи с широко понятым рядом одноструктурных новообразований, может быть поставлена под сомнение, ибо в тех случаях, когда слово с предполагае-

мым интерфиксом включается в деривационный процесс, интерфикс всегда функционирует либо в составе аффиксального форманта, либо в составе производной основы [Михайлов 1976а; Михайлов 1989].

Исследование окказионального словообразования увязано в работах М.А. Михайлова и с проблемой установления направления производности. Поскольку деривационные процессы выступают как проявление отношений производности, они могут быть использованы и в качестве критерия установления словообразовательной производности, мотивированности. Такой подход к определению направления производности является новым в отечественной лингвистике, так как в существующей научной практике при определении направления производности учитываются только синхронные структурно-семантические отношения между словами, устанавливаемые исследователем в системе языка, и не принимаются во внимание реальные отношения производности, проявляющиеся в речи носителей языка.

Большое внимание в работах М.А. Михайлова уделено исследованию проблем, связанных с идиоматичностью (фразеологичностью) производных слов. Это сравнительно молодое направление в области словообразовательной семантики разрабатывалось в трудах А.И. Смирницкого, М.В. Панова, В.М. Солнцева, начиная с 50-х годов прошлого столетия. М.А. Михайлов, плодотворно развивая идеи московских ученых, внес много нового в решение проблемы идиоматичности производных слов.

В результате глубокого и тщательного анализа им были выявлены источники идиоматичности слова, сделана их классификация, в частности, разграничены понятия семантической и формальной идиоматичности. Новым словом в науке явилось исследование речевого явления, которое М.А. Михайлов назвал «снятием идиоматичности» в окказиональных деривационных процессах [Михайлов 1980]. Глубоко, продуманно и ярко ставятся вопросы формальной и семантической идиоматичности в монографии М.А. Михайлова «Речевая номинация и выделяемость морфем» (1989).

Работы М.А. Михайлова, посвященные изучению речевых деривационных процессов, органично вливаются в такое актуальное, перспективное направление словообразовательной науки, как исследование современной разговорной речи, осуществляемое в настоящее время учеными Московской, Петербургской, Саратовской лингвистических школ. Научное наследие талантливого ученого и педагога М.А. Михайлова еще нуждается в глубоком и тщательном осмыслении. В некрологе,

опубликованном в журнале «Славяноведение» (1995, № 2), Н.И. Толстой писал о трудах М.А. Михайлова: «... я верю, будет пора, когда многие из них получают вторую жизнь, приобретут известность, как приобретают известность забытые или не дошедшие до нас в свое время труды Н.С. Трубецкого, Д.К. Зеленина, И.А. Бодуэна де Куртене». М.А. Михайлов для его друзей, учеников, коллег и современников всегда был примером бескорыстного служения науке и обществу.

Список литературы

1. Михайлов М.А. Взаимодействие разных типов основ в процессе образования слов // Лексика. Терминология. Стили: Межвуз. сб. Вып. 1. Горький, 1973а.
2. Михайлов М.А. Вопросы морфологического анализа (проявление выделяемости морфем в деривационных процессах) // Slavika Wratislaviensia. VII. Warszawa – Wrocław, 1976а.
3. Михайлов М.А. Выделимость морфем в речевых процессах с антонимическим отталкиванием // Studia Rossica Poznaniensia Zeszyt 4. Poznan, 1973б.
4. Михайлов М.А. Депревербация и семантика приставки // Советское славяноведение. М., 1972, № 2.
5. Михайлов М.А. К вопросу о так называемой «замене морфем» (об одном отклонении в использовании термина) // Лексика. Терминология. Стили: Межвуз. сб. Горький, Вып. 5. 1976б.
6. Михайлов М.А. К понятию окказионального устранения идиоматичности // Slavika Orientalis, 1980. № 1–2.
7. Михайлов М.А. К содержанию термина «актуализация морфемной структуры слова» // Термины и их функционирование: Межвуз. сб. Горький, 1987.
8. Михайлов М.А. О количественных формах существительных (на материале говора брянских переселенцев Приморского края) // Общеславянский лингвистический атлас. М., 1973в.
9. Михайлов М.А. О процессах, связанных с выделением служебных морфем в конкретных новообразованиях // Slavika Wratislaviensia IX. Wrocław, 1976в.
10. Михайлов М.А. О словообразовании по конкретному образцу // Slavika Wratislaviensia. VI. Wrocław, 1976г.
11. Михайлов М.А. О степени выделяемости морфем // Lingua Poznaniensis. XVIII. Warszawa – Poznan, 1975.
12. Михайлов М.А. Речевая номинация и выделяемость морфем. Красноярск, 1989.
13. Михайлов М.А. Семантические сдвиги, обусловленные морфемной структурой // Термин и слово: Межвуз. сб. Горький, 1979.

14. Михайлов М.А. Чередования и морфологическая членимость // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

**PROBLEMS OF MORPHEMICS AND WORD FORMATION
AND MODERN DERIVATIONAL PROCESSES
IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF M.A. MIKHAILOV**

© *L.V. Ratsiburskaya*

The article describes the main scientific achievements of Mikhailov in the field of morphemics and word formation. The article considers derivational processes that have become a criterion for solving problems of morphemics and word formation in the scientist's research.

Keywords: morphemics, word-formation, derivational processes, the works of M.A. Mikhailov.

ЧЕШСКАЯ ГРАММАТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКОЙ

© С.А. Рылов

Сопоставительное славянское терминоведение стало одним из актуальных направлений современной лингвистики. Предмет исследования в работе – чешские грамматические термины (простые и составные), выражающие основные понятия морфологии и синтаксиса, – в сопоставлении с эквивалентными им русскими терминами. Исходной методологической базой служат теоретические положения терминоведения (Б.Н. Головин) и сопоставительной лингвистики. Основанием сопоставления чешской и русской терминологической единицы является их понятийная релевантность. Цель исследования – выявить специфические особенности чешской грамматической терминологии, показать их важную роль: а) в лингводидактике, б) в сопоставительной синтактологии. Всего проанализировано около 600 чешских грамматических терминов, извлеченных из словарей и учебников для иностранцев. Установлены лексические, структурно-семантические, национально-специфические, когнитивные особенности чешской грамматической терминологии в сравнении с русской. Её яркая черта – общепринятая дублетность. Содержательная мотивированность собственно чешских (не иноязычных) терминов – проявление самобытности чешской грамматической терминологии, выражение национальной ментальности. Обращается особое внимание на важность учета особенностей грамматической терминологии в преподавании чешского языка как иностранного в русской среде.

Ключевые слова: термин, сопоставительный подход, чешская грамматическая терминология, русская грамматическая терминология, *tertium comparationis*, специфические особенности чешских грамматических терминов, общепринятая дублетность, содержательная мотивированность, лингводидактика, сопоставительная славянская синтактология.

Грамматические терминологии и в русском, и в чешском языках представляют собой весьма развитые терминосистемы, которые формировались на протяжении нескольких столетий, начиная с XVI–XVII вв., путем буквального перевода (калькирования) соответствующих древнегреческих и латинских терминов на русский и – соответственно – на чешский языки, путем заимствований из древних языков, а также в результате влияния западноевропейской лингвистической традиции, в частности трудов Ф. Меланхтона – с его логико-семантическим подходом к грамматическим категориям и особым вниманием к их семантике [Дюбо 2005: 138–139]. Так что и чешская, и русская грамматические терминологии выражают систему понятий традиционной грамматиче-

ской науки и обнаруживают значительную общность. С другой стороны, грамматическая терминология, несомненно, отражает концептуальный аппарат национальных грамматических школ, национальные научные традиции, национально-специфическую ментальность. Поэтому чешская грамматическая терминология обладает, в сравнении с русской, рядом национально-специфических особенностей.

Задача интенсивного изучения грамматической терминологии в славянских языках в сопоставительном плане была поставлена чешским славистом Я. Бауэром [Bauer 1962: 40–41]. В 80–90-е годы XX века в рамках терминоведения выделяется автономная исследовательская область – *сопоставительное терминоведение*, объектом которого являются соотносительные терминосистемы разных языков [Циткина 1988; Циткина 1991: 97]. Потребности активно развивающихся в лингвистике сопоставительных и типологических исследований, теории и практики перевода, лингводидактики делают весьма актуальной и важной разработку сопоставительного терминоведения на материале современных славянских языков. В сопоставительном славянском терминоведении остаются актуальными и теоретические проблемы, и практические вопросы. Особый интерес для исследователя представляет грамматическая терминология, которая в сопоставительном плане на материале славянских языков, в том числе русского и чешского, изучена недостаточно. Фактически отсутствуют обобщающие работы, посвященные системному сопоставительному анализу чешской и русской грамматической терминологии.

Предметом исследования в настоящей работе явились чешские грамматические термины: простые (однословные) и составные (двусловные, трехсловные), выражающие основные понятия морфологии и синтаксиса, – в сопоставлении с эквивалентными им русскими терминами. Цель исследования – выявить специфические особенности чешской грамматической терминологии, показать их важную роль: а) в лингводидактике, в преподавании чешского языка как иностранного в русской аудитории, б) в процессе сопоставительного изучения структуры простого предложения в русском и чешском языках. В случае родственных языков, каковы чешский и русский, сопоставление и понимание различий в назывании грамматических явлений и в семантике терминов способствуют более глубокому постижению самих грамматических понятий.

Исходной методологической базой послужили основные теоретические положения терминоведения и сопоставительной лингвистики: 1) понимание термина, представленное в горьковской (нижегородской)

школе терминоведения [Головин 1976: 20]; 2) необходимость разграничения *предметной и понятийной* отнесенности терминологических единиц [Головин 1985: 3]; 3) тесная связь значения терминологической единицы с определенной исследовательской концепцией, в значительной степени сохраняющей традиции и национальную специфику, вследствие чего «понятийная отнесенность терминов нередко оказывается неизмеримо сильнее предметной» [Головин 1980: 10]; 4) установление *tertium comparationis*, т.е. основания для сопоставления чешской и русской грамматической терминединицы. Это дает возможность привлечь для сопоставительного анализа лингвистически релевантные в двух языках терминологические единицы. Таким *tertium comparationis* может быть именно понятийная отнесенность сопоставляемых терминологических единиц.

В данной работе для сопоставительного анализа был отобран массив чешских терминологических единиц: однословных (простых) терминов и терминосочетаний (двусловных и трехсловных составных терминов), выражающих основные общеграмматические понятия, понятия морфологии (в узком смысле – без включения морфемики и словообразования) и традиционного синтаксиса. Источником чешской грамматической терминологии послужили [Lotko 2003; Slovník 2005], а также новейшие учебники чешского языка, изданные в Чешской республике [Bischofová... 2012; Holá... 2009]. Для установления эквивалентности чешских терминов соответствующим русским привлекался словарь-справочник В.Н. Немченко «Грамматическая терминология» [Немченко 2011], включающий около 5000 терминединиц (простых и составных терминов). Всего проанализировано в сопоставительном плане около 600 терминединиц, в том числе 46 терминов, выражающих общеграмматические понятия, около 320 терминов морфологии, 230 терминов синтаксиса.

В ходе анализа установлены лексические, структурно-семантические, национально-специфические, когнитивные особенности чешской грамматической терминологии в сравнении с русской. Отметим наиболее важные из них.

1. Общая черта и чешской, и русской грамматической терминологии – значительное преобладание составных (двусловных и трехсловных) терминов над простыми (однословными). Их соотношение – соответственно 70% и 30%. Несмотря на структурное сходство, между чешской и русской терминологией обнаруживается существенное различие в моделях двусловных терминов. При номинации основных, базовых поня-

тий морфологии и синтаксиса в чешской терминологии, в отличие от русской, типичной оказывается модель «**прилагательное – существительное**». Русским эквивалентом данной модели является структурная модель «имя существительное → имя существительное в род. падеже», ср.: *slovní druh* ~ *часть печи*, *slovesný vid* ~ *вид глагола*, *slovesný rod* ~ *залог глагола*, *slovesný způsob* ~ *наклонение глагола*; *větný člen* ~ *член предложения*, *větná stavba/struktura* ~ *структура предложения*, *větný úsek* ~ *отрезок предложения*, *větné členění* ~ *членение предложения*, *větná spodoba* ~ *уподобление предложений*, *větný vzorec* ~ *формула / модель предложения* и др. Приведенные структурные модели двусловных терминов имеют не только формально-грамматическое, но и *семантическое* различие: чешская модель «прилагательное – существительное», в сравнении с русской «существительное → существительное в род. падеже», характеризуется большей цельностью понятия. Отмеченное различие является типологически значимым. Чешская модель «прилагательное ← существительное» широко представлена во многих терминологиях, ср.: *vědní úsek* ~ *область науки*, *dodací a platební podmínky* ~ *условия поставки и платежа*, *stíhací závod* ~ *гонка преследования (спорт.)*, а также в общелитературном чешском языке: *roční období* ~ *времена года*, *jízdní řád* ~ *расписание поездов* и др.

2. Специфически чешские грамматические термины, которые не имеют эквивалентов в русской терминологии.

Примечательно, что в чешском языке существуют такие грамматические термины, которые не имеют эквивалентов в русской грамматической терминологии. Это термины, номинирующие специфически чешские грамматические явления и процессы. Примером могут служить следующие термины:

přechylování / moce — последовательно выраженное в чешском языке явление образования по определенным моделям имен существительных, обозначающих лиц женского пола, от соответствующих имен мужских [Lotko 2003: 74]: *filolog* — *filoložka*, *ministr* — *ministrkyně*, *dělník* — *dělnice*;

násobená slovesa — специфичная для глаголов чешского языка живая категория многократности, выражающая повторение действия в различных временных планах; эта категория активно функционирует в современном чешском языке, в отличие от русского, например: *číst* — *čítat* — *čitávat/cítávávat*, *mít* — *mívat*;

různosklonnost / heteroklíze — грамматическое явление, когда одно и то же слово имеет формы, созданные от разных корней, и склоняется по разным образцам, напр. *kotě* — *kotěte*, *dítě* — *děti* [Lotko 2003: 44];

Wackernagelovo pravidlo — правило порядка слов для строго определенного места энклитик в предложении [Lotko 2003: 126], напр.: *Vrátil jsem se pozdě večer.*

3. Яркая отличительная черта чешской грамматической терминологии — общепринятая дублетность, dvojvrstevnost («двуслойность») [Jedlička 1962: 119], широко распространенная параллельность собственно чешских (*domácích*) и иностранных терминов. Точнее говоря, для номинирования одного и того же понятия морфологии или синтаксиса существует как иностранный по происхождению (интернациональный) термин, чаще всего греко-латинский, так и термин «свой», собственно чешский, нередко представляющий собой кальку на славянской почве: *tvaroslovi/morfologie, skladba/syntax, podstatné jméno/substantivum, přídavné jméno/adjektivum, sloveso/verbum, časování/konjugace, podmět/subjekt, přísudek/predikát, předmět/objekt, přisuzování/predikace, příklonka/enklitikon, předklonka/proklitikon, východisko výpovědi/téma, jádro výpovědi/réma* и т.д. Проведенный анализ показал, что в обследованном массиве чешских терминов дублетность более всего распространена у морфологических терминов (67%), среди терминов синтаксиса доля дублетных терминов значительно меньше (32%), но также весьма значительна.

Эти два «слоя» терминов, с одной стороны, национальных чешских, с другой стороны, интернациональных, можно видеть как в научной области, так и в школьном преподавании. Они последовательно представлены и в учебниках чешского языка как иностранного, изданных в Чешской республике. Несмотря на некоторые преимущества заимствованного термина перед исконным (краткость, широкие словообразовательные возможности), с точки зрения *дидактической* следует признать предпочтительным именно исконный термин, так как национальные термины более информативны [Сложеникина 2016: 10].

4. Содержательная мотивированность собственно чешских грамматических терминов.

Анализ показывает, что значительная часть грамматических (как и в целом лингвистических) терминов представляет собой оригинальные образования на базе собственно чешского языка. В основу термина, как правило, кладутся *существенные* признаки научного понятия, поскольку научные понятия формируются в результате обобщений, полученных в процессе познания существенных признаков реалии и отвлечения от признаков малосущественных [Лемов 2000: 64]. Так термин получает *содержательную мотивацию*, ярко выраженную *ментальную* характе-

ристику. Мотивированность собственно чешских грамматических терминов – это важное проявление самобытности чешской грамматической терминологии, выражение *национальной ментальности*. Ввиду своей мотивированности собственно чешские термины прозрачны, сообщают о сущности понятийного содержания, отражают своей языковой формой необходимые и достаточные признаки понятия, позволяют лучше понимать значение термина, не прибегая к его дефиниции.

Как показывает опыт, знание **чешской** грамматической терминологии, учет ее *национальной специфики* целесообразны и необходимы в преподавании чешского языка как иностранного русским студентам-филологам. Именно собственно чешский, а не иноязычный термин имеет ясную содержательную мотивацию, что помогает студентам его лучше освоению, способствует осознанному представлению понятийной отнесенности термина, а тем самым – овладению сущностью самого языкового явления (процесса), обозначенного термином. Таковы собственно чешские названия частей речи, членов предложения, многих грамматических категорий и форм. У некоторых терминов мотивировка выражает какую-либо черту обозначаемого понятия, например, структуру, как у термина *souvěťí* («сложное предложение») – по отношению к термину *věta* («предложение»). У других с помощью мотивации указывается на включенность понятия и термина в систему, как у специфически чешских названий падежей: *druhý pád*, *třetí pád*, *čtvrtý pád*, *pátý pád* и т.д. Мотивация может также выражать соответствие (полное или частичное) лексическому значению исходного слова. Так, термины *časovat*, *časování* от *čas* («время») выражают не только изменение глагола в соответствии с грамматическим временем, но и лицо, число, наклонение, залог. Показательным примером являются чешские грамматические термины *stupňování*, *první stupeň*, *druhý stupeň*, *třetí stupeň*, которые своей внутренней формой отчетливо выражают, в отличие от русской грамматики, алгоритм образования соответствующей формы имен прилагательных (или наречий), а именно, ‘последовательную ступенчатость процесса’; ср.: *krásný* → *krásnější* → *nejkrásnější*. В русском языке при образовании этих форм не наблюдается последовательная ступенчатость, так как превосходная степень образуется чаще всего от формы положительной степени, ср: *самый быстрый* < *быстрый*. Интересно, что и сам исходный однословный термин *stupňování* (отглагольное образование при помощи суффикса *-ní* со значением процессуальности) своей внутренней формой означает ‘определенную ступенчатость, последовательность’ данного грамматического процесса. В русском языке нет

прямого эквивалента чешскому термину *stupňování*, которому могут соответствовать и «степени сравнения в целом», и «образование степеней сравнения», и «изменение по степеням сравнения».

Ясную содержательную мотивацию, в отличие от соответствующих русских терминов, имеют и многие синтаксические термины чешского языка. Так, чешский термин *skladba* означает ‘то, что складывается в последовательность’, тогда как соответствующий ему заимствованный термин *syntax* не имеет содержательной мотивации. Очевидна мотивированность и чешского узлового термина *věta*, образованного от устаревшего чешского глагола *větiti* – ‘*mluvit*’ (‘говорить, разговаривать’) [Rejzek 2001: 708]. Русский эквивалент *предложение*, представляющий собой кальку с латинского *propositio* (от многозначного глагола *propono* – ‘предлагать, рассказывать, повествовать, упоминать’), не имеет ясной содержательной мотивации. Ср. более мотивированный русский термин М. Смотрицкого *глаголание*, образованный от *глаголати* – ‘говорить, сказывать’. Мотивированными в чешском языке, по сравнению с русскими эквивалентами, являются и другие синтаксические термины: *slovosled*, *vsuvka*, *větný vzorec*, *větný útvar*, *syntaktická dvojice*, *jednoduchá věta*, *vedlejší věta*, *souvěťí*, *větosled*, *holá věta* и др.

Разумеется, осознание студентом мотивированности грамматических терминов способствует лучшему представлению своеобразия чешской ментальности, помогает запоминанию термина, привлекает внимание студента к существенным свойствам термина, его понятийного содержания. Использование когнитивных характеристик собственно чешских грамматических (и в целом лингвистических) терминов в преподавании чешского языка как иностранного может и должно стимулировать творческую и учебно-научную активность студентов.

Когнитивный подход и осознание понятийной отнесенности синтаксических терминов разных языков необходимы и в научном плане – при сопоставительном исследовании структуры простого предложения в чешском и русском языках. При этом важно принимать во внимание понятийное содержание синтаксических терминов. Действительно, при сопоставительном анализе вызывают значительные затруднения национальное своеобразие чешской синтаксической терминологии, неодинаковые грамматические традиции, существующие в России и Чехии. В таком случае возникают существенные различия в строении простого предложения, и, как следствие, в классификации структурных типов предложения в чешском и русском языках. Так, известно, что чешские и русские типы простого предложения нетождественны. Например, рус-

ский *dvusostavný тип* далеко не идентичен чешской *dvojčlenné větné struktuře*. Дело в том, что в чешских предложениях «двучленных» (*dvojčlenné*) подлежащее часто может быть словесно не выражено. Такие чешские предложения, в которых подлежащее-субъект словесно не выражен, например: *Bojím se psa; Vrátil jsem se pozdě večer* – квалифицируются, в отличие от русской грамматической традиции, как предложения двучленные, а не одночленные [Havránek, Jedlička 1960: 345]! Ясно, что в качестве *tertium comparationis* в данном случае не могут служить сами синтаксические термины, и при сопоставительном синтаксическом анализе нельзя подходить к структуре предложения в одном языке терминологическими «мерками» другого языка. Важно учитывать *понятийное содержание* терминологических единиц и на семантической основе проводить сопоставительный анализ структуры простого предложения в русском и чешском языках.

В заключение можно кратко констатировать, что чешская и русская грамматические терминологии обнаруживают существенные структурные и семантические различия. Собственно чешская грамматическая терминология в сравнении с русской в большей степени ориентирована на понятийную отнесенность и обладает ясной содержательной мотивацией. Это важно в лингводидактическом плане в преподавании чешского языка как иностранного, так как когнитивный аспект грамматической терминологии способствует лучшему пониманию своеобразия как чешского, так и русского языков, составляет важную часть грамматической и коммуникативной компетенций обучающихся.

Список литературы

1. Головин Б.Н. Лингвистические термины и лингвистические идеи // Вопросы языкознания. 1976. № 3. С. 20–34.
2. Головин Б.Н. Проблема предметной и понятийной отнесённости лингвистических терминов (на материале терминов синтаксиса) // Термины в языке и речи: Межвуз. сборник / Отв. ред. В.Н. Немченко. Горький: Издательство ННГУ, 1985. С. 3–13.
3. Головин Б.Н. Термин и слово // Термин и слово: Межвуз. сборник / Отв. ред. Б.Н. Головин. Горький: Издательство ГГУ, 1980. С. 3–12.
4. Дюбо Б.А. Филипп Меланхтон и русская грамматическая традиция. СПб: Изд-во СПб ун-та, 2005. 164 с.
5. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск: Изд-во Мордов. Ун-та, 2000. 192 с.

6. Немченко В.Н. Грамматическая терминология: словарь-справочник. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 592 с.
7. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 120 с.
8. Циткина Ф.А. Аспекты развития исследований в сопоставительном терминоведении // Термины в структурно-семантическом и функциональном аспектах: Межвуз. сб. / Отв. ред. В.Н. Немченко. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 1991. С. 95–104.
9. Циткина Ф.А. Теоретические и инженерно-лингвистические основы сопоставительного терминоведения: Автореф. дис. ... докт. филол. наук / Воен. ин-т. М., 1988. 38 с.
10. Bauer J. Terminologie syntaktická // Славянска лингвистична терминология. Сб. статии / Л. Андрейчин, П. Ивич, А.В. Исаченко, А. Йедличка (eds.). София: Издателство на Българската академия на науките, 1962. С. 40–45.
11. Bischofová J., Hasil J., Hrdlička M., Kramářová J. Čeština pro středně a více pokročilé. Univerzita Karlova v Praze, Praha, 2012. 265 s.
12. Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Praha: SPN, 1960. 560 s.
13. Holá L., Bořilová P. Český krok za krokem 2. Praha: Akropolis, 2009. 208 s.
14. Jedlička A. Charakteristika české lingvistické terminologie// Славянска лингвистична терминология. Сб. статии. София: Издателство на Българската академия на науките, 1962. С. 117-125.
15. Lotko E. Slovník lingvistických terminů pro filology. Olomouc: Univerzita Palackého, 2003. 128 s.
16. Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha: Leda, 2001. 752 s.
17. Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha: Akademia, 2005. 648 s.

CZECH GRAMMATICAL TERMINOLOGY IN COMPARISON WITH RUSSIAN TERMINOLOGY

© S.A. Rylov

Comparative Slavic terminology study has become one of the most relevant areas of modern linguistics. The subject of this research is Czech grammatical terms (simple and compound) which express basic concepts of morphology and syntax, compared with their equivalent Russian terms. The initial methodological basis is the theoretical provisions of terminology (B. N. Golovin) and comparative linguistics. The basis for comparing the Czech and Russian terminology units is their conceptual relevance. The purpose of the research is to identify specific features of Czech grammatical terminology and show their important role: a) in linguodidactics, b) in comparative syntactology. In total, about 600 Czech grammatical terms extracted from dictionaries and textbooks for foreigners were analyzed. Lexical, structural-semantic, national-specific, and cognitive features of Czech grammatical terminology in comparison with the Russian one are established. Its bright feature is the generally accepted duplicity. Content motivation of the native Czech (non-foreign) terms is manifestation of the identity of

the Czech grammatical terminology, an expression of the national mentality. Special attention is paid to the importance of taking into account the peculiarities of grammatical terminology in teaching Czech as a foreign language in the Russian environment.

Keywords: term, comparative approach, Czech grammatical terminology, Russian grammatical terminology, tertium comparationis, specific features of Czech grammatical terms, common duplicity, content motivation, linguodidactics, comparative Slavic syntactology.

ЗАМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ VS. ДЕРИВАЦИЯ ПО КОНКРЕТНОМУ ОБРАЗЦУ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИЙНОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ*

© *Н.А. Самыличева*

В статье рассматриваются особенности образования неологизмов, созданных путем заменительной деривации и по конкретному образцу. Разграничение данных словообразовательных способов по-прежнему представляется сложным для современной лингвистики. Анализ и определение конкретного способа словообразования неологизмов становится возможным благодаря применению структурно-семантического и функционально-дискурсивного подходов.

Ключевые слова: неологизмы, заменительная деривация, конкретный образец, словотворчество, массмедиа.

Неологизмы, функционирующие в речи массмедиа, субъективны, они выражают авторское видение мира и репрезентируют индивидуальное знание в необычных языковых формах. Интересным представляется отношение к словообразовательной системе окказиональных слов, созданных путем заменительной деривации и образованных по конкретному образцу.

Заменительная деривация, или субституция, является дискуссионным окказиональным способом, поскольку зависимость от конкретного слова напоминает производство окказионализмов по конкретному образцу, и это приводит к признанию либо отрицанию данного способа исследователями. «Если дефиниция термина “субституция” совпадает в различных работах (А.Ф. Журавлев, И.С. Улуканов, Р.Ю. Намитокова), то на практике наблюдаются различия в трактовке этого способа окказионального словообразования» [Нефляшева 1998: 14]. Частичное признание заменительной деривации отражено в исследованиях А.Ф. Журавлева: под явлением субституции он понимает «подстановку одной морфе-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

мы на место другой морфемы или произвольного сегмента в готовое слово» [Журавлев 1982: 73], при этом окказионализм «появляется не по модели, не в соответствии с каким-либо словообразовательным типом, а “на глазах” (И.С. Улуханов) носителя языка по образцу какого-либо одного, вполне определенного, конкретного слова» [Там же].

«Деривация по конкретному образцу» (Е.А. Земская, М.А. Михайлов, Л.В. Рацибурская, И.С. Улуханов) также объясняется как «аналогическое словообразование или словообразование по аналогии» (Е.С. Кубрякова) или «предсказамус-прием» (С.В. Ильясова). В науке сложилось несколько трактовок данного понятия.

При «аналогическом словообразовании» «создание производного слова происходит по ориентации на существующий лексический образец. В этих словообразовательных процессах по аналогии механизмом процесса является копирование готового образца, причем образцом для подражания становится знакомая лексическая единица с определенной внутренней формой, которую и повторяет говорящий в акте номинации» [Кубрякова 1981: 26].

Как отмечает Е.А. Земская, «образование по конкретному образцу всегда формально и семантически соотносится с “прообразом”. <...> Без аналогического сопоставления, аналогического фона новое слово не может быть понято, и, следовательно, не может существовать» [Земская 1992: 184]. «Конкретный образец может быть как производным словом, так и непроизводным, но вычленившим какие-то сегменты. Создавая окказионализм, творец может отчетливо осознавать связь с прообразом и эксплицировать ее. При этом в качестве форманта, структурирующего окказионализм, часто используется не аффикс, а какой-либо фрагмент слова-прообраза. Так, окказионализм *крикаиин* воспринимается на фоне *новокаина*» [Земская 2009: 194]. Образец при этом следует понимать как «слово, структурно-семантические отличия которого от однокоренного (исходного) слова языка воспроизводятся в деривационном процессе» [Михайлов 1989: 59].

В науке нет единого понимания «словообразования по конкретному образцу». Так, А.П. Сковородников рассматривает подобные случаи как контаминацию [Сковородников 2003]; некоторые ученые отождествляют деривацию по конкретному образцу и заменительную деривацию, или субституцию. Например, И.А. Нефляшева отмечает, что «в случае, если субституции подвергается одноосновное слово, указанный процесс может рассматриваться как отмеченное ранее исследователями образование по конкретному образцу, аналогу: *уматерить* < *усыновить*, без-

вечность < безвремяе» [Нефляшева 1998: 14]. Отождествление данных понятий наблюдается в исследовании И.С. Улуканова (1998). Исследователь полагает, что формантом при деривации по конкретному образцу является «не новый корень или основа (они входят в мотивирующее слово), а служебные морфемы и другие словообразовательные средства слова, являющегося образцом для нового слова» [Улуканов 1998: 140–141].

Разграничивая два вышеназванных вида деривации, еще раз подчеркнем, что при деривации по конкретному образцу формант слова-образца воспроизводится, а производящая основа меняется. При замещающем словообразовании осуществляется замена аффикса при том же корне в случае трансаффиксации или замена одного из корней или более протяженной части в сложном слове при трансрадикации.

Окказиональные слова, созданные по конкретному образцу, – это окказионализмы, созданные по образцу отдельного слова типовой структуры или по образцу членимого слова, но непроеводного, не входящего в словообразовательные типы, а также слова с уникальным аффиксом. Окказионализм воспроизводит словообразовательную структуру (формант) слова-образца или какую-либо его часть.

При образце типовой структуры новообразование «“копирует” типовую структуру слова-образца, формант слова-образца присоединяется к уже иной мотивирующей основе» [Рабиурская 1992: 36].

При появлении новообразований, созданных по конкретному образцу типовой структуры, критерием определения данного способа можно считать семантические и формальные особенности окказионализма. Формальные критерии – это фонетическое подобие конкретному образцу, семантические – наличие «семантического компонента (это с несомненностью вытекает из контекста, в котором новообразование появляется), составляющего постоянно идиоматическое приращение конкретного слова такой структуры» [Михайлов 1989: 72].

О деривации по конкретному образцу можно говорить, прежде всего, в тех случаях, когда образец представлен в контексте; если же образца в контексте нет, то критериями выделения деривации указанного типа могут быть, например, прецедентный феномен или семантические связи неологизма с узальным словом, а именно: общая тематическая группа, наличие общей семы, синонимические, антонимические отношения.

Например, новообразование *избиватель*, при образовании которого наблюдается формальная близость соответствующему конкретному образцу *избиратель*, функционирует в составе анекдотов: *Из газеты:*

«Уважаемые читатели! В прошлом номере в заметке «Встреча депутата с избивателями», к сожалению, допущена ошибка (<https://www.nnov.kp.ru/daily/24173/383840/>). Лексема избиватель, созданная по образцу узуальной лексики избиратель при помощи суффикса –тель, образована от глагола избивать и называет лицо, «производящее действие или предназначенное для осуществления действия, названного мотивирующим словом» [РГ 1980].

Узуальная лексема *бомбардировки*, присутствующая в микроконтексте, указывает на исходную лексику *бомбоубежище*, ставшую конкретным образцом для новообразования *любвеубежище* со схожей семантикой ‘специальное укрытие от любви’: Иногда мне хочется назвать нашу кухню *«любвеубежищем»*, потому что время от времени наши друзья прячутся на ней не от одиночества и неустроенности, а от тотального контроля и бомбардировок любовью (<https://www.matrony.ru/lyubveubezhishhe/>).

Очевидным является выделение неологизма, созданного по конкретному образцу – слову *негритят*, – в составе прецедентного имени, названия детективного романа Агаты Кристи «Десять негритят». *10 логистят: кто следующий?<...> 2019 год станет годом «зачисток» транспортного сектора, включая «особо подозрительные» отраслевые направления. К таковым относится логистика – и в Набережных Челнах процесс по перевозчикам набирает обороты* (<https://versia.ru/o2-v-naberezhnykh-chelnax-podal-pod-pricel-fiskalnyh-organov>). Новообразование *логистята* создается с нарушением словообразовательного типа – от названия профессии *логист* при помощи суффикса *-ат*. Прецедентный феномен и фонетическое созвучие с узуальной лексемой позволяют говорить о словообразовании именно по конкретному образцу.

Окказионализмы – это такие лексические единицы, которые в отрыве от контекста невозможно свободно интерпретировать. Особенно этот факт становится релевантен в случае с новообразованиями, созданными по конкретному образцу.

По сравнению с окказионализмами, созданными по конкретному образцу слов типовой структуры, окказионализмы, созданные по конкретному образцу нетиповой структуры, обладают большей экспрессивностью. Среди окказионализмов нестандартной структуры, нарушающих нормы словообразования, особой экспрессией обладают новообразования, созданные на базе имени собственного.

Так, по конкретному образцу нетипового слова *брексит* / *брекзит* (Britain (Британия) и Exit (выход)) образован окказионализм *мегзит*

(Меган Маркл + брекзит) с воспроизведением произвольного фрагмента -зит: *Принц Гарри выступил с первой публичной речью после «мегзита»*: «Нам нужно было уйти, у нас не было иного выбора» (https://yandex.ru/turbo?promo=navbar&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&text=https%3A%2F%2Fru.hellomagazine.com)).

Как показывает наше исследование, заменительная деривация в современных средствах массовой информации, является одним из самых продуктивных окказиональных процессов создания новых слов. Чаще встречается трансрадикация как разновидность заменительной деривации.

Замена первой корневой части наблюдается в следующих окказионализмах: *марс-бросок*, *банк-бросок*. Примечательно, что одно и то же слово становится исходным для неологизмов в различных статьях: *Марс-бросок: три миссии придут к Красной планете в феврале 2021 года* (<https://rg.ru/2020/07/24/mars-brosok-tri-missii-pribudut-k-krasnoj-planete-v-fevrale-2021-goda.html>); *Банк-бросок. Российские банки берут курс на Крым* (<https://www.audit-it.ru/news/finance/712207.html>).

Замена второго корня наблюдается в следующих случаях: *Киоск «Союзпечаль»*. Газетный киоск становится такой же приметой прошлого, как мальчишка-газетчик. <...> Если рынок печатных СМИ и примет смерть, то вовсе не от интернета, как принято считать, а от системы распространения (<https://www.kommersant.ru/doc/2320642>); *Карт-реванш*. Санкции США помимо банков ударили по простым гражданам (<https://www.kommersant.ru/doc/2436267>).

Интересен случай, когда в пределах микроконтекста встречаются два-три сложных неологизма, похожих по своей структуре. Такое «соседство» окказиональных единиц усиливает их экспрессивность. Вместо «*главноуговаривающего*» нужен «*главноотвечающий*». Есть благие намерения, но нет возможности поддержать сельхозпроизводителя у профильного министра Леонида Седова... В своей деятельности министр Седов публично выступает в роли «*главноуспокаивающего*». Мол, все было у нас хорошо, да вдруг цены на удобрение и дизельное топливо поднялись, но все равно село будет жить. Нет четкой линии у министра Седова (<https://www.lensmena.ru/2008/09/09-09-20-29/>). На основе узуальной лексемы *главнокомандующий* создается сразу три окказионализма *главноуговаривающий*, *главноотвечающий*, *главноуспокаивающий*, характеризующих деятельность министра Леонида Седова с разных сторон. Е.А. Земская обозначила такой прием как «словообразовательный куст» [Земская 2009: 196].

Менее частотны в массмедиа случаи трансaffиксации. Транспрефиксация наблюдается в случае с окказионализмом *поуехать*: *Поуехали тут: чем грозит России отток мигрантов. Как страна оказалась на пороге неожиданного для обывательского сознания миграционного кризиса и почему это скорее плохо, чем хорошо?* (<https://www.bfm.ru/news/412648>). Устойчивое выражение «понаехали тут» обыгрывается в заголовке с новообразованием неузальной структуры – исходный префикс *на-* заменяется префиксом *у-*.

Таким образом, разграничение неологизмов, созданных путем заместительной деривации и деривации по конкретному образцу, по-прежнему представляется довольно сложной теоретической проблемой. Безусловным является тот факт, что они отличаются яркой экспрессией и часто носят развлекательный характер, являясь одними из самых характерных приемов словообразовательной игры в современных массмедиа. Примечательно, что в обоих случаях реципиент опосредованно участвует в создании окказионализмов, проводит аналогии – тем самым интеллектуализируется сам процесс восприятия подобных авторских неологизмов.

Список литературы

1. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С.45–109.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 224 с.
3. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 220 с.
4. Изотов В.П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): Дис. ... докт. филол. наук. Орел, 1998. 341 с.
5. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 198с.
6. Михайлов М.А. Речевая номинация и выделяемость морфем. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. 162 с.
7. Нефляшева И.А. Новообразования в газетно-публицистическом стиле: системно-функциональный анализ (На материале 1991–1997 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Майкоп, 1998. 22с.
8. Рацибурская Л.В. Окказиональное слово и словообразовательная система // Соотношение системности языка и его функционирования: межвуз. сб. науч. тр. Н. Новгород: НГПИ им. М. Горького, 1992. С. 32–43.
9. РГ – Русская грамматика. Т.1. 1980 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/morf1t.html> (дата обращения 17.09.2020).

10. Сковородников А.П. Контаминация словообразовательная // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М.: ФЛИНТА: Наука, 2003. С. 272–274.

11. СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. / под ред. Т.Ф. Ефремовой. М., 2006.

12. Улуханов И.С. Трансфиксация и образование слов по конкретному образцу. Сеул. 1998. С. 131–150.

**SUBSTITUTIONAL DERIVATION VS.
DERIVATION ON A SPECIFIC SAMPLE
IN MODERN RUSSIAN MEDIA WORD CREATION**

© N.A. Samylicheva

The article discusses the features of the formation of neologisms created by substitutional derivation and according to a specific model. The differentiation of these word-formation methods is still difficult for modern linguistics. Analysis and definition of a specific way of word formation of neologisms becomes possible due to the use of structural-semantic and functional-discursive approaches.

Keywords: neologisms, substitutional derivation, a specific pattern, word creation, mass media.

ИНТЕГРАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на примере локативов)

© Л.Н. Федосеева, Т.Е. Алексеева

Цель работы – исследовать языковые механизмы, служащие объединению слов на основе общности или близости их словообразовательного значения. Ориентируясь на методологию функционально-коммуникативной грамматики, мы использовали подход к изучению языковых фактов «от функции к форме». В анализе языкового материала применялись методы наблюдения и описания, компонентного анализа. Делается вывод о том, что словообразование, являясь механизмом, существующим в языковой структуре и связанным с другими механизмами или уровнями языка, характеризуется специфическими лингвистическими функциями. Интегративная функция проявляется в объединении слов на основе общности или близости их словообразовательного значения. В сфере локативности активно проявляются деривационные процессы, роль которых состоит в специализации номинативных сфер и внешней маркированности слов как носителей локативного смысла. Образование имён существительных, имён прилагательных идёт на базе лексем, обозначающих локумы: места событий, вместилища. Благодаря разнообразным деривационным процессам количество слов, участвующих в выражении локативности, постоянно увеличивается. Именно в области словообразования устанавливаются системные отношения между лексикой и грамматикой.

Ключевые слова: словообразование, интегративная функция, локативные наименования, словообразовательный тип, лексика, грамматика.

Словообразование, являясь механизмом, существующим в языковой структуре и связанным с другими механизмами или уровнями языка, характеризуется специфическими лингвистическими функциями [Федосеева 2013: 165–181].

«В отношении к лексическому уровню их две: конструктивная (или продуктивная) и интегративная. Конструктивная функция проявляется в пополнении и изменении словарного состава языка. Интегративная – обнаруживается в объединении слов на основе общности или близости их словообразовательного значения. Поскольку последняя функция одновременно и распределяет слова по соответствующим словообразовательному значению группам, разрядам, типам, постольку она является также и классифицирующей.

В отношении к морфологическому уровню можно говорить о вариативной функции словообразования, состоящей в модификации единого морфологического значения (предметности, качества, процесса) за счёт наложения на него значения словообразовательного.

Сказанное довольно чётко определяет место словообразования в структуре русского языка: с одной стороны, оно является связующим звеном между основным словарным фондом и грамматикой, с другой – направляет и упорядочивает формы и виды связей основного словарного фонда с общим словарным составом языка» [Ефремова 2005: 614–615]. Таким образом, словообразование способствует формированию лексических значений, группировке слов в отдельные функционально-семантические категории.

Значительная часть локативных наименований представляет собой непроемные искомные или заимствованные слова, которые не имеют внутренней формы и входят в данную сферу по функциональному назначению: обозначают места, где разворачиваются определённые события. Ср.: *город, страна, дом, фабрика, школа, университет, квартира* и т.д.

В данной области активно проявляются и деривационные процессы (аффиксация, словосложение, конверсия), функция которых состоит в специализации номинативных сфер и внешней маркированности слов как носителей локативного смысла.

Имена существительные с локативным значением часто образуются посредством суффиксов, например *-ищ-* – со значением пространства, которое характеризуется признаком, названным мотивирующим именем существительным: *пожарище, городище*.

Высокую активность у имён прилагательных проявляют здесь префиксально-суффиксальные словообразовательные элементы, например *над-...-н-* – нерегулярная словообразовательная единица, образующая имена прилагательные со значением «поверх», «сверх чего-нибудь»: *надбровные*.

Более детально деривационные средства выражения локативности представим, рассмотрев словообразовательные типы. «Под словообразовательным типом понимается схема построения слов, характеризующаяся общностью деривационного значения аффикса, который в сочетании со словами (или основами слов) одной или разных частей речи образует производные определённого лексико-грамматического, семантического, акцентного и экспрессивно-стилистического ряда. Словообразующей единицей (или формантом: *лат. formantis* – «образующий») называется наименьшее в формальном и семантическом отношении словообразовательное средство из числа тех, которые в словообразовательной паре

отличают каждое производное слово от его лексического предшественника, т.е. от его производящего. За словообразовательной единицей закрепляется деривационное значение, которое является компонентом структуры производного слова, имеет связанный с категориальным и лексическим значениями характер, выявляется в рамках словообразовательного типа и определяется отношением элементов словообразовательной пары», – отмечает Т.Ф. Ефремова [Ефремова 2005: 617].

Имена существительные.

Имена существительные со значением места образуются префиксальным, суффиксальным (по агглютинативному типу), но чаще префиксально-суффиксальными способами.

Префиксы:

1) *при-* – довольно регулярная, но непродуктивная словообразовательная единица, образующая имена существительные со значением территории, которая непосредственно примыкает к той, что названа мотивирующим именем существительным, например: *Прибалтика*, *пригород*;

2) *интер-* – нерегулярная словообразовательная единица со значением территории, расположенной посередине того, что названо мотивирующим именем существительным: *интерплантация*.

Суффиксы:

1) *-ыр-* – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном мужского рода со значением пространства, которое характеризуется признаком, названным мотивирующим именем прилагательным: *пустырь*;

2) *-ище-* – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном мужского рода со значением пространства, которое характеризуется признаком, названным мотивирующим именем существительным: *пожарище*, *городище*;

3) *-ух-а (-юх-а)* – нерегулярная словообразовательная единица со специфическим значением «место + отрицательная коннотация», образующая экспрессивные существительные: *сараяуха*, *развалюха*, *кольцевуха* (кольцевая дорога).

Префиксально-суффиксальные словообразовательные единицы:

1) *вз-...-ј-* (*вс-...-ј-*) – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в именах существительных, которые обозначают место, территорию, расположенные близ или вдоль того, что названо мотивирующим именем существительным: *взморье*, *всполье*;

2) *вз-...-ок-* – нерегулярная словообразовательная единица, образующая имена существительные, которые по своему значению напоминают

те, что названы мотивирующим именем существительным: **взгорок**, **взгорбок**;

3) *при-...-j* – регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая имена существительные со значением места или пространства, которые расположены вблизи или вдоль того, что названо мотивирующим именем существительным (в роли которого могут выступать и географические наименования), например: **прибережье** и **прибрежье**, **Приволжье**, **Прикарпатье**, **приморье**, или именем прилагательным, входящим в состав мотивирующего словосочетания, например: **Приазовье**, **Прионежье**, **Приполярье**;

4) *про-...-ок-* – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном со значением располагающейся между чем-либо части того, что названо мотивирующим именем существительным: **простенок**;

5) *раз-...-ин-* (*рас-...-ин-*) – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в именах существительных, которые обозначают место, характеризующееся высокой степенью проявления того, что названо мотивирующим именем существительным: **расщелина**;

6) *раз-...-j-* (*рас-...-j-*) – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в именах существительных, которые обозначают место, характеризующееся разьединением, расхождением, перекрещиванием того, что названо мотивирующим словом: **раздорожье**, **распутье**;

7) *у-...-j-* – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени существительном со значением территории, расположенной в непосредственной близости от того, что названо мотивирующим именем существительным: **угорье**;

8) *между-...-j-* (*меж-...-j-*) – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в именах существительных со значением территории, расположенной посередине того, что названо мотивирующим именем существительным, например: **междуречье**, **междуцарствие**, **межбровье**;

9) *над-...-иц-* – нерегулярная словообразовательная единица, образует имена существительные со значением «поверх», «сверх чего-нибудь»: **надгробие**;

10) *черес-...-иц-* – нерегулярная словообразовательная единица, образует имена существительные со значением чередования чего-нибудь: **чересполосица**.

Имена прилагательные.

Имена прилагательные с локативной семантикой образуются суффиксальным и префиксально-суффиксальным способом агглютинативно. Активны словообразовательные единицы:

1) *-н-* – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в именах прилагательных со значением «признак по отношению (или принадлежности) к месту, названному производящим словом», например: *коридорный, уличный*;

2) *-ск-* – регулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в именах прилагательных со значением «признак по отношению (или принадлежности) к месту, названному производящим словом», например: *московский, российский*;

3) *вне-...-альн-* – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени прилагательном со значением признака, который характеризуется нахождением или происхождением за пределами того, что названо мотивирующим именем существительным, например: *внеконтинентальный*;

4) *вне-...-арн-* (*вне-...-ярн-*) – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени прилагательном со значением признака, который характеризуется нахождением или происхождением за пределами того, что названо мотивирующим именем существительным, например: *внемолекулярный*;

5) *вне-...-ебн-* – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени прилагательном со значением признака, который характеризуется нахождением или происхождением за пределами того, что названо мотивирующим именем существительным, например: *внесудебный*;

6) *вне-...-ейск-* – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в имени прилагательном со значением признака, который характеризуется нахождением или происхождением за пределами того, что названо мотивирующим именем существительным, например: *внеевропейский*;

7) *вне-...-енн-* – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в именах прилагательных со значением признака, который характеризуется нахождением или происхождением за пределами того, что названо мотивирующим именем существительным, например: *вневедомственный, внегосударственный*;

8) *вне-...-н-* – регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая имена прилагательные со значением признака, кото-

рый характеризуется нахождением или происхождением за пределами того, что названо мотивирующим именем существительным, например: **внеклассный, внестудийный, внешкольный**;

9) *вне-...-ов-* (*вне-...-ев-*) – довольно регулярная, но непродуктивная словообразовательная единица, выделяющаяся в именах прилагательных со значением признака, который характеризуется нахождением или происхождением за пределами того, что названо мотивирующим именем существительным, например: **вневойсковой**;

10) *вне-...-ск-* (*вне-...-еск-*) – нерегулярная словообразовательная единица, выделяющаяся в именах прилагательных со значением признака, который характеризуется нахождением или происхождением за пределами того, что названо мотивирующим именем существительным, например: **внегородской, внезаводской** (и **внезаводский**), **внепарламентский**;

11) *над-...-н-* – нерегулярная словообразовательная единица, образует имена прилагательные со значением «поверх», «сверх чего-нибудь», например: **надбровные**;

12) *через-...-н-* – нерегулярная словообразовательная единица, образует имена прилагательные со значением чередования чего-нибудь, например: **черезрядный**;

13) *при-...-н-* – довольно регулярная, но непродуктивная словообразовательная единица, выделяющаяся в именах прилагательных со значением признака, который характеризуется нахождением или происхождением вблизи того, что названо мотивирующим именем существительным, например: **прибрежный, прикроватный**;

14) *при-...-ск-* – довольно регулярная, но непродуктивная словообразовательная единица, выделяющаяся в именах прилагательных со значением признака, который характеризуется нахождением или происхождением вблизи того, что названо мотивирующим именем существительным, например: **приморский, приозёрский**;

15) *за-...-ск-* – довольно регулярная, но непродуктивная словообразовательная единица, выделяющаяся в именах прилагательных со значением признака, который характеризуется нахождением или происхождением за пределами того, что названо мотивирующим именем существительным, например: **заволжский, заокский**.

Слова типа *аэродром, космодром, автодром, библиотека, дискотека, игротекa, картотека* образованы посредством словообразовательных элементов *-дром* и *-тек(а)*. В современной лингвистике их относят или к корням (корневым морфемам) и считают слова, в структуру кото-

рых входят эти словообразовательные элементы, сложными, или к морфемам переходного типа, а именно суффиксоидам, или к суффиксам. Последняя позиция преобладает. Так, Е.А. Земская справедливо отмечает: «Среди новых формантов, образующих предметную лексику, есть два разряда: аффиксоиды (-ход, -воз, -лёт и под.) и аффиксы (ср. «молодые» суффиксы типа -дром, -тек(а)). Основное различие между ними заключается в следующем: 1) первые сохраняют связи с корневыми морфемами (ср. -ход и *ходить*, -лёт и *летать*), тогда как вторые таких связей не имеют, ибо в языке (в данном случае – русском) нет слов с корнями -дром, -тек(а) и под.; 2) вторые имеют особый – аффиксоподобный – характер значения» [Земская 1992: 35].

Пополнение группы локативной лексики происходит также в результате субстантивации: *преподавательская, операционная, ординаторская, столовая, учительская, гостиная* и др.

В данной сфере в качестве мотивирующих основ используются названия животных и птиц, от которых образуются наименования помещений: *коровник, свиарник, птичник, псарня, овчарня, голубятня* и др.

Отмечается здесь и очень активный в современном русском языке деривационный процесс – семантико-синтаксический способ словообразования, в результате которого происходит свёртывание наименований: *Рязанка, Минка, Волгоградка, Ярославка, раздевалка, сушилка*. Такие наименования получаются из словосочетаний «имя прилагательное + имя существительное» и «являются яркой иллюстрацией процесса компрессии: на месте двухсловного сочетания образуется одно слово с тем же значением, при этом используется очень продуктивный в данном случае суффикс -к-а. Эта тенденция поддерживается действием закона речевой экономии» [Валгина 2003: 144].

В словообразовательных типах реализуется функциональный принцип номинации [Арутюнова 1980], то есть обозначение места по целенаправленному действию. В качестве мотивирующей основы при этом выступают глаголы различных лексико-семантических групп: действия, состояния, движения, пространственной локализации. Ср. производные от них: *парилка, причал, стойло, молотилка, спальня, стрельбище, кладбище, стойбище, объезд, съезд, слив, въезд, заезд, переход, подход, подъём, сход* и др. Образование новых слов идёт суффиксальным и бессуффиксным способами. В подобных существительных благодаря глаголам, к которым они восходят, во вторичном значении переплетаются локативные семы и значение действия, движения. Например: *вход* – место

для прохода внутрь чего-либо, *ввод* – место, через которое что-нибудь входит, вводится, вставляется куда-нибудь, *выезд* – место, через которое можно выехать откуда-нибудь, *течь* – отверстие, пробоина, через которые проникает вода, жидкость, *надлом* – надломленное место, трещина, *ход* – место или отверстие в стене здания, через которое проходят куда-либо, *лежбище* – место на суше, где залегают морские звери, *проезд* – место, где можно проехать.

Таким образом, в данной сфере образование имён существительных, имён прилагательных идёт на базе слов, обозначающих локумы: места событий, вместилища. Благодаря разнообразным деривационным процессам состав слов, участвующих в выражении локативности, постоянно увеличивается.

Речь идёт о деривационных значениях и словообразовательных средствах выражения семантики. Однако они не являются самостоятельными: морфемы реализуются только в составе слова, в значении его основы (речь идёт о мотивированных, то есть производных, вторичных, значениях, которые выводятся из значений производящей основы и словообразовательных аффиксов). Следовательно, словообразовательные средства нельзя рассматривать в отрыве от морфологических. Именно в области словообразования устанавливаются системные отношения между лексикой и грамматикой.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 156–249.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003. 304 с.
3. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц. 2-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2005. 636 с.
4. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.
5. Федосеева Л.Н. Категория локативности в современном русском языке. Дис. ... докт. филол. наук. Тамбов: ТГУ, 2013. 450 с.

INTEGRATIVE FUNCTION OF WORDBUILDING IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE (on the example of locatives)

© L.N. Fedoseeva, T.E. Alekseeva

The objective of the paper is to study language mechanisms serving to unite words on the basis of commonality or similarity of their word building meaning. Guided by the methodology of functional and communicative grammar, we made use of the “from function to form” approach to studying linguistic facts. To examine the language material, we applied the methods of observation and description as well as component analysis. Being a mechanism of the language structure connected to the other language mechanisms and levels, word formation is characterized by some specific linguistic functions. Integrative function manifests itself in uniting words on the basis of commonality or similarity of their word building meaning. Derivational processes are actively manifested in the area of locativity, their function being to specify nominative spheres and external markedness of words as carriers of locative meaning. Noun and adjective formation is based on the lexemes denoting locums of place, events, receptacle. Due to various derivational processes the number of words expressing locativity is constantly increasing. It is in the field of word formation that system relations between vocabulary and grammar are being established.

Keywords: word formation, integrative function, locative names, word building type, vocabulary, grammar.

О ТРАКТОВКЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ С УЧЕТОМ ПРИКЛАДНОГО АСПЕКТА (на примере глагольного вида)*

© Л. Ясаи

Преподаватель часто оказывается перед необходимостью выбора, когда лингвистами-теоретиками предлагаются разные интерпретации одного и того же языкового явления. В настоящем сообщении лингвистическое описание и рамки изучения глагольного вида определяются с учетом прикладного аспекта преподавания русского языка как иностранного. Автор исходит из того, что при изложении учебного материала является большей частью безразличным, каким образом и в каких теоретических рамках трактуется то или иное явление. В области проблематики глагольного вида анализу подвергаются следующие три вопроса: 1) Образование видовой пары – это словообразование или словоизменение? 2) Каковы критерии выделения видовых пар и как понимать вопрос о более широком истолковании видовой соотносительности? 3) Какое отношение имеет явление двувидовости к образованию видовой пары?

Ключевые слова: видовая парность, делимитативы, двувидовость, словоизменение, словообразование, сильное противопоставление.

0. Вводные замечания. Как показывает изучение теории грамматики, выделяется сравнительно большое число таких лингвистических проблем, которые позволяют по-разному подходить к решению той или иной задачи, и при этом аргументация, исходящая, как кажется, из противоречащих друг другу основных положений, может быть рациональной как в том, так и другом приближении. Это объясняется тем, что поиски решения некоторых проблем во многих случаях могут преследовать разные цели. Иными словами это значит, что, усилия исследователя, направленные на описание сложных явлений языка, могут определяться, в частности, и прикладными задачами науки. Следовательно, стремление лингвиста дать адекватное представление о разных фрагментах языковой системы предполагает определенные теоретические

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-512-23003 «Активные процессы в современном русском языке и их изучение в российской и венгерской лингвистике».

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR and FRLC, project number 20-512-23003 «Active processes in the modern Russian language and their study in Russian and Hungarian linguistics».

рамки с привлечением того или иного подхода, с учетом той или иной отрасли лингвистики. В нашем случае прикладную отрасль языкознания представляет педагогическая грамматика – такая грамматика, которая может служить естественным лингвистическим фоном для усвоения русского языка как иностранного. Если изучаемый феномен позволит, в учебной практике следует руководствоваться именно таким принципом. Чтобы подтвердить сказанное, я обращаюсь в своем выступлении к примерам из области глагольного вида. Касаться буду в этом плане трех общих вопросов, при интерпретации которых преподаватель языка стоит перед дилеммой в своей работе. Предварительно отмечу, что этот принцип во многих случаях можно распространить и на некоторые другие явления русского языка.

1. Словообразование или словоизменение? В русской аспектологии регулярно возобновляется «вечная» дискуссия о том, являются ли корреляты чисто видовой пары самостоятельными глаголами (словами) или грамматическими (т. е. видовыми) формами одного и того же глагольного слова. Речь идет, на самом деле, о попытке разграничения словообразования и словоизменения, что Н.В. Перцов считает классической проблемой общей теории грамматики [Перцов 2001: 69]. Не оспаривая данного утверждения, Анна А. Зализняк и А.Д. Шмелев отмечают, что такое разграничение не имеет принципиального значения, так как «всё существенное, что можно сказать про русский вид, можно сформулировать в рамках как того, так и другого подхода» [Зализняк, Шмелев 2000: 16]. С этим мнением с точки зрения носителя русского языка можно полностью согласиться. Однако, как мне кажется, в иностранной аудитории такая трактовка с полной свободой выбора неудобна, а что касается восприятия глагольного вида венгерскими учащимися, она может быть даже противоречивой. Говоря конкретно: неудобным является рассмотрение вида в качестве словоизменительной категории. В подтверждение сказанного приведу два аргумента. 1) Первый аргумент исходит из формальной характеристики слова. Видообразование, в том числе и образование соотносительных глаголов, базируется на использовании таких морфем – префиксов и суффиксов, – которые в нашем естественном и интуитивном представлении служат для глагольной деривации. Особенно при обучении иностранцев имеет принципиальное значение, что сам термин «пара» предполагает наличие двух отдельных глаголов, которые тесно связаны между собой (ср. [Титаренко 2019: 37]). 2) Второй аргумент является более веским и основывается на некой абсолютизации тождества лексического значения видовых коррелятов, на кото-

рое, говоря о видовых парах, принято ссылаться. Чтобы показать, в чем состоит переоценка данного аспекта, остановлюсь на этом вопросе более подробно.

Известно, что видовое противопоставление, в зависимости от позиции рассматриваемых глаголов совершенного вида (СВ) и несовершенного вида (НСВ), может быть сильным или слабым. При сильном противопоставлении глагол НСВ выражает процессно-длительное действие или состояние (или их какую-либо разновидность), и эти значения в венгерском языке передаются, как правило, глаголом другого лексического значения (иногда даже глаголом другого корня) или описательным способом. Для венгра (владеющего русским языком) представляется совершенно абсурдным говорить в таком случае о словоизменении и тем самым о грамматических формах одного и того же слова в рамках одного и того же лексического значения. Более конкретно: речь идет о таких противопоставлениях, как, например, *умирал и на другой день умер; поступал, но не поступил в университет; уговаривал, наконец и уговорил; меня убивали, да не убили; решал и не решил* и т.п. Ярким примером этого явления служит, в частности, следующий контекст, взятый из художественной литературы и цитируемый впервые В.В. Виноградовым [Виноградов 1986: 409]: *О, будьте уверены, что Колумб был счастлив не тогда, когда он **открыл** Америку, а когда **открывал** ее* (Ф.М. Достоевский. Идиот). В венгерском переводе эквивалентом выделенного глагола НСВ является совсем другой, не равнозначный глагол, имеющий значение 'искать'. Также лексически разные глаголы противопоставлены в переводе следующей цитаты: *Что же **делал** Бельтов в продолжение этих десяти лет? – Всё или почти всё. А что он **сделал**? – Ничего или почти ничего* (А.И. Герцен. Кто виноват).

Что касается разных примеров слабой оппозиции СВ и НСВ, в том числе и тривиальных типов, с помощью которых доказывается лексическая тождественность (ср., напр., *подошел и сказал* → *подходит и говорит* – такого рода преобразование называется тестом Ю.С. Маслова), то и в этом случае – по крайней мере в учебном плане – относительно состава видовой пары на формальном основании более естественно говорить о двух самостоятельных глаголах.

2. Вопрос о выделении видовых пар. Сам вопрос о видовой соотносительности представляет сложный раздел аспектологии, дискуссии о границах понятия видовой пары продолжают до настоящего времени [см. Горбова 2011; Горбова 2015; Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015]. При этом, как мне кажется, очевидно всем – как исследователям, так и

преподавателям, – что вовлекать иностранных учащихся в данную полемику нецелесообразно. В этой дискуссии делались, в частности, разные попытки для расширения понятия видовой соотносительности, и помимо понятия «видовой пары» возникли такие, более «гибкие», компромиссные термины, как «видовое партнерство», «видовой способ действия», «функциональные», «приблизительные» или «непрототипические» видовые пары. При широком понимании парности одни исследователи считают необходимым включить в данное понятие в качестве коррелята СВ и некоторые способы действия, а именно те дериваты, которые семантически близко стоят к чистому перфективному значению. В ряду таких модификаций наиболее приемлемым представляется приравнение именно дилемитативного способа действия к чистовидовому перфективному корреляту (см. *работать* – *поработать*, *гулять* – *погулять* и др.).

Несомненно, трактовка видовой парности для иностранной (венгерской) аудитории наиболее удобной оказывается в широком понимании. При учете делимитатива такой подход (назовем его лингводидактическим) предлагается по следующим соображениям.

1) Делимитатив часто употребляется не только для обозначения ограниченного пределом кратковременного действия, но попросту и потому, что в данном контексте следует употребить глагол СВ. В таком случае делимитатив воспринимается и как естественный перфективный коррелят непроизводного бесприставочного глагола. Об этом свидетельствуют, в частности, такие контексты, как, например, а) *Я хочу с вами поговорить*; б) – *Садитесь. – Спасибо, я постою* (простое будущее); в) *Мы не успели поиграть* и др. В книге [Петрухина 2000: 188] автор также приводит примеры с делимитативами, проявляющие в рамках видовой конкуренции и признаки парности. Например, *Ты уже читал / почитал? Вы уже играли / поиграли? Покатай / Катай меня на велосипеде!* [Там же: 188].

2) Если при противопоставлении двух глаголов доказывается, что глагол СВ функционально ведет себя по сравнению со своим мотивирующим глаголом НСВ таким же образом, как перфективные корреляты в случае подлинных, никем не оспариваемых видовых пар, то следует признавать данное противопоставление также соотносительным. Критерии выделения парности должны быть контекстуальными.

3) Иностранного учащегося интересует в первую очередь не вопрос о том, рассматривается ли некоторое противопоставление в качестве видовой пары в узком или широком смысле, его интересует прежде всего

то, глагол какого вида он должен употребить в данном контексте, в той или иной ситуации.

4) Наконец, трудно оставить без внимания и тот факт, что в учебной практике системным изучением способов глагольного действия (в том числе и изучением делимитативов) занимаются в лучшем случае только на сравнительно высоком уровне знания русского языка, в наших условиях – только в системе высшего образования, в рамках специального курса магистратуры. В венгерской русистике изучение и преподавание способов глагольного действия внедрил в обучение Й. Крекич (см. его книгу: [Крекич 1989]), а главным продолжателем этой линии является ныне И. Палоши (см. из ее работ на этот счет: [Палоши 2014]). Ввиду того что при узком понимании парности обширному разряду делимитативов вообще не уделяется внимания, из такого подхода прямо следует признание многочисленных исходных глаголов глаголом абсолютно НСВ (напр., *работать, гулять, играть*), значит, признание его непарным глаголом НСВ. В случае же употребления делимитатива в его первичном акциональном значении венгерским эквивалентом является очень часто исходный (бесприставочный) глагол, если отвлечься от описательного способа, указывающего на кратковременность действия. Неслучайно большинство венгров – даже на продвинутом этапе обучения и на сравнительно хорошем уровне знания языка – избегает употребления делимитативов (напр., *Я хочу с вами говорить* вместо *поговорить*). Таким образом, категорический отказ от делимитативов при выделении видовых пар в учебном плане означал бы полный отказ именно от той акциональной модификации, которая является одной из наиболее продуктивных.

3. О соотносительности в свете двувидовых глаголов. Третья проблема, выделенная в лингводидактическом аспекте, связана с глагольной двувидовостью. Проблема состоит в том, что двувидовые глаголы в отношении реализации того или иного вида не однородны. В нормальном случае (что можно считать исходным положением) мы говорим о полной двувидовости, когда все формы глагола могут выражать значения обоих видов. Однако существуют и такие биаспективы, которым присуща неполная двувидовость. Такой глагол выражает значения обоих видов не во всех позициях, в одних своих формах их видовая принадлежность является определенной. Это имеет место, например, в случае биаспективов *организовать* и *реорганизовать, образовать* и *преобразовать*. Двувидовыми они называются потому, что их личные формы могут выражать не только значение СВ, но и значение НСВ (а именно:

настоящее время): *Человек постоянно преобразует среду своего обитания*. Но в прошедшем времени этот же глагол имеет только значение СВ: *Человек преобразовал среду своего обитания*. Если мы хотим выразить значение НСВ в прошедшем времени, то форму *преобразовал* нужно заменить на *преобразовывал*: *Человек два столетия преобразовывал среду своего обитания* (см. [Апресян 1997: 133]). Из этого факта следует и то, что упомянутые здесь глаголы, приведенные в разных словарях как двувидовые, в иностранной аудитории целесообразно трактовать как глаголы СВ при наличии таких соотносительных глаголов НСВ, которые образованы суффиксальной имперфективацией: *организовать* (СВ) → *организовывать*, *преобразовать* (СВ) → *преобразовывать* и др. Короче говоря, такие соотношения, как *организовать* – *организовывать*, *образовать* – *образовывать*, *преобразовать* – *преобразовывать* в учебном плане логично рассматривать в качестве видовой пары. При этом, конечно, на двувидовой характер производящего глагола можно обратить внимание, указывая на функциональные особенности его личных форм.

Для наглядного представления данной проблематики коротко остановлюсь и на таком соотношении, которое является контрпримером. Так, с формальной точки зрения двувидовой глагол *атаковать* и его производный дериват *атаковывать* можно было бы приравнять к указанным выше соотношениям. Тем не менее очевидно даже при первом рассмотрении, что данные глаголы ни в коем случае не могут быть объединены в составе видовой пары. Во-первых, производящий глагол *атаковать* несомненно проявляет признаки полной двувидовости, так как любой формой глагола *атаковать* можно передавать помимо перфективного значения и все значения НСВ (см. его личные формы, формы прошедшего времени, инфинитива, а также и формы деепричастий и причастий). Во-вторых, производный имперфектив *атаковывать* явно ограничен в своем функционировании, ведь он имеет аспектуально неполную парадигму: это значит, что данный имперфектив – в нормативном употреблении – не может выступать в позиции настоящего времени времени (т.е. в личных формах). Из сказанного прямо следует, что в педагогической практике имперфективный вариант *атаковывать* (даже на продвинутом этапе обучения) можно оставить без внимания (подробнее об этом: [Ясаи 2017]).

С точки зрения выбора подходящей формы трудности вызывают и некоторые бесприставочные глаголы, зафиксированные в словарях как двувидовые, и имеющие при этом перфективный префиксальный коррелят СВ (напр., *анализировать*, *анкетировать*, *демонстрировать*, *иллю-*

стрировать, информировать, оперировать и др.). Поскольку в последнее время (в последние десятилетия) такие глаголы в основном употребляются в значении НСВ, и в типичных перфективных контекстах явное предпочтение отдается их приставочным дериватам (*проанкетировать, прооперировать, проиллюстрировать* и др.), наш вывод в таких случаях однозначен: в учебной работе бесприставочный глагол, являющийся лишь ограниченно двувидовым и его приставочный производный перфектив также целесообразно трактовать в качестве видовой пары (как, напр., *анкетировать – проанкетировать*).

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексикографическая трактовка вида: нетривиальные случаи // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 2, отв. ред.: М.Ю. Черткова, Москва, 1997. С. 7–20.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 3-е, Москва: «Высшая школа», 1986. 640 с.
3. Горбова Е.В. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания. № 4, 2011. С. 20–45.
4. Горбова Е.В. Видообразование русского глагола: префиксация и / или суффиксация? // Вопросы языкознания. № 1, 2015. С. 7–38.
5. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. Москва: «Языки русской культуры», 2000. 221 с.
6. Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д. Русская аспектология: В защиту видовой пары. М.: Языки славянской культуры, 2015. 392 с.
7. Крекич Й. Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Будапешт: «Танкёньвкиадо», 1989. 287 с.
8. Палоши И. К основным вопросам категории способа глагольного действия в русском языке // *Slovène – International Journal of Slavic Studies* (Moscow / Москва). Vol 3, No 2, 2014. С. 194–208.
9. Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. Москва: «Языки русской культуры», 2001. 279 с.
10. Петрухина Е.В. Аспектуальные категории глагола в русском языке (в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками). Москва: Изд-во Московского ун-та, 2000. 255 с.
11. Титаренко Е.Я. Имплицитная аспектология русского глагола. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. 323 с.
12. Ясаи Л. Видовая «неопределенность» двувидовых глаголов как следствие морфемной немаркированности. *Studia Slavica Hung.* 62/1, 2017. С. 47–58.

**ON THE INTERPRETATION
OF LINGUISTIC PROBLEMS TAKING INTO ACCOUNT
THE APPLIED ASPECT (on the example of the verb form)**

© *L. Jaszay*

Teachers are often forced to make a choice when theoretical linguists suggest different interpretations of the same phenomenon. In this article, the linguistic description and the framework of studying the category of verbal aspect are determined with consideration of the applied approach of teaching Russian as a foreign language. The author finds that the way and the theoretical context of interpreting a phenomenon to be essential for the explanation of the teaching material. The following three questions are analyzed in the light of the problems of the verbal aspect: 1) Formation of an aspectual pair – is it word formation or inflection? 2) What are the criteria for distinguishing aspectual pair and how to understand the question of the broad interpretation of aspectual correlation? 3) What is the relationship between the phenomenon of biaspectivity and the formation of an aspectual pair?

Keywords: aspectual pairs, delimitative verbs, biaspectual verbs, word formation, inflection, strong opposition.

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ М.А. МИХАЙЛОВА

Суффиксы имен действующего лица в серболужицком языке // Ученые записки / Ин-т славяноведения АН СССР. М., 1959. Т. XVII.

Суффиксы имен действующего лица в серболужицком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1962.

О форме винительного падежа имен существительных как составной части верхнелужицких сложных слов // Серболужицкий лингвистический сборник. М., 1963.

Верхнелужицкие образования типа *nabel, nazole* // *Beirage Gur sorbischen Sprachwissenschaft Bautzen*, 1968.

Использование верхнелужицких отглагольных форм на *-at-у* в глагольных конструкциях // Исследования по серболужицким языкам. М., 1970.

Чередования и морфологическая членимость // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.

Депревербация и семантика приставки // Советское славяноведение. М., 1972, № 2.

Взаимодействие разных типов основ в процессе образования слов // Лексика. Терминология. Стили: Межвуз. сб. Вып. 1. Горький, 1973.

Выделимость морфем в речевых процессах с антонимическим отталиванием // *Studia Rossika Poznaniensia Zeszyt 4. Poznan*, 1973.

О количественных формах существительных (на материале говора брянских переселенцев Приморского края) // Общеславянский лингвистический атлас. М., 1973.

Вопросы морфологического анализа слов (выделимость основ и формантов): Пособие к спецкурсу. Горький, 1974.

Деаффиксация и выделяемость морфем // *Slavika Wratislaviensia IV. № 194. Wroclav*, 1974.

О степени выделяемости морфем // *Lingua Posnaniensis. XVIII. Warszawa – Poznan*, 1975.

Вопросы морфологического анализа (проявление выделяемости морфем в деривационных процессах) // *Slavika Wratislaviensia. VII. Warszawa – Wroclaw*, 1976.

К вопросу о так называемой «замене морфем» (об одном отклонении в использовании термина) // Лексика. Терминология. Стили: Межвуз. сб. Горький, Вып. 5. 1976.

О процессах, связанных с выделением служебных морфем в конкретных новообразованиях // Slavika Wratislaviensia IX. Wroclaw, 1976.

О словообразовании по конкретному образцу // Slavika Wratislaviensia. VI. Wroclaw, 1976.

Деадвербиализация // Лексика. Терминология. Стили: Межвуз. сб. Горький, Вып. 6, 1977.

Направление производности и словообразовательные процессы // Термин и слово: Межвуз. сб. Горький, Вып. 1(7). 1978.

Выделимость морфем и направление производности // Studia Rossika Posnaniensia. Zeszyt X. Poznan, 1979.

Семантические сдвиги, обусловленные морфемной структурой // Термин и слово: Межвуз. сб. Горький, 1979.

Идиоматичность и «воспроизводимость» слова // Термин и слово: Межвуз. сб. Горький. 1980.

К понятию окказионального устранения идиоматичности // Slavika Orientalis, 1980. № 1–2.

Функционирование термина «обратное словообразование» // Функционирование терминов в современном русском языке: Межвуз. сб. Горький, 1986.

К содержанию термина «актуализация морфемной структуры слова» // Термины и их функционирование: Межвуз. сб. Горький, 1987.

О серболужицких глагольных приставках, выражающих отмену результата предшествующего действия // Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. М., 1989.

Речевая номинация и выделимость морфем. Красноярск, 1989.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Сборник статей
к 90-летию М.А. Михайлова

Издательство Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Формат 60х84 1/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 12,1. Усл. печ. л. 9,4.
Тираж 500 экз. Заказ № 267.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37